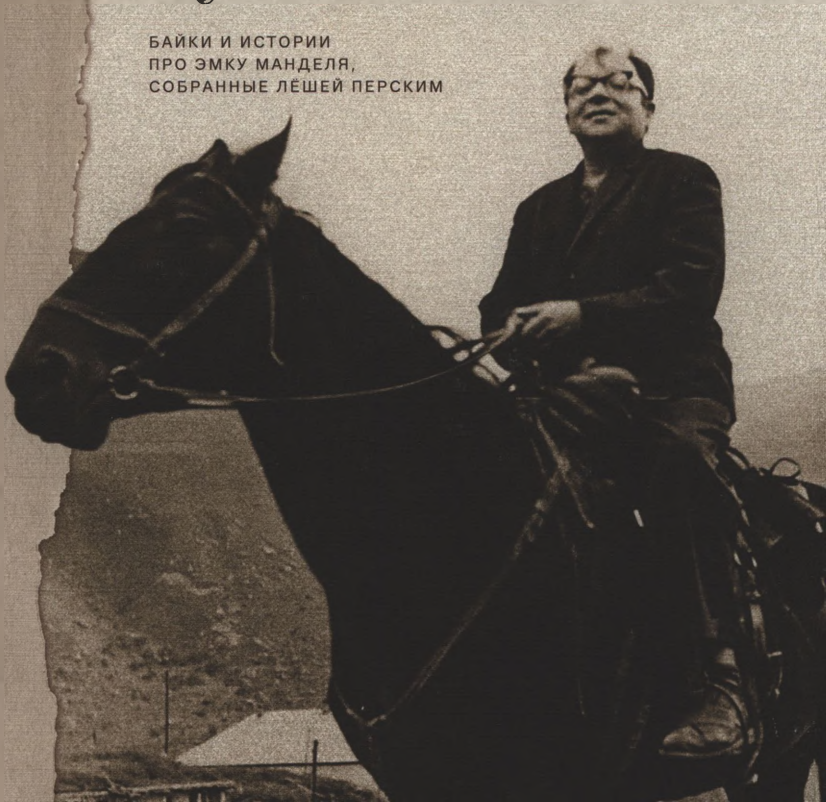
НАУМ КОРЖАВИН

Все мы несчастные сукины дети

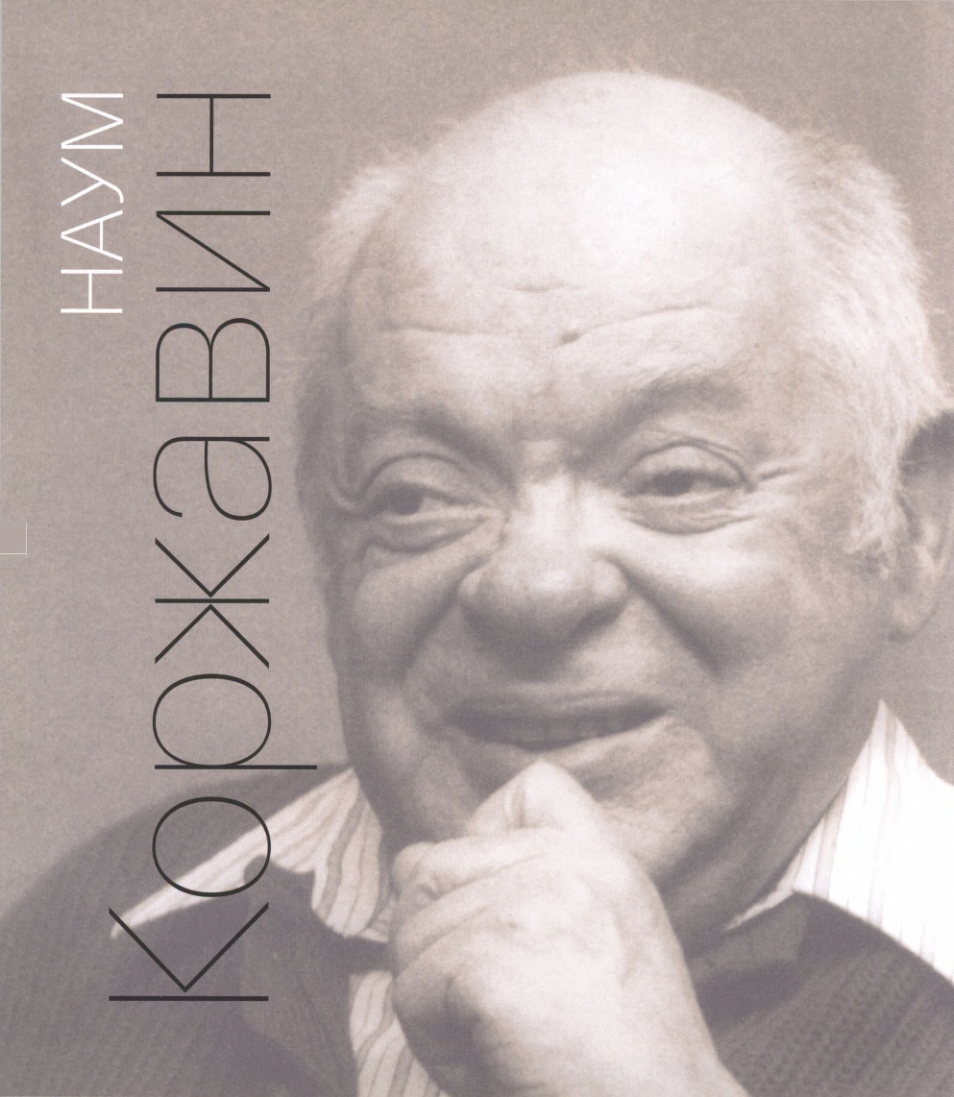
БАЙКИ И ИСТОРИИ
ПРО ЭМКУ МАНДЕЛЯ,
СОБРАННЫЕ ЛЁШЕЙ ПЕРСКИМ



НАУМ

Коржавин

НАУМ КОРЖАВИН



Все мы несчастные сукины дети

БАЙКИ И ИСТОРИИ
ПРО ЭМКУ МАНДЕЛЯ,
СОБРАННЫЕ ЛЕШЕЙ ПЕРСКИМ

Москва
Перский
2017

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К66

UNIVERSITY OF WASHINGTON LIBRARIES

К66 **Наум Коржавин:** Все мы несчастные сукины дети. Байки и истории про Эмку Манделя, собранные Лешей Перским / Сост. Л. Перский. — М., 2017. — 328 с.: ил.

ISBN 978-5-95001-260-0

«Поэт божьей милостью» или «городской сумасшедший» — амплитуда оценок Наума Коржавина всегда зашкаливала. Эмка Мандель — так звали киевского мальчика, который пережил Голодомор, 1937-й год, войну, эвакуацию, арест, Лубянку, психушку, ссылку, полулегальную жизнь в Москве и эмиграцию. Перипетии жизни поэта во многом повторяют трагические повороты истории нашей страны. Рассказы о встречах Коржавина со знаковыми людьми XX века будут интересны широкому кругу читателей. Уникальные фотографии и редкие документы позволяют почувствовать дух и атмосферу ушедшей эпохи.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Н. М. Коржавин, 2017
© Л. Р. Перский, 2017
© Авторы и правообладатели фотографий, 2017

Люсе,
без которой этой книги не было бы

1 Коржавин и Перский. Москва. 1991

«Городской сумасшедший», «здравомыслящий безумец», «русский Сократ» — Эмка Мандель с юности был героем анекдотов и баек. Пиджак на голое тело; легендарные буденовка, шинель без хлястика и валенки с завернутыми носами — небрежение к внешнему и глубинное постижение сути поражали знакомцев Коржавина. Он быстро стал в глазах современников мифологическим персонажем.

Киев, война, эвакуация на Урал, Литинститут, арест, Лубянка, институт Сербского, ссылка в Сибирь, Караганда, снова Москва, эмиграция в США, триумфальное возвращение и монотонная жизнь за океаном... Вся многотрудная, но счастливая жизнь Наума Коржавина каждым своим кульбитом отражает наше время, трагическое, дурацкое, великое, смешное, нелепое и прекрасное, как вся наша история. Его парадоксальные предсказания будущего России казались нам эсхатологическими, но, к сожалению, они регулярно сбывались.

Коржавин вошёл в мою жизнь почти сорок лет назад и стал членом моей семьи. Моя жена с юных лет знала Коржавина как «дядю Эму», так называют его и наши дети. Когда случилась перестройка и эмигранты стали возвращаться, Наум Моисеевич, приезжая в Москву, пока здоровье и силы ему позволяли, жил у нас по несколько месяцев много лет подряд.

Самое главное в жизни поэта — стихи, но без подробностей его бытия, в которых я имел счастье принимать участие последние четверть века, жизнеописание моего героя будет неполным.

У меня нет задачи застолбить для него место в табели о рангах русской поэзии. Эта книга не исследовательская монография, не биография из серии ЖЗЛ, не диссертация или научно-популярный трактат. Это книга с картинками. Среди моих предшественников, работавших в жанре table-talk, достаточно назвать В. Вересаева («Пушкин в жизни») или С. Довлатова и М. Волкову («Не только Бродский»).

Стихи Коржавина здесь отобраны тонким поэтом Олегом Чухонцевым. И даны они в редакции Чухонцева. Чтобы узнать их целиком, стоит прочитать бумажные книги Наума Моисеевича или найти тексты во всемирной паутине.

Эта книга осталась бы в рукописи без самоотверженной, можно сказать, почти материнской помощи моего друга и редактора Елены Грищенко.

Андрей Леднев буквально силой заставил меня прийти в Фейсбук и создать там страницу Наума Моисеевича, где была опубликована большая часть баек этой книги.

Без дизайна и верстки Стаса Валишина автору не удалось бы воплотить свой замысел.

Без скромного мецената Александра П. издателю было бы значительно труднее.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Москва 2001
Автор Юрий Рост

Зависть

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

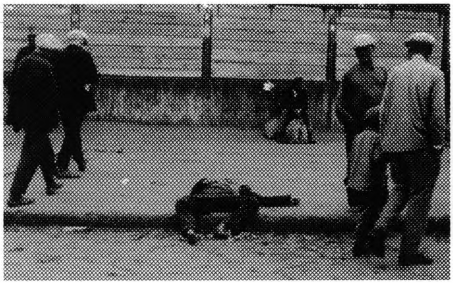
Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

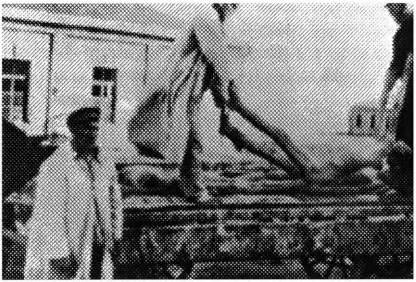
Мы не будем увенчаны...
И в кибитках, снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами.

1983

3

4





Голодомор я ясно помню. Я помню Киев тридцать третьего года. На улицах лежали трупы, у продмагов валялись люди и просили: «Хлиба, хлиба!» Но лишнего хлеба мало у кого было, и очень трудно было не давать, хотя хотелось давать, особенно детям.

Там лежали и дети тоже, а я в детстве знал, что валяться на земле нехорошо, негигиенично. Так мне внушали.

Однажды у ворот нашего дома собралась небольшая толпа. В подворотне прямо на булыжнике лежала, скрючившись, опухшая и ко всему безучастная женщина неопределенного возраста в грязных лохмотьях. Она вдруг дернулась и затихла. Человека не стало. В таком обличии предстала предо мной впервые смерть.

Дальше было еще страшнее. Подъехал грузовик. На нем пластами лежали трупы. Пласт трупов и пласт брезента.

Потом я встречал много таких машин. Я уже знал, что это такое, хотя был маленький.

Мы же продолжали жить, веселиться, верить в коммунизм, читать пионерские журналы.

Сталин ограбил народ и сказал, что жить стало лучше, жить стало веселей. Люди пережили не только голод. Свыклись с мыслью, что есть люди, которых не жалко. Люди-издержки. Потом я сам попал в такую категорию людей. Именем народа научились убивать народ. Вместе с грамотностью освоили людоедство.

И это было страшно. Девушки бежали мимо трупов на свидания. Они ж, девушки, не могли отменить свои семнадцать лет.

Жертвы голодомора
Харьков. 1933
Автор Александр
Винербергер

Жили как жили... Жил киевский мальчик, не очень хорошо воспитанный. Потом началось странное время, когда продукты стали ценностью. Но отец работал на макаронной фабрике, и чем-то меня кормили. Но 37-й год я заметил. Почему — не знаю. Личных причин его заметить у меня не было: в моей семье никто не погорел, деятелей не было. Мать была зубным врачом, отец — механиком и переплетчиком. В поле зрения Ежова они не попали, но что-то я почувствовал. Дети очень чувствуют несоответствия и фальшь, а ощущение лжи было огромным.

Цветаева писала про те годы: «Есть времена, где солнце смертный грех. Не человек, кто в наши дни живет». Это эпиграф ко всему этому времени. Нельзя было это пережить, а это пережили.

Доставка обвиняемых в суд по Шахтинскому делу о вредительстве и саботаже. Москва. 1928

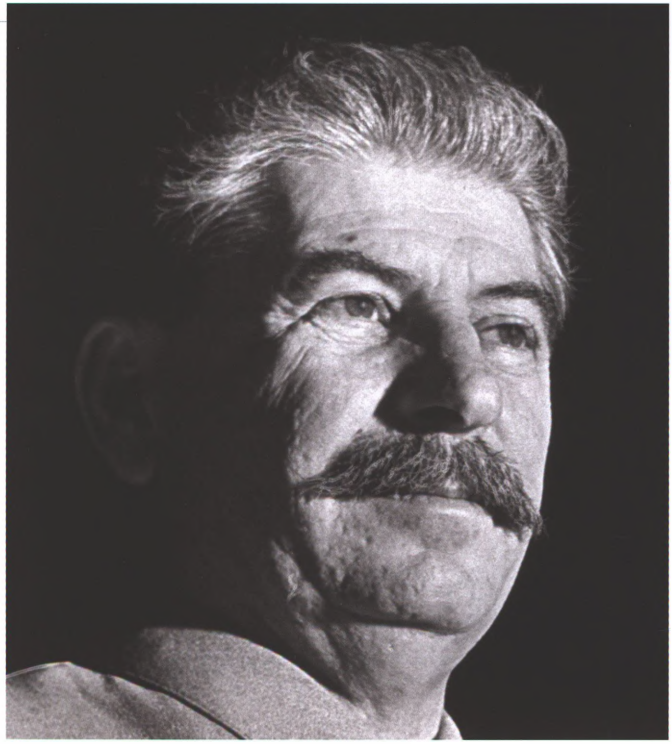
7

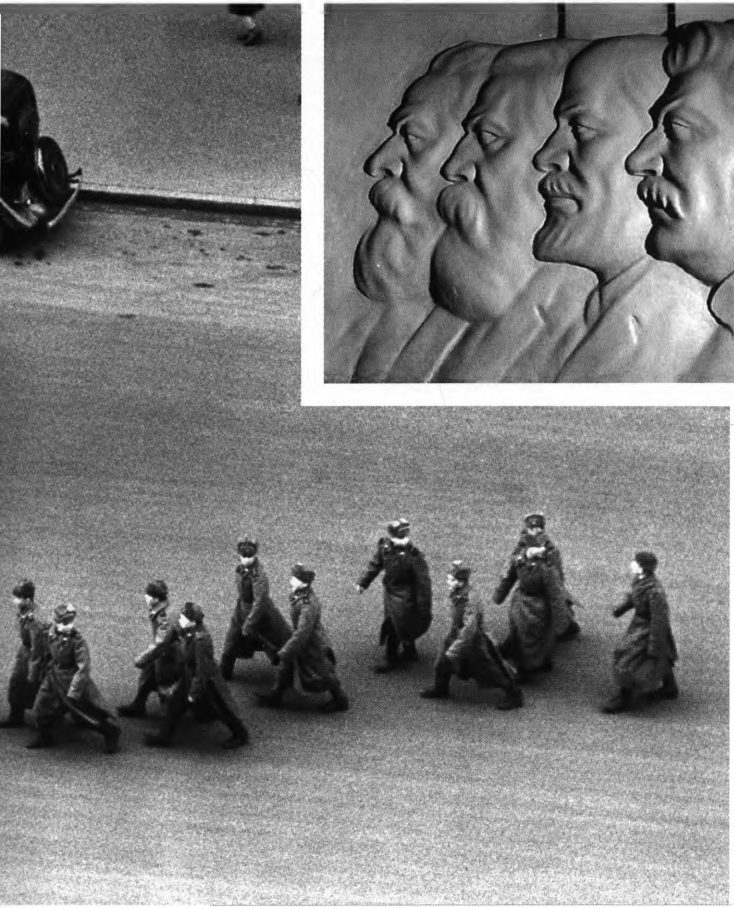
8

7 Занятие по стрелковой подготовке в летнем военном лагере под Могилевом близ реки Друть. 1935

8 Демонстрация против врагов народа. Москва. 1938

Сталин говорил, что скромность украшает большевика. Но скромность — не украшение. Скромность — это мудрость. Пока вы скромны — вы чувствуете свои размеры. И других людей чувствуете, и весь мир. А как только начнете думать, что вы — пуп земли, а все остальные — материал для истории, впадете в большой обман.





11

10

9. И. Сталин. 1943. Автор Margaret Bourke-White

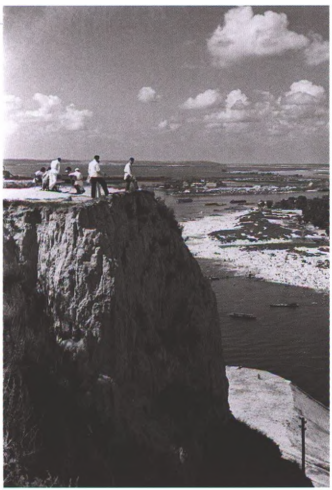
10. Взвод солдат переходит улицу. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

11. Барельеф основоположников марксизма-ленинизма-сталинизма. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

12

Дед по линии отца был раввином, цадиком — благочестивым мудрецом, практически святым по хасидским понятиям. Дядя тоже был раввином, а отец и мать — атеистам. Семья матери происходила из маленького еврейского местечка Ржищев. По сей день это село стоит на берегу Днепра.

13



Коржавин с родителями перед эмиграцией. Киев. 1973

Днепр в Киеве. 1937. Автор Фридлянд

Днепр. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Перский

Протокол допроса
обвиняемого Мандель Наума Моисеевича
от 26 февраля 1948 года
Допрос начат: в II час.
" окончен: в I5 час.

Вопрос: Кто ваши родители?

Ответ: Отец мой — Мандель Моисей Григорьевич, 1888 года рождения, происходит из духовной семьи (его отец был раввином) мест. Козин, Киевской области. Все время работал на предприятиях, вначале мастером, а потом контролером отдела технического контроля. С окончанием Отечественной войны занимается кустарным делом — работает переплетчиком. В настоящее время проживает в Киеве, по улице Большой Владимирской в доме 97б, кв. I.

Моя мать Гинзбург Анна Наумовна, 1887 года рождения, происходит из семьи служащего местечка Ржище, Киевской области. С 1916 года работает врачом стоматологом. Проживает в г. Киеве вместе с отцом.

Вопрос: Братья и сестры у вас есть?

Ответ: Нет. В семье я один сын.

Вопрос: Кто из ваших родственников подвергался репрессиям со стороны Советской власти?

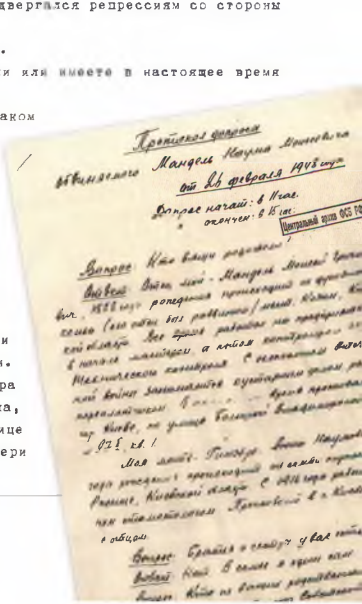
Ответ: Таких родственников у меня нет.

Вопрос: Кого из родственников вы имели или имеете в настоящее время за границей?

Ответ: По линии матери в Палестине, в каком городе не знаю, проживает ее брат Гинзбург, имя не знаю, с семьей. Со слов матери я знаю, что Гинзбург в 1913 году из России выехал в Германию, где проживал некоторое время, а затем выехал в Палестину. Других родственников за границей я никого не имею.

Вопрос: Какую связь вы поддерживаете с Гинзбургом?

Ответ: Лично я, а также мои родители с Гинзбург никакой связи не поддерживаем. С ним поддерживает письменную связь сестра матери — моя тетка Гинзбург Софья Наумовна, проживающая в гор. Киеве, на какой улице не знаю. Она-то и рассказывала моей матери о судьбе их брата.



* * *

Мир еврейских местечек... Ничего не осталось от них,
Будто Веспасиан здесь прошел средь пожаров и гула.
Сальных шуток своих не отпустит беспутный резник,
И, хлеща по коням, не споет на шоссе балагула.

Я к такому привык — удивить невозможно меня.
Но мой старый отец, все равно ему выспросить надо,
Как людей умирать уводили из белого дня
И как плакали дети и тщетно просили пощады.

Мой ослепший отец, этот мир ему знаем и мил.
И дрожащей рукой, потому что глаза слеповаты,
Ощутит он дома, синагоги и камни могил,-
Мир знакомых картин, из которого вышел когда-то.

Мир знакомых картин — уж ничто не вернет ему их.
И пусть немцам дадут по десятку за каждую пулю,
Сальных шуток своих все равно не отпустит резник,
И, хлеща по коням, уж не спеть никогда балагуле.

1943

15 Дети в иешиве. 1931. Автор Margaret Bourke-White

16 Кадр из фильма «Комиссар». Режиссер Александр Аскольдов. 1967. Киностудия им. Горького

В сентябре 41-го немцы взяли Киев, и все оставшиеся в городе евреи — друзья, родственники и соседи Коржавина — были уничтожены в Бабьем Яру.

Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник, 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской улиц (возле кладбищ).

Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян.

Наказується всім жи
Києва і околиць зібра
неділок дня 29 вересня
до год. 8 ранку при ву
ка — Доктерівській (
вища).

Всі повинні забрат
документи, гроші, біл

Хто не підпорядку
розпорядженню буде

Хто займе жидівс
або розграбує пре
речинь, буде розс

17 Фашистский громкоговоритель на Крещатике. Киев. 1941

18—19 Бабий Яр. 1 октября 1941 года. Автор — фотограф 637-го немецкого отряда пропаганды 6-й армии Вермахта Иоганн Хехле (Johannes Hahle)

18

19

Бабий Яр. 1 октября 1941 года. Автор — фотограф 637-го немецкого отряда пропаганды 6-й армии Вермахта Иоганн Хехле (Johannes Hahle)

Дети в Освенциме

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились — мучили детей.

И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.

За что — обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.

Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.

А дни всё шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били. Так же. Снова.
И не снимали с них вины.

Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
Мужчины мучили детей.

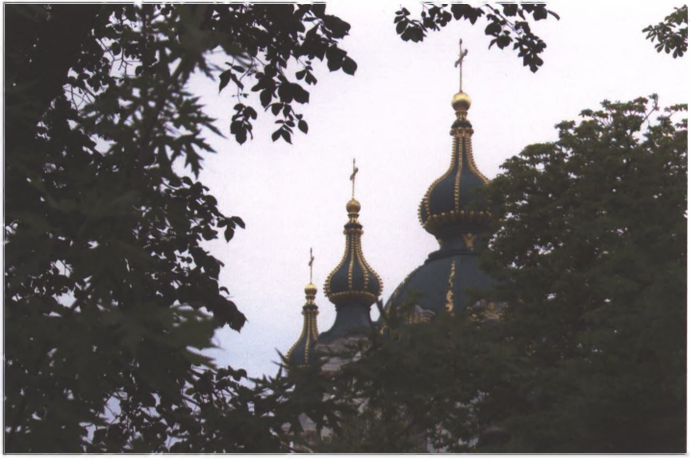
Я жив. Дышу. Люблю людей.
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это — было!
Мужчины мучили детей!

1956

Меня к этому времени уже больше всего занимала поэзия. Все остальное — в связи с ней. И что-то существенное я стал в ней понимать. Каким образом — сказать трудно. Прежде всего через Маяковского, стоящего в ней особняком. Потом я начал понимать и любить Блока, его лучшие стихи. Открылся мне и Пастернак. Об Ахматовой и Мандельштаме я только слышал. Имя Цветаевой я впервые узнал только весной 1941 года, перед самой войной, от Эренбурга. И все же сквозь всю эту путаницу в голове я уже что-то нащупывал. Рождалось ощущение формы как выраженной цельности внутреннего замысла, а также представления об обобщенности, о том, что этот замысел не должен исчерпываться поводом, вызвавшим его к жизни, — все равно, интимным или общественным переживанием он является.

21. Киев. Подол. 1939

22. Киев. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Лерский



Асеев приехал в Киев, выступал публично, читал главы из поэмы «Маяковский начинается», за которую получил или должен был получить Сталинскую премию. Поэма, кстати, вполне честная филиппика насчет «литературного гангстера Авербаха», который тогда был «разоблачен как враг народа», была не конъюнктурным подвыванием стае, а искренней ненавистью. Кроме собственных стихов Асеев на своих вечерах читал две главы из пастернаковского «Пятого года», что было поступком. Пастернак был в немилости. Только недавно почти все более ни менее видные писатели стали «орденоносцами», то есть были награждены орденами. Пастернака наградой обошли. Это, конечно, смешно, но смешно сегодня. А тогда ордена принимали всерьез. Не только известные писатели, но и мы, все жили внутри этого заданного, недобровольно-инфантильного мира. И было обидно, что Пастернака обошли. И кроме того, это был знак для других.

Кажется, я подошел к Асееву на выступлении и о чем-то заговорил — вероятно, ругал гладкопись и сокрушался о забвении традиций Маяковского. При внешнем почитании — меня это тогда волновало. Его, видимо, тоже, он согласился на мой визит. Принял он меня приветливо. Был он высок, большеглаз, приятен, свободен в манерах. Поговорили, потом я читал ему стихи. Тогда-то ему и понравилась «Жуча», о чем я уже рассказывал. Он велел ее переписать для него, что я и исполнил, добавив еще одно стихотворение, названное мной «Из цикла „Собственность“». Приверженность к собственности, корежащей души, он ненавидел всю жизнь, я тогда тоже — все это входило в антимещанский комплекс. Но при этом он мне рассказывал о доме своих родителей, об укладе, о блюдах и напитках, исконно-русских, и рассказывал отнюдь не в хулу. По поводу какого-то моего антимещанского стихотворения, давно мной теперь забытого, где город как окружающая среда ощущался враждебно, сказал:

— Вы вот про город... А это вам кажется... Он не враждебен вам... Просто пока ни вы его не знаете, ни он вас...

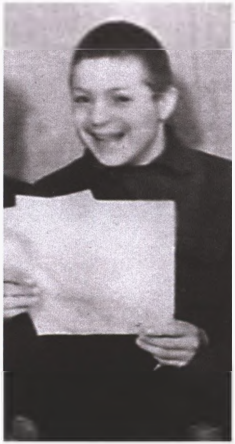
Не так глупо и не так футуристически сказано.

Жуча

Вот прыгает резвая умница,
Смеется задорно и громко.
Но вдруг замолчит, задумается,
Веселье в комочек скомкав.

Ты смелая, честная, жгучая,
Всегда ты горишь в движении.
Останься навеки Жучею,
Не будь никогда Евгенией.

1938



23 Николай Асеев. Москва. 1939

24 Киев. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Перский

25 Эма Мандель читает стихи. Киев. 1940

Приходил я и к Иосифу Павловичу Уткину. Он был широко известен как автор «Поэмы о рыжем Мотэлэ» и многих лирических стихов. Кроме того, — может быть, именно по этой причине — он был мальчиком для битья. Лирика до самой смерти Сталина находилась под подозрением, в лучшем случае извинялась, если покрывалась другими заслугами. Кроме Пастернака, Уткин был единственным из известных мне тогдашних «взрослых» поэтов, которого обнесли на пиру — не наградили орденом на общем празднике расцвета советской литературы.

В одном из объявлений об его выступлении по инерции было написано: «Выступление поэта-орденоносца» тогда все приезжавшие были орденоносцами. Он с достоинством поправил: «Нет, не орденоносец». От Уткина от первого когда мы вышли с ним пройтись, я услышал, что говорить «тудой» и «сюдой» неграмотно. Вообще он тогда был ориентирован на культуру, на историю русской поэзии. Говорил о Вяземском, о Денисе Давыдове — для меня это все тогда была китайская грамота. Для меня поэзия в принципе начиналась с Блока, а где-то в тылу как предыстория помещались Пушкин, Лермонтов и Некрасов.

26 Иосиф Уткин. Автор М. Наппельбаум

27 Гостиница «Континенталь». Киев. 1940

Весьма красочным было мое знакомство с Эренбургом. Меня потом с ним связывали пусть не очень близкие, но теплые отношения. Но они не были продолжением этой довоенной встречи — он о ней начисто забыл. А я помню до сих пор.

Тогда цвела еще вовсю советско-германская дружба, хотя поговаривали о трещинах и называли немцев «наши заклятые друзья». А он только что вернулся из захваченного ими Парижа и опубликовал в газете «Труд» очерки о падении Парижа. Следовательно, «что-то знал», был посвящен. На самом деле, как он неоднократно писал, ничего он не «знал», но откуда мы тогда могли знать, как «на самом деле».

Пришли мы к нему с руководительницей нашего литкружка Ариадной Григорьевной — приглашать к себе на занятие. Мы постучали в дверь номера, услышали «Войдите!» и вошли. Нам навстречу с видом «что вам угодно?» поднялся Эренбург. Он был очень вежлив и очень холоден. Задача его, как я теперь понимаю, была как можно скорее выпро-

водить нас из номера. Я был ошеломлен и смят. Дело было не столько в его выжидающей позе, дело было в его костюме — в каком-то не виданном мной никогда мохнатом костюме. Я даже не знал, что такое бывает, уставился в его длинные ворсинки и не мог слова вымолвить.

— Я... Мы... — дальше дело не шло. Тогда инициативу на себя взяла Ариадна Григорьевна.

— Я вижу, Эма, у вас ничего не получается, придется мне, — начала она, и Эренбург повернулся к ней. Она коротко изложила суть дела, и Эренбург так же коротко отказался от приглашения, сославшись на занятость. Мы вышли.

— Чего ж я ходил! — огорчился я. — Даже стихов не почитал.

— А знаете что, — сказала Адочка и рассмеялась. — Вернитесь! Извините и скажите, что смутились, но хотите почитать стихи. У вас такой вид, что... ей-богу, сойдет.

28 Мандель на занятии литкружка. Киев. 1940

29 Илья Эренбург. Москва. 1934. Автор Дорофеев

Я так и поступил. И действительно сошло. Эренбург не выразил никакого удивления по поводу моего вторичного появления, согласился меня выслушать, отнесся ко мне серьезно. Одно стихотворение ему понравилось, и он попросил его переписать.

Это было уже весной сорок первого. А потом он начисто забыл эту встречу. И это неудивительно. Такие начались события, что было не до того, чтоб умиленно помнить подающего надежды пятнадцатилетнего киевского мальчика.

А события шли к войне — полным ходом.

Киев. 1932

Илья Эренбург. Москва. 1941. Автор В. Славинский

Приходил студент литинститута Мандель, который после многих мытарств стал поэтом Коржавиным. Он был чрезвычайно сумбурным, порой нелепым, вступал в споры с преподавателями, писал стихи для друзей и для себя... его арестовали... сослали... Он продолжал писать, но не хочет зависеть от вкусов редакций...

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

* * *

Боль начинает наплывать
Опять, тебе назло.
А ты скорее за слова,
Но больше нету слов.

И ты поймешь: спастись нельзя,
И боль зальет глаза...
Ведь ты давно уж все сказал,
Что надо б тут сказать.

1941

22 июня 1971 года

Свет похож на тьму,
В мыслях — пелена.
Тридцать лет тому
Началась война.

Диктор — словно рад...
Душно, думать лень.
Тридцать лет назад
Был просторный день.

Сколько средь полей
У различных рек
Полегло парней,
Молодых навек?

Что осталось?.. Быт,
Суета, дела...
То ли совесть спит,
То ли жизнь прошла...

1971

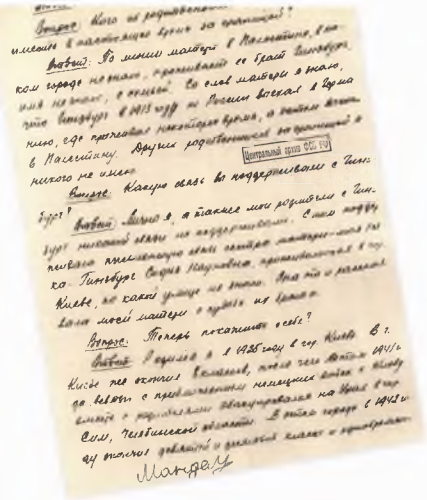
22 июня 1941-го репродуктор молчал, чего за ним не числилось. На улице было что-то странное, какое-то волнение. А у нас с ребятами была назначена прогулка за город, я уже точно не помню куда. Я подошел к месту, где мы собирались, на Саксаганского, возле института, рядом с домом моей одноклассницы. Я подошел и говорю: «Ну что, поехали?» Мне отвечают: «Дурак! Ты не знаешь, что война началась! Смотри, в институт уже привезли раненых». Я смотрю, там какие-то подъезжают машины «скорой помощи», люди волнуются. Мы постояли, потом я пошел домой, начался дождь, мы с одноклассником зашли в магазин, и он сказал: «Ты знаешь, если это как-то неправда, то я пожалею об этом, то я разочаруюсь». Его убили на войне. Но не во время бомбежки, а на войне.

Однажды я увидел, как над нами пролетели немецкие самолеты. Мы жили рядом с заводом, который тогда назывался «Червонный двигун» — «Красный двигатель», немцы над нашим домом летели его бомбить.

33 Репродукторы на майской демонстрации в Москве. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

34 Руины Успенского собора. Киев. 1941

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) партия Ленина—Сталина—организатор
и организатор борьбы за порядок над немецко-фашистскими захватчиками!



Протокол допроса

обвиняемого Мандель Наума Моисеевича

от 26 февраля 1948 года

Допрос начат: в II час.

" окончен: в I5 час.

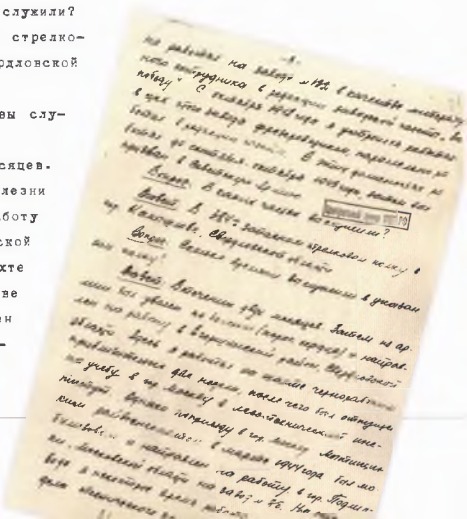
Ответ: Родился я в 1925 году в гор. Киеве. В г. Киеве же окончил 8 классов, после чего летом 1941 г. в связи с приближением немецких войск к Киеву вместе с родителями эвакуировался на Урал в гор. Сим Челябинской области. В этом городе в 1942 году окончил девятый и десятый классы и одновременно работал на заводе №132 в качестве литературного сотрудника в редакции заводской газеты «За победу». С октября 1942 года я устроился работать в цех этого завода фрезеровщиком, параллельно работал в редакции газеты. В этих должностях работал до сентября-октября 1943 года, затем был призван в Советскую Армию.

Вопрос: В каких частях вы служили?

Ответ: В 384-м Запасном стрелковом полку в гор. Камышлове Свердловской области.

Вопрос: Сколько времени вы служили в указанном полку?

Ответ: В течение двух месяцев. Затем из армии был уволен по болезни (порок сердца) и направлен на работу в Егоршинский район Свердловской области. Здесь я работал на шахте чернорабочим приблизительно две недели, после чего был отпущен на учебу в гор. Москву в Лесотехнический институт.



Рабочий у станка. 1943. Автор Фигуркин

Все для победы! 1943

Церковная школа на Волге. 1931. Автор Margaret Bourke-White

Кадр из фильма «Сердца четырех». Режиссер Константин Юдин. 1941. Мосфильм

* * *

Предельно краток язык земной,
Он будет всегда таким.
С другим — это значит: то, что со мной,
Но — с другим.

А я победил уже эту боль,
Ушел и махнул рукой:
С другой... Это значит: то, что с тобой,
Но — с другой.

Я познакомился с Эмочкой, когда мне было шестнадцать, а ему девятнадцать. Он ходил в огромном пиджаке, надетом прямо на голое тело, был похож немножко на свинью и все время читал стихи, которые мне сразу понравились.

ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ

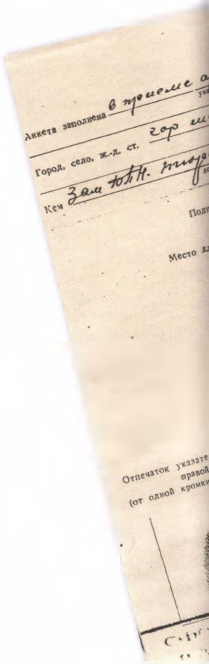
39. Валентин Берестов. Москва. 1947

40. Боец войск ПВО на крыше дома на улице Горького. Москва. 1943. Автор Наум Грановский

В «Молодой гвардии» я впервые услышал и подружился с Валентином Берестовым. Он был еще очень молод, выглядел почти мальчиком, серьезным мальчиком в очках, был тогда даже ниже меня ростом (это потом он вымахал в «дяденьку-достань-воробушка») и, кажется, еще учился в школе. Он уже был замечен и обласкан Ахматовой, Пастернаком, Алексеем Толстым и другими легендарными корифеями, с которыми жил в эвакуации в Ташкенте.

Стихи его были законченными, взрослыми. Его суждения о поэзии были серьезными и точными, ориентированными на понимание живого организма стихотворения, а не на манипуляцию терминами. Судил о стихах как о стихах, независимо от степени крамольности — она не была для него ни плюсом, ни минусом. Мне это было очень дорого и близко. Я не хотел «аплодисментов за смелость», не хотел и хулы за нее и не терпел сублимаций страха и равнодушия, высокомерно выдаваемых за эстетическую посвященность. У Берестова ничего этого не было. Он как был, так и остался для меня человеком тонкого, точного и строгого вкуса.

Дежурный боец-зенитчик на крыше Москва 1941. Автор Струнников



Словесный портрет из анкеты арестованного
при поступлении во внутреннюю тюрьму Лубянки
20.I2.I947

I. Рост: средний (I65—I70 см)
2. Фигура: полная
3. Плечи: опущенные
4. Шея: короткая
5. Цвет волос: темно-русые
6. Цвет глаз: карие
7. Лицо: круглое
8. Лоб: высокий
9. Брови: дугообразные
I0. Нос: большой, широкий.
Спинка носа: прямая
II. Рот: малый
I2. Губы: толстые
I3. Подбородок: прямой
I4. Уши: малые. Оттопыренность ушей: общая.
Мочка уха: сросшаяся
I5. Особых примет нет

Передавать арестованному — запрещается. Слов арестованного и проверяемых документов.

Орган НКГБ

Анкета арестованного

1. Фамилия, имя и отчество.	Мандель Наум Моисеевич
2. Год и место рождения.	1925 г. рожд. гор Киев
3. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес).	Москва Тверской бульвар. дом № 25 общежитие
4. Профессия и специальность.	Нет
5. Последнее место работы или род занятий до ареста. Если не работал, когда и откуда уволен.	Литературный институт им. Горького студент 3го курса
6. Национальность.	Еврей
7. Гражданство (при отсутствии паспорта, указать, какой документ удостоверяет гражданство или заявлено со слов).	СССР
8. Партийность.	б/п
9. Образование общее и специальное (подчеркнуть) и указать что закончил.	высшее
10. Социальное и политическое прошлое.	из рабочих.
11. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор).	сам. не судим.

Личная подпись арестованного

Мандель

Нет

Центральный архив ФСБ РФ

14. СОСТАВ СЕМЬИ

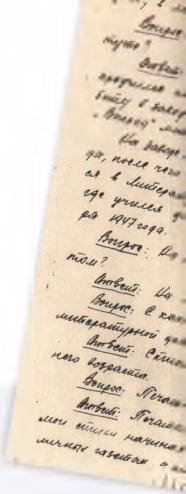
Степень родства	Фамилия, имя, отчество, год и место рождения	Место жительства, работы и должность
Отец	Мандельмоисей Григорьевич 1889.	гор Киев ул. Б Владимировская дом № 97/Б кв 1
Мать	Гинзбург Хана Нафтолько. 1887 г.	— " —
Жена (муж)	холост	
Дети	Нет	
Братья, сестры	Сестра нет — " — нет.	

15. СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ (нужное подчеркнуть)

1. Рост: высокий (171—180 см), очень высокий (свыше 180 см), низкий (155—161 см), очень низкий (до 151 см), средний (162—170 см).
2. Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая, тонкая.
3. Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.
4. Шея: короткая, длинная, заметен зоб, выступает кадык.
5. Цвет волос: белокурые, светло-русые, русые, темнорусые, черные, рыжие, с проседью, седые.
6. Цвет глаз: голубые, серые, зеленоватые, светлокарие, карие, черные.
7. Лицо: круглое, овальное, прямоугольное, треугольное, прямоугольное, ромбовидное.
8. Лоб: высокий, низкий, прямой, скошенный, выступающий.
9. Брови: прямые, [illegible] изогнутые, широкие, [illegible] стый, тонкий, [illegible] большой, изогнутая, [illegible] [illegible] кой. Основание [illegible] выступая с разделительное, опущенное.
10. Нос: [illegible] прямодлинный, [illegible] [illegible] большой. Ноздри опущены, приподняты.
11. Рот: [illegible] большой. Губы: тонкие, толстые, [illegible] нижней губы, приподнятость [illegible].
12. Подбородок: [illegible] скошенный, выступающий, [illegible] [illegible] с поперечной бороздой.
13. Подбородок: [illegible] [illegible] выступающий, [illegible] [illegible] [illegible]

В Литинститут меня сначала — в 1944 году — не приняли. Потому что... Ну, понятно, почему! Даже директор сказал, что вам надо уголь грузить. Ну, испугался он. А я тогда дурак был, всем всё читал, потому что если писать и не читать, то это бред. Стихи — это внутреннее обращение. Я читаю людям вовсе не от храбрости, не от героизма, не потому, что думаю, что стихами что-нибудь изменю. Я читал их потому, что они из меня перли.

Одно мое мальчишеское стихотворение очень понравилось моим следователям за профессиональный термин «компромат». Они говорили: «Наум, прочти стихи про компромат».



Восемнадцать лет

Мне каждое слово будет уликою
Минимум на десять лет.
Иду по Москве, переполненной шпиками,
Как настоящий поэт.

Не надо слежек! К чему шатания!
А папки бумаг? Дефицитные! Жаль!
Я сам всем своим существованием —
Компрометирующий материал!

1944

...По приезду в город Москву Мытищинским райвоенкоматом в марте 1944 года был мобилизован и направлен на работу в гор. Подлипки Московской области на завод №86. На этом заводе я некоторое время работал контролером Отдела технического контроля, а потом маляром в деревообделочном цехе. В сентябре 1944 года по моему настоянию я был отпущен с завода на учебу в Лесотехнический институт.

Вопрос: Как долго вы учились в этом институте?

Ответ: В Лесотехническом институте я проучился полгода, затем перешел снова на работу в завод №45, где работал в редакции газеты «Вперед» литературным работником.

На заводе №45 проработал до сентября 1945 года, после чего с работы уволился и поступил учиться в Литературный институт имени Горького, где учился до дня своего ареста, т.е. до 20 декабря 1947 года.

Из протокола допроса от 26.02.48

Аэростаты на детской площадке на Петровском бульваре. Москва 1942 Автор Наум Грановский

Константин Георгиевич Паустовский был, пожалуй, самым популярным писателем своего времени. Он жил тогда в Переделкине, на даче Федина. Приняты мы были. Моя спутница сказала, что я пишу хорошие стихи. Услышав это ничего хорошего не предвещавшее вступление, Константин Георгиевич попытался уйти в глухую оборону:

— Я не люблю слушать стихи.

Но в конце концов сдался:

— Ну ладно, одно стихотворение я еще могу выдержать.

И я прочел «Стихи о детстве и романтике» — практически об отрочестве и ежовщине — и победил. Паустовский несколько смутился, крякнул, сказал:

— Читайте еще...

Читал я тогда много. Он расспросил меня о моих делах, узнав, что я должен поступать в Литинститут, вызвался мне помочь и написал письмо директору института Ф. В. Гладкову, в котором рекомендовал меня с наилучшей стороны.

Письмо я передал. Потом, стоя за дверью, подслушал разговор на приемной комиссии. Докладывавший рассказал всю мою историю и предложил принять меня на... заочное отделение.

— А почему на заочное? — спросил Гладков. — Вы ведь говорите, что он талантлив.

— Да, но с ним трудно, — ответил докладывавший.

— С талантливыми всегда трудно, — возразил Гладков. Что ж, нам одних бездарей принимать, чтоб нам легче было?

И я был принят.

Константин Паустовский. 1948. Автор Б. Степаненко

Литинститут им. Горького. 1949. Москва. Автор Озерский

Дача Чуковского. Переделкино. 2017. Автор Л. Перский

Вид на гостиницу «Националь» с балкона гостиницы «Москва». 1941. Автор Margaret Bourke-White

Караганда 1951—1952

Мои литературные занятия обрели некоторую необходимую в то мундирное время легитимность... Я пришел в Литинститут не в качестве гостя, а как законный студент. Я впервые встретился со своими однокурсниками. А было их немного — человек пятнадцать, не больше.

Такое впечатление, что все ребята, кроме меня, Расула Гамзатова и Володи Корнилова (он годами не вышел), были демобилизованными солдатами и офицерами. Демобилизованными в основном по ранению, а не из-за окончания войны.

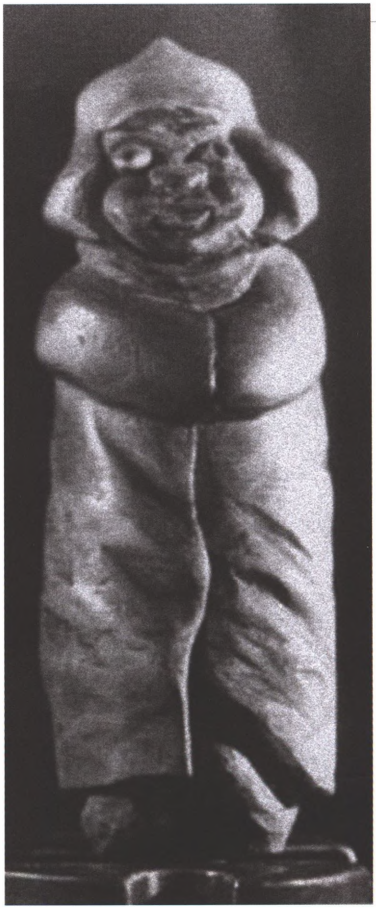
Фронтовиками были Андрей Турков, Костя Левин, Максим Толмачев, Гриша Куренев (тогда Хейфец), Слава Костыря, Толя Злобин, Жора Друцкой, Игорь Кобзев, Максим Джежора (он же Калиновский). С последними двумя я сразу подружился. Потом, в середине года, вернувшись с фронта, на наш курс пришел Володя Немец — в будущем известный критик Владимир Огнев. Из девушек фронтовичка у нас на курсе была одна — Ольга Кожухова*. Она была очень красивой девушкой — настолько, что красоту ее не портил даже явный и бросающийся в глаза дефект — укороченный с одной стороны рот.

Были у нас еще девушки. Две из них — с нашей тогдашней точки зрения, пигалицы — Инна Гофф и Рита Агашина — тогда писали стихи (потом Инна перешла на прозу) и сразу подружились, хотя Инна была родом откуда-то с украинского юга (кажется, из Харькова), а Рита — с Русского Севера. И дружба их продолжалась всю жизнь.

*Позже ставшая лауреатом Госпремии О. Кожухова была одним из участников экспертизы, признавшей стихи Коржавина «безусловно вредными и способными оказывать разлагающее влияние на окружающих»

Эмка был не от мира сего. Он носил куцую шинелку пелеринкой (без хлястика) и выкопанную откуда-то буденовку, едва ли не времен Гражданской войны. Говорят, одно время он ходил совсем босиком, пока институтский профком не выдал ему ордер на валенки. Эти валенки носили Эмку по Москве и в стужу, и в ростепель, и по сухому асфальту, и по лужам. По мере того как подошвы стирались, Эмка сдвигал их вперед, шествовал на голенищах. Голенища все сдвигались и сдвигались, становились короче и короче, в конце концов едва стали закрывать щиколотки, а носки валенок величаво росли вверх, загибаясь к самым коленям, каждый, что корабельный форштевень. Видавшая виды Москва дивилась на Эмкины валенки. И шинелка пелеринкой, и островерхая буденовка — Эмку принимали за умалишенного, сторонились на мостовых, что нисколько его не смущало.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ



49 Мандель в шинели и шапке. Нацке. Автор неизвестен

50 Портрет Эмки Манделя работы его однокашника Виктора Гончарова. 1945

51

52

51 Исподнее солдата Советской армии. Автор неизвестен

52 Кадр из фильма «Республика ШКИД». Режиссер Геннадий Полока. 1966. Ленфильм

Начальник военной кафедры нашего института полковник Львов-Иванов произнес на собрании фразу, ставшую потом легендарной. Речь шла о безалаберности студенческой вольницы, об отсутствии не то что военной, а вообще какой бы то ни было дисциплины. И вот, перечисляя факты грубейшего нарушения этой самой дисциплины, полковник сказал:

— Дан звонок на лекции. Захожу в мужское общежитие. Сидит Мандель. Без штанов. Пишет стихи. Захожу в женское общежитие. Та же картина...

БЕНЕДИКТ САРНОВ

53 Физкультурницы ДСО «Ро"-Фронт» на Красной площади. 1937

Перский на подоконнике Литинститута, на котором Мандель читал стихи в 1945 году 2015. Автор А. Герасимов

й г. Ленинграда

ого Комитета ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Об-
родское собание ленинградских писателей обсудило доклад
рища Жданова и приняло следующую резолюцию:

ЦИЯ

исателей по докладу тов. Жданова

Выходя из кабинета директора Литинститута, я увидел на другом конце коридора сидящего на подоконнике Эму Манделя (в будущем поэта Наума Коржавина). Он читал свои новые стихи. Вокруг него стояло человек пятнадцать. Я присоединился и забыл обо всем. Он читал то, что я знал и о чем боялся думать, и по форме это было замечательно.

ЛЕОНИД РАБИЧЕВ

Я пришел в Литинститут в 1946 году. Это был ужасный год. В августе 46-го было постановление ЦК партии о Зощенко и Ахматове, а в сентябре начались занятия. И первое, что я услышал, — это унылый доклад на тему этих партийных постановлений. Были семинары, были лекции, все это было интересно, но главным местом, запомнившимся мне в этом Литинституте, был подоконник.

У этого подоконника собирались поэты и, отчаянно завывая, читали свои стихи. И там я услышал впервые стихи Коржавина, он тогда еще назывался Эмка Мандель. Вся Москва его так называла, потому что не счесть было его приятелей, друзей, знакомых. И первым я услышал одно его стихотворение о Гейне, которое меня совершенно пленило, — «Была эпоха денег».

Я был потрясен тем, что поэт во всеуслышание объявляет, что высшая верность поэта — не народу, не каким-то высоким делам, не партии, а «высшая верность поэта — верность себе самому». В этом и состоит суть и смысл поэзии.

БЕНЕДИКТ САРНОВ

С Бенедиктом Сарновым. Москва. 1989

* * *

Я с детства не любил овал;
Я с детства угол рисовал.
П. Коган

Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы
И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы, и все печали,
И всех противоречий вал
Я тем больнее ощущаю,
Что с детства полюбил овал.

1944

Литинститут. Детали.
Москва. 2015. Автор
Л. Перский.

В Литинституте Мандель (будущий Коржавин) котировался едва ли не выше всех наших институтских поэтов. А ниже всех — наш комсомольский вожак Игорь Кобзев.

Борис Слуцкий предложил в этой связи такую формулу измерения поэтической силы: один мандель = сто кобзей.

«При этом, — говорил Слуцкий, — следует иметь в виду, что сам Мандель далеко не всегда пишет в силу полного „манделя". А Кобзеву иной раз случается написать стихотворение в полтора, а то и в два „кобзя"».

БЕНЕДИКТ САРНОВ

Студентки ледучилищ демонстрируют приемы штыкового боя в День физкультурника. Москва 1942. Автор Фавилович

Чтобы не лишать читателя права составить мнение, приведем — для иллюстрации — произведение Кобзева:

Все, что Счастьем зовется,
Все, чем век наш украшен, —
Знаю, вызвали к жизни
Руки Партии нашей.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Центральный архив ФСБ РФ

Кроме того, в одном из своих стихов МАНДЕЛЬ показал неустойчивость Советской власти и неверие народа в силы советского государства".

По показанию свидетеля КОБЗЕВА И.И. МАНДЕЛЬ написал стихотворение о России, в котором извращая политический смысл разгрома право-троцкистского заговора, утверждает, что "ликвидация этого вражеского подполья якобы, умышленно отстранилась в связи с этим от участи отрицательно отразилась на советской молодежи, которая, в политической жизни страны".

В проведении антисоветской деятельности МАНДЕЛЬ изобличается так-же показаниями свидетелей: ДЖЕЖОРА Г. ПАРФЕНОВА А.В. и ТЕЛЕГИНА К.К., которые подтверждают, что он широко популяризует свои антисоветские произведения среди студентов и знакомых вне института.

На основании изложенного,-

ПОСТАНОВИЛ:

МАНДЕЛЬ Наума Моисеевича подвергнуть аресту и обыску.

ЗАМ.НАЧ.ОТД.8-А 4 ОТД.5 УПР.МГБ СССР
Подполковник /ЧЕКРЫГИН/

"СОГЛАСНЫ": НАЧ.ОТД.8-А 4 ОТД.5 УПР.МГБ СССР
М а й о р /ЛЕЛЯНОВ/

НАЧ.4 ОТД.5 УПР.МГБ СССР
Гвардии Полковник /ТУЛЬКЕ/

НАЧАЛЬНИК 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Генерал-лейтенант /ДРОЗДЕЦКИЙ/

Вдруг в литобъединении издательства «Молодая гвардия» кто-то сказал:

— Смотри, Крученых!

И действительно, на занятие пришел легендарный Алексей Крученых, футурист, «ничевок», «дыр-бул-щир», друг Маяковского. Футурист выглядел ординарно. Был он уже в летах, седоват, но не сед, голос имел высокий и какой-то мягкий. С ним вместе пришел молодой человек высокого роста и в высокой шапке. Вокруг них возникло веселое шебуршение, продолжавшееся несколько минут. Вдруг Крученых как бы невзначай, но громко спросил:

— А кто у вас Мандель?

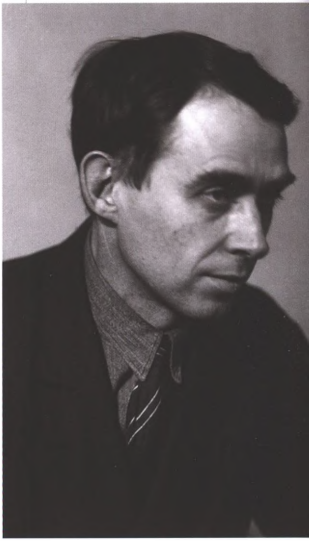
Я с удовольствием откликнулся.

— Ты? А ну прочти стихи про Сенатскую площадь.

Упрашивать тогда меня не надо было. Прочел про Сенатскую. И еще. И еще.

Между тем с моей жизнью стало происходить нечто странное: вокруг стала образовываться пустота. Все, с кем я общался раньше, вдруг оказывались ужасно заняты — и раз, и еще раз, и еще много, много раз. Это, как я понял через несколько лет, была обычная игра ГБ с намеченной жертвой, имевшая целью еще до ареста довести ее до отчаяния. Усугублялось мое состояние тем, что как раз в это время я начал «признавать советскую власть». Действовала на меня приближающаяся победа, бравые и неглупые офицеры, приезжающие с фронта и все же, несмотря ни на что, верившие в Сталина, а я как-то не мог ощущать себя выше этих людей. И мне хотелось «быть как все». И как раз в этот момент надо мной начинал свистеть аркан. Все это было так невыносимо, что, когда я встретил на улице Крученых и тот спросил: «Как жизнь?» — я ответил, не задумываясь: «Плохая», — а на вопрос: «Почему так?» — ответил прямо: «Посадят!»

Надо сказать, что Крученых мой ответ не удивил.



58. Алексей Крученых. Москва. Автор М. Наппельбаум

59. Пушкинская площадь в дни войны. Москва. Апрель 1943. Автор Широков

С первым из тех, кто не погиб на войне, я встретился со Слуцким — когда он приехал в отпуск уже после победы. Я уже был студентом Литинститута и жил в общежитии. Видимо, кто-то рассказал ему обо мне, и он просто пришел в общежитие. Но удивительного в его интересе ко мне ничего нет — ему, как вспоминает Самойлов, и до войны было свойственно носиться по Москве и обзирать молодых поэтов, вести, так сказать, учет поэтического хозяйства.

Мы отправились в один из коммерческих ресторанов, где торговля осуществлялась без карточек, по весьма повышенным ценам. Я тогда и не мечтал о такой фешенебельности. Слуцкий отнюдь не был прожигателем жизни, ему, фронтовому майору, находящемуся в Москве в отпуске, было в тот момент это доступно, и он чуточку бравировал этим. Это было, как я понял, наивной и невинной игрой перед самим собой: главным его желанием было накормить меня.

Его интерес к тому, что представляет собой мое поколение, был содержателен. Например, он спросил, считаем ли мы нашу эпоху просто дежурной, доставшейся дежурному поколению, или исторически отличной от всех остальных. Слуцкий хотел знать, согласны ли мы, что именно на наше время, наше поколение легла задача сознательно, ценой невероятных жертв, усилий и насилий решить главные проблемы человечества. Вопрос этот был отнюдь не безосновательный. Именно этим жили он и его товарищи перед войной, именно это жило в его тогдашних стихах.

Помню, как, несмотря на весь пиетет, с которым я к нему относился, я даже возражал ему. А ведь тогда он казался неизмеримо старше меня, хотя был еще очень молод.

Потом возрастная разница потеряла значение. Впрочем, литературные мальчики двадцати лет, в предвкушении неминуемых побед и славы, относятся к уважаемым ими старшим поэтам в лучшем случае как к равным. Я не был исключением: спорил со Слуцким. И тогда, и не раз потом.

Ресторан гостиницы «Москва». 1947. Автор Thomas D. McAvoy

Борис Слуцкий. Москва. 1945—1946

Я сын середины двадцатого века...

Пушкинская площадь. Москва. Конец 1920-х — начало 1930-х. Автор Елиазар Лангман

Улица Горького. Москва. 1917. Автор Наум Грановский

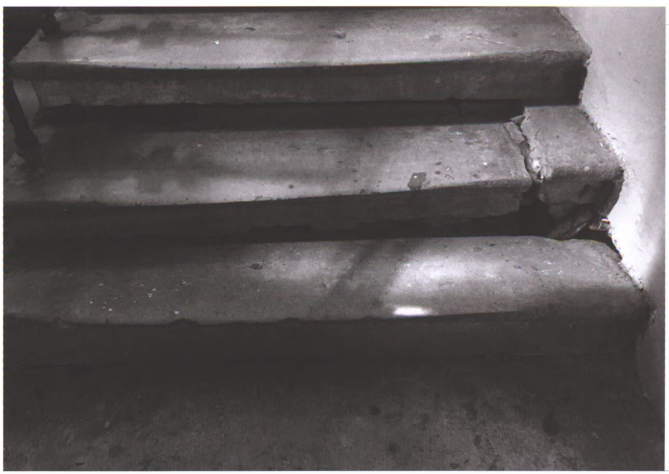
Каждый из нас — кто таясь, а кто афишируя — претендовал на гениальность. Но почти все молчаливо признавали: Эмка Мандель, пожалуй, к тому ближе всех. Пока еще не достиг, но быть таковым. Не сомневался в этом, разумеется, и сам Эмка.

Он писал стихи и только стихи на клочках бумаги очень крупным, корявым, несообразно шатким почерком ребенка — оды, сонеты, лирические раздумья. И в каждом его стихе знакомые вещи вдруг представали какими-то вывернутыми, не с той стороны, с какой мы привыкли их видеть. Хорошее часто оказывалось плохим, плохое — неожиданно хорошим.

Мы любили Эмкины стихи, любили его самого. Мы любовались им, когда он на ночных судилищах вставал во весь рост на своей койке. Во весь рост в одном нижнем белье (белье же он возил стирать в Киев к маме раз в году), подслеповато жмурясь, шмыгая мокрым носом, негодуя и восторгаясь, презирая и славя, ораторствует косноязычной прозой и изумительными стихами.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

65



64 Общежитие Литинститута во время учебы Манделя, ныне библиотека. Москва, 2015. Автор Л. Перский

65 Литинститут. Детали. Москва, 2015. Автор Л. Перский

Шестнадцатого октября сорок первого в Москве была паника, повальное бегство. Позорный день, равносильный предательству. В печати его не вспоминали. Эмка вспомнил, мало того — взглянул на него по-своему, искренне считая, что прославил Сталина, изумился ему. Другие могли понять иначе. Понять и указать перстом...

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

68

69

Начало паники в Москве 16 октября 1941 года. Автор Александр Устинов

Борис Пастернак. 1930-е

Иосиф Сталин. 1930-е

16 октября

Календари не отмечали
Шестнадцатое октября,
Но москвичам в тот день — едва ли
Им было до календаря.

Все переоценилось строго,
Закон звериный был как нож.
Искали хлеба на дорогу,
А книги ставили ни в грош.

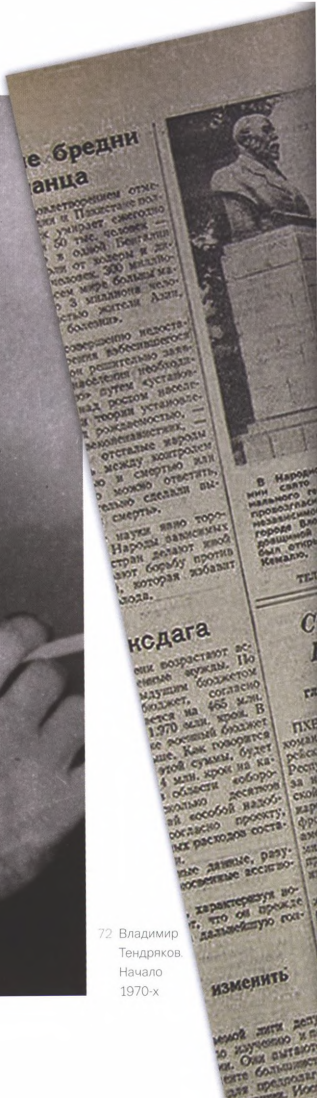
Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну.
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.

Стараясь выбраться из тины,
Шли в полированной красе
Осатаневшие машины
По всем незападным шоссе.

Казалось, что лавина злая
Сметет Москву и мир затем.
И заграница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.

Там, но открытый всем, однако,
Встал воплотивший трезвый век
Суровый жесткий человек,
Не понимавший Пастернака.

1945



72 Владимир Тендряков. Начало 1970-х

ХРОНИКА

Арест группы врачей-вредителей

Газеты подымали русский приоритет и бичевали безродных космополитов.

Вася Малов выступал на каждом парткоме, невзволнованно-тихим голосом он называл имена: такой-то несет в себе заразу безродности!

Ему не возражали.

Вася Малов указал уже на Костю Левина, на Бена Сарнова, на Гришу Фридмана, и все ждали, что вот-вот он укажет на Эмку Манделя.

<...>

Радио бравурно наигрывает и хвалится:

— Снижение!.. Рост!.. Процветание!...

Эмка Мандель сидит на своей койке, чешет за пазухой, сопит, смотрит в одну точку и неожиданно рожает стихотворение:

— А страна моя родная
Вот уже который год
Расцветает, расцветает
И никак не расцветет.

Радио восторженно играет, мы смеемся.

— Талант — штука опасная! — вдруг изрекает из угла некий Тихий Гришка.

Ему уже за тридцать, среди нас он считается стариком, всегда молчалив, всегда обособлен, в своем углу, как крот в норе. Но если он раскрывает рот, то почти всегда выдает закругленную истину — банальность и откровение одновременно.

Эмка отбивает мяч:

— Старик! Ты в полной безопасности!

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

Еще до поступления в Литинститут у меня должен был состояться первый поэтический вечер в газете «Московский большевик» — сегодняшняя «Московская правда». Это был огромный успех для киевского мальчика Эмки Манделя, но редактор газеты Яковлев настоятельно присоветовал: «Вы же русский поэт, вам надо что-то делать с фамилией...»

Я Россию очень люблю, считаю себя русским поэтом, и к тому же сценарист был Мандель, поэтому поменять фамилию для меня не было проблемой. Но оказалось, что придумать псевдоним — дело сложное. Фамилий много... Я рассказал о своих бедах приятелю, очень хорошему писателю Елизару Мальцеву, а он и говорит: «Хочешь, я дам тебе такую кряжистую, сибирскую фамилию, как раз для тебя? Коржавин». Это первое, что было мне предложено, и я сразу согласился.

...Через много лет, заглянув в этимологический словарь, я узнал, что «коржавый» значит «маленький, плюгавый».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МОСКОВСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Орган МК и МГК ВКП(б), Московского областного и городского Советов

МАРТ 15

К дальнейшему под'ему сельского хозяйства

В Совнар

Печатных трудов я не имею, однако мои стихи начиная с 1941 года печатались в различных газетах... в 1941-м в газете «Червоно прапорных», в заводских газетах, где я работал, в 1946 году три раза печатался в газете «Московский комсомолец»; в этом же году один раз — в газете «Московский большевик» и в 1945 году один раз печатался в газете «Красный воин». В 1947 году, будучи на отдыхе в гор. Ялта, я один раз печатался в местной газете.

Из протокола допроса 26.02.48

ное проведение весеннего сева
в 1944 году является важней
ачей советских и партийных
, колхозов, МТС и совхозов,
грономов, колхозников и кол
в деле снабжения Красной Ар
вием, а промышленности сыр
(Из Постановления Совнаркома

СР и ЦК ВК

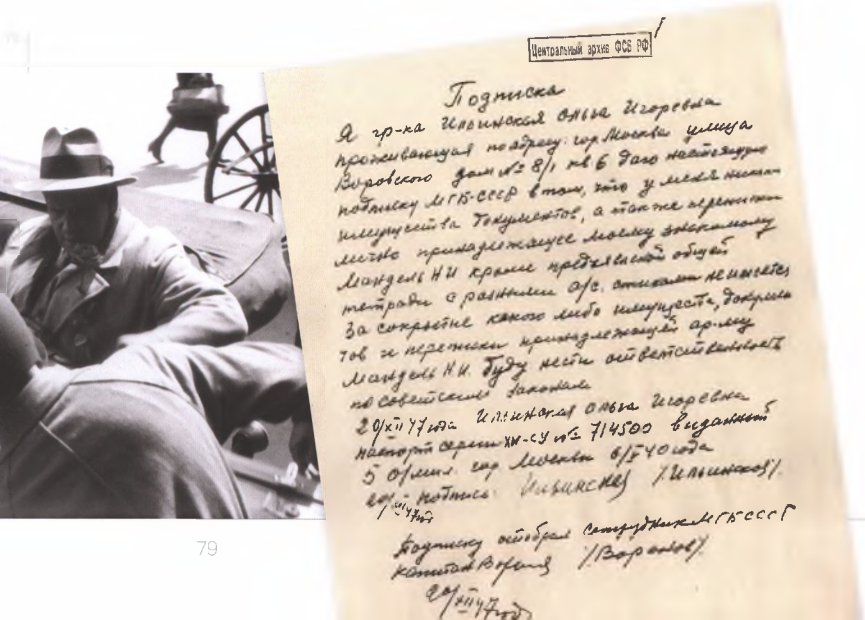
II. О мерах повышения урожайно

74 Сергей Эйзенштейн. Москва. 1941. Автор Margaret Bourke-White

Прибытие из США. Белорусский вокзал, Москва. 1932. Автор Д. Дебабов

Еще одно мое феерическое знакомство у Ляли Ильинской — Сергей Михайлович Эйзенштейн. Естественно, мы с другом-однокашником упустить такой случай не могли, мы почитали ему стихи и кончили тем, что напросились в гости. Он согласился. Долго мы себя ждать не заставили. Жил он где-то в районе «Мосфильма», кажется, на улице Пудовкина, один в большой квартире, увешанной фотографиями, выхватывающими момент съемок в разных странах, где приходилось работать Эйзенштейну. В углу стоял небольшой столик, где под стеклянным колпаком сохранялся скелет ребенка. Потом я слышал, что это скелет его сына, умершего в трехлетнем возрасте.

Помню общее впечатление от общения с ним — его облик, обаяние, ум, высокую культуру, а конкретных разговоров почти не помню. Были они больше полушутливым художественно-интеллектуальным проведением времени, чем серьезным разговором мэтра с неофитами.



Центральный архив ФСБ РФ

Подписка

Я гр-ка Ильинская Ольга Георгиевна проживающая по адресу: гор. Москва, улица Воровского дом № 8/1 кв. 6 дала настоящую подписку МГБ СССР в том, что у меня нет имущества, золото, драгоценностей, а также переписки, принадлежащее моему знакомому Мандель Н.И. кроме предметов обихода, тетради с разными адр. записями не имеется. За сокрытие какого либо имущества, документов и переписки принадлежащей арестованному Мандель Н.И. буду нести ответственность по советским законам.

20/XII 47 года Ильинская Ольга Георгиевна паспорт серии XII-СУ № 714500 выдан 5 отдел. гор. Москвы 6/I 40 года

20/XII 47 г. подпись Ильинская /Ильинская/

Подписку отобрал сотрудник МГБ СССР капитан Воронов /Воронов/

20/XII 47 г.

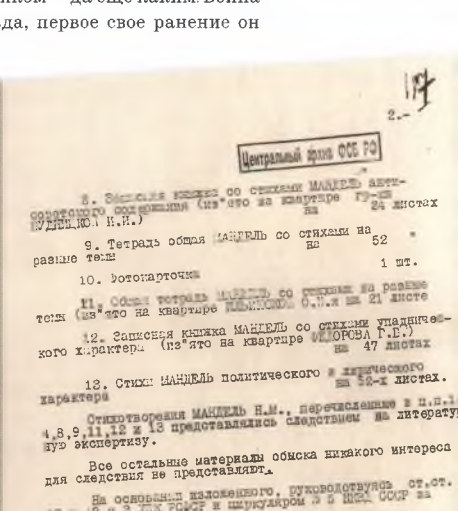
Григорий Чухрай
1944

Однажды в доме Ляли Ильинской я обнаружил высокого, стройного черноволосого парня с черными же усами. Парень встал с кушетки, где сидел рядом с красивой, под стать ему женщиной, и представился:

— Гриша.

Это был будущий знаменитый кинорежиссер Григорий Чухрай. Потом Ляля познакомила меня с Гришиной женой Ирой, с той красивой женщиной, которая сидела рядом.

Гриша, в отличие от меня, был фронтовиком — да еще каким! Война его началась в июне сорок первого... Правда, первое свое ранение он



17

2.-

Центральный архив ОСС РФ

8. Записная книжка со стихами МАНДЕЛЬ антисоветского содержания (из"ято на квартире ГУ-ЦЕ ПУЛЕНЦОВА И.И.) на 24 листах

9. Тетрадь общая МАНДЕЛЬ со стихами на разные темы на 52 "

10. Фотокарточки 1 шт.

11. Общая тетрадь МАНДЕЛЬ со стихами на разные темы (из"ято на квартире ИЛЬИНСКОЙ О.М.) на 21 листе

12. Записная книжка МАНДЕЛЬ со стихами упаднического характера (из"ято на квартире ФЕДОРОВА Г.Е.) на 47 листах

13. Стихи МАНДЕЛЬ политического и лирического характера на 20-и листах.

Стихотворения МАНДЕЛЬ Н.М., перечисленные в п.п.1, 4,8,9,11,12 и 13 представлялись следствием на литературную экспертизу.

Все остальные материалы обыска никакого интереса для следствия не представляют.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 67, 69 п.2 УПК РСФСР и циркуляром № 5 НКВД СССР за 1929 год, -

П О С Т А Н О В И Л:

Стихотворения МАНДЕЛЬ Н.М., поименованные в п.п. 1,4,8,9,11,12 и 13, которые рассматривались экспертизой литературной комиссией и согласно которых комиссии приходится заключить, что стихи МАНДЕЛЬ по своему содержанию являются вредными и способны оказывать сознательное влияние на окружающих, приобщить к следственному делу № 779.

Все остальные материалы обыска (п.п. 2,3,5,6,7 и 10) не представляющие интереса для следствия и ценности для арестованного, уничтожить, о чем составить акт.

ст.следователь 1 ОТ-ЦЕ 5 ОТДЕЛА УГР ГУГБ СССР
Капитан (ГРАТЯКОВ)

"СОГЛАСЕН"
Нач. 1 ОТ-ЦЕ 5 ОТДЕЛА 5 УПР ГУГБ СОСР
Подполковник (ГРАТЯКОВ)

С распределением материалов согласен. Мандель

Садово-Триумфальная площадь. Москва. 1938. Автор Великжанин

получил еще по дороге на фронт, когда его часть попала под бомбежку. Но вскоре после госпиталя — осенью 1941-го — узнав, что идет набор добровольцев в воздушно-десантные войска, он выразил желание стать десантником и в этом качестве воевал всю войну: неоднократно прыгал в тыл противника и возвращался, выводил оттуда людей. Войну он закончил старшим лейтенантом ВДВ. Несмотря на безупречность биографии, храбрость, ордена и верность идеологии, именно благодаря своей честности натыкался на всякие неприятности, в том числе и на «органы».

Несчастные для страны первые послевоенные годы 45 й, 46 й — я прожил счастливо. Это были по-настоящему студенческие годы моей жизни. Конечно, они были трудными, голодными, но счастью это не мешало — на то и студенчество. Год 47-й ничего такого не предвещал. Я закончил второй курс и впервые оказался отличником. Летом дали путевку в Ялтинский Дом творчества, и я впервые купался в море. Но однажды ночью мне приснился сон, что меня арестовывают. Какая-то лестничная клетка, все говорят, что идут за мной, и я ощущаю безвыходную тоску, сродни той, какую потом испытал на самом деле.

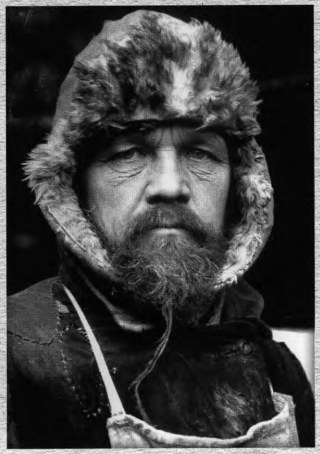
79

78 Очередь за продуктами на улице Горького. Москва, 1947. Автор Thomas D. McAvoy

79 Главсобгастроном на улице Кирова. Москва, 1947. Автор Э. Евзерихин

80

81



80. Очередь в троллейбус на улице Горького. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

81. Горнист войск НКВД. 1940. Автор Б. Е. Вдовенко.

82. Сибирский дворник. 1931. Автор Margaret Bourke-White

Стихи о детстве и романтике

Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.

Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.

А город спал. И наплевать влюбленным
На яркий свет автомобильных фар,
Пока цветут акации и клены,
Роняя аромат на тротуар.

Я о себе рассказывать не стану —
У всех поэтов ведь судьба одна...
Меня везде считали хулиганом,
Хоть я за жизнь не выбил ни окна...

А южный ветер навевает смелость.
Я шел, бродил и не писал дневник,
А в голове крутилось и вертелось
От множества революционных книг.

И я готов был встать за это грудью,
И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди
Нам говорили речи о врагах...

Романтика, растоптанная ими,
Знамена запылённые — кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме.
И мне тогда хотелось быть врагом.

30 ДЕКАБРЯ 1944

20 декабря 1947 года произошел арест. 2 часа ночи. Мне предложили одеться, и тут же прозвучал идиотский вопрос: «Оружие есть?» Я буркнул: «Пулемет под кроватью». И услышал в ответ резкое: «Не острите. Отвечайте на вопрос». Начался обыск.

Неожиданно раздался громкий, требовательный стук в дверь. Никто не успел подать голоса, дверь резко распахнулась, показалась дремучая борода нашего дворника. Дворник посторонился, и один за другим с бодрой, даже несколько заносчивой решительностью вошли незнакомые люди — трое похожих друг на друга, как братья, в синих плащах и новеньких серых фуражках, четвертый — военный с погонами майора.

— Ваши документы! — чеканный голос над моей головой.

— Ваши документы!.. Ваши!.. — возле других коек.

Возле койки Эмки Манделя двое — штатский и военный. Мелькает в воздухе белый лист бумаги:

— Вы арестованы!

Тачанки на Первомайской демонстрации на Красной площади. Москва. 1937. Автор В. Кинеловский

Эмка без очков, подслеповато щурясь и лбом, и щеками, тычется мягким носом в подсунутую к его лицу бумагу.

— Оружие есть?

Эмка бормочет каким-то булькающим голосом:

— Что же это?.. За что?.. Товарищи...

— Оружие есть?

— За что?.. Что же это?.. То-ва-рищи!..

— Одевайтесь. Собирайте свои вещи!

Эмка покорно выползает наружу, путается в брюках, еще не успев их как следует надеть, начинает выгребать из-под койки грязное белье, неумело его сворачивает. То самое белье, которое он раз в году возил стирать в Киев к своей маме.

— Да что же это?.. Я, кажется, ничего...

На лицах гостей служебное бесстрастное терпение — учтите, мы ждем.

Эмка натягивает свою знаменитую шинель-пелеринку, нахлобучивает на голову буденовку. С потным, сведенным в подслеповатом сощуре лицом, всклокоченный, он застывает на секунду, озирается и вдруг убито объявляет:

— А я только теперь марксизм по-настоящему понимать начал...

Он действительно вот уже целый месяц таскал всюду «Капитал» вместе с томиком стихов Блока, кричал, что глава о стоимости написана гениальным поэтом.

От неуместного признания лица гостей чуточку твердеют, что должно означать: пора! Один из штатских вежливо трогает Эмку за суконное плечо:

— Идемте.

— Можно я прощусь?

— Пожалуйста.

Эмка начинает обнимать тех, кто лежит ближе к дверям:

— Владик, до свидания. Сашуня... Володя...

Обнял крепко меня, потно, влажно поцеловал в щеку.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

84 Тюрьма Матросская тишина. Москва. 2017. Автор В. Леднева

Докладываю, что при производстве ареста-обыска МАНДЕЛЬ Наума Моисеевича по ордеру МГБ СССР за № 3743 от 20.XII.47, проживавшего по адресу: гор. Москва, Тверской бульвар, дом № 25 в общежитии Литературного института, последний мне заявил, что у него в общежитии никаких рукописей со стихами не имеется, а все свои рукописи со стихами он передал на хранение своим знакомым, которые проживают в г. Москве по разным адресам, но этих адресов он не помнит, но может их показать.

<...>

Арест на имущество арестованного МАНДЕЛЬ М. Н. не наложен ввиду того, что все имевшиеся у него вещи были взяты арестованным с собой в прием арестованных В/Т МГБ СССР (внутренней тюрьмы на Лубянке. — *Л. П.*), а другого имущества как в общежитии, так и по всем вышеуказанным адресам не имеется.

Из рапорта капитана Воронова

Центральный архив ФСБ РФ
СОВРЕМЕННИК

НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Подполковнику
тов. ЖИЛИНСКОМУ

Сотрудника оперативных поручений
того же отделения Капитана ВОРОНОВА
В.С.

Рапорт.

Докладываю, что при производстве ареста-обыска МАНДЕЛЬ Наума Моисеевича по ордеру МГБ СССР за № 3743 от 20.XII.47 проживавшего по адресу: гор. Москва, Тверской бульвар, дом № 25 в общежитии Литературного института, последний мне заявил, что у него в общежитии никаких рукописей со стихами не имеется, а все свои рукописи со стихами он передал на хранение своим знакомым, которые проживают в г. Москве по разным адресам, но этих адресов он не помнит, но может их показать.

Произведенным обыском по похищенным МАНДЕЛЬ Н.М. адресам, а именно: 1) Бершовский пер. д.6, кв.28 у знакомой арестованного - БИСК Тамары Давидовны, были из"яты тетрадь со стихами антисоветского содержания; 2) ул. Чайковского, дом 23, кв.13 у знакомой знакомой МАНДЕЛЬ Н.М.-гр. ЗЕЛИНСКОЙ Феклы Исаевны были из"яты записная книжка со стихами антисоветского содержания, тетрадь с личными стихами, письма и фотографии МАНДЕЛЬ Н.М.; 3) Авдеевский пер. дом 7, кв.40 у знакомой арестованного ИЗЮМСКОЙ Ольги Георгиевны, работающей преподавателем в Литературном институте, были из"яты тетрадь с разными стихами.

4) Бол. Полянка, дом 34, кв.37 у ФЕДОРОВА Георгия Георгиевича, 1917 г. рождения, уроженца гор. Ленинграда, ранее работавшего в Институте наук СССР в Ленинграде, ныне Институте культуры научным сотрудником (кандидат исторических наук) из"яты записная книжка со стихами антисоветского содержания МАНДЕЛЬ Н.М. политического и лирического характера.

Арест на имущество арестованного МАНДЕЛЬ Н.М. не наложен ввиду того, что все имевшиеся у него вещи были взяты арестованным с собой в прием арестованных В/Т МГБ СССР, а другого имущества как в общежитии, так и по всем вышеуказанным адресам не имеется.

Капитан Воронов

22 декабря 1947 года (ВОРОНОВ)

НКВД СССР
ВНУТРЕННЯЯ Т
КВИТАНЦИЯ
Принято для заключенного
Моис
деньги в сумме руб.
Восемь.
Деньги передал
Принял

ТЮРЬМА НКВД СССР
г. Москва

20/XII 13 1947 г.

КВИТАНЦИЯ № 1523/I

Принято от арестованного Мандель Наум Моисеевич

Деньги руб. коп.

1 Корзинка из прутьев 1 ш. | 8. Майка трикотажн. 1 ш.
2 Одеяло ватное 1 ш. | 9. Майка корот. рукав 1 ш.
3 Гимнастерка х/б 1 ш. | 10 Трусы разные 4 ш.
4 Рубашки верхние 3 ш. | 11. Кашне шерсть 1 ш.
5 Брюки корич. шерст 1 ш. | 12. Перчатка кожа 1 ш.
6. Рубашки нижние 3 ш. | 13. Бумажник кожан. 1 ш.
7 Кальсоны разные 4 ш. | 14. Галстухи разн 2 ш.
15. Сумка сетка 1
16 Мешок х/б 1

Деньги сдал

Принял деж. по приему арестованных внутренней тюрьмы НКВД СССР

...им. Воровского. Н. 10816

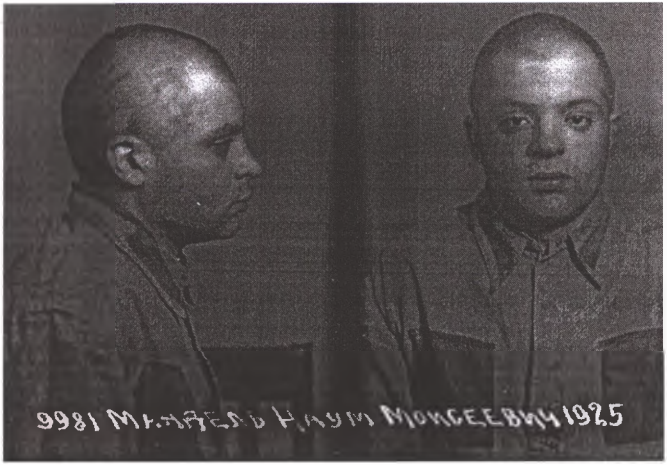
Квитанция № I523/I от 20.I2.47

Принято от арестованного Мандель Наум Моисеевич

I.	Корзинка из прутьев I ш.	9.	Майка корот. рукав I ш.
2.	Одеяло ватное I ш.	I0.	Трусы разные 4 ш.
3.	Гимнастерка х/б I ш.	II.	Кашне шерсть I ш.
4.	Рубашки верхние 3 ш. х/б	I2.	Перчатка кожаная I ш.
5.	Брюки корич. шерст I ш.	I3.	Бумажник кожаный I ш.
6.	Рубашки нижние 3 ш.	I4.	Галстухи разн 2 ш.
7.	Кальсоны разные 4 ш.	I5.	Сумка сетка I
8.	Майка трикотажная I ш.	I6.	Мешок х/б I

Принял дежурный по приему арестованных внутренней тюрьмы НКВД СССР

(подпись)



Фотография арестованного Мандеся из следственного дела. Москва. 20 декабря 1947

Первый после ареста допрос начался с фиксации (который раз за этот страшный день!) установочных данных: имени, фамилии, года рождения и т.д. И довольно скоро мне без всяких обиняков и подготовки было сделано предложение: «Расскажите о вашей преступной антисоветской деятельности». Вот так, за здорово живешь, как бы между делом — мне! — такое приглашение.

И я взвыл от обиды.

И я стал не оправдываться, а что-то очень горячо доказывать следователю, развивать свои мысли, разговаривать с ним как с человеком и товарищем. Он несколько ошалел от неожиданности.

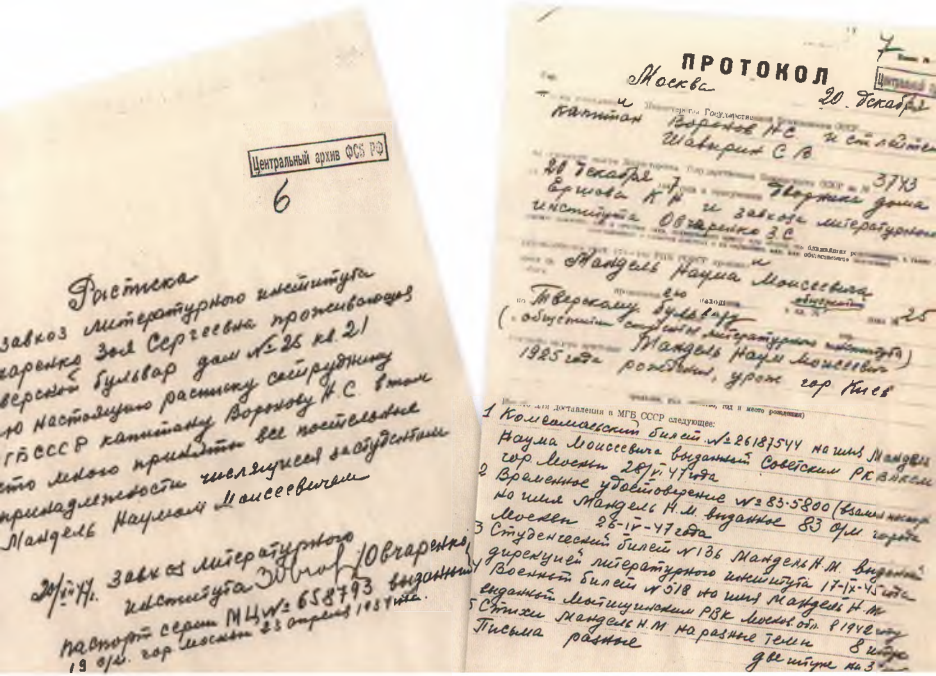
К этому времени в комнате появился подполковник Братьяков, стал прислушиваться к разговору. И вдруг в ответ на сложные мои сентенции неожиданно изрек:

— У тебя голова полна говна!

Он, как и я, не знал, как он тогда был близок к истине... Но отнюдь не истину он имел в виду. Фраза его была чисто профессиональной... Это был рабочий прием.

Но я этого еще не понимал и отнесся к его словам со всей серьезностью. Я вовсе не смешался, а попытался понять смысл его слов, попытался вступить с ним в беседу на эту тему. Сказал, что, возможно, он и прав, и стал ждать, что он сейчас выложит мне все свои мысли, обоснования и аргументы. Тогда смешался он сам. Так я выиграл это состязание идиотизмов. Выработанный мной искренний идиотизм пересилил идиотизм его профессиональной выучки.

Ирреальности происходящего противостояла только ирреальность снов. В первые дни меня все время тянуло в сон, точнее, к снам, как, вероятно, наркомана к наркотикам. Во сне я опять оказывался в общежитии, в нашем подвале и рассказывал ребятам, какой бред мне приснился. Но потом я просыпался, и бред оказывался явью.


Центральный архив ФСБ РФ

6

Фрістка

ПРОТОКОЛ

Москва

20 декабря

Мандель Наума Моисеевича

Мандель Наум Моисеевич

1925 года рождения, уроженец гор Киев

1 Комсомольский билет № 26187544 на имя Мандель Наума Моисеевича выданный Советским РК ВЛКСМ гор Москвы 28/IV-47 года

2 Временное удостоверение № 83-5800 (взамен военного) на имя Мандель Н.М выданное 83 орм города Москвы 26-IV-47 года

3 Студенческий билет № 136 Мандель Н.М выданный дирекцией литературного института 17-IX-45 года

Военный билет № 518 на имя Мандель Н.М выданный Мытищинским РВК Москв. обл. 1942 году

5 Стихи Мандель Н.М на разные темы 8 штук

Письма разные двенадцать на 3

За что меня арестовали, странный вопрос. Менее странный вопрос — его в ссылке одна женщина говорила: «Были ли вы репрессированы советской властью, а если нет, то почему?» Посадили и посадили.

Когда-то меня спросили: «По какой статье вас посадили?». Я ответил, не по статье, а по абзацу из Салтыкова-Щедрина: «Восхищение начальством! Что значит восхищение начальством? Это значит такое оным восхищение, которое в то же время допускает возможность оным не восхищения, а отсюда до революции — один шаг! Воспретить! Обыватель трепетать должен!»

У меня статья была семь тридцать пять. Это смешно даже говорить, потому что статья 7 означает, что к лицам, не совершившим преступления, но по своим связям, прошлой деятельности или медицинскому состоянию могущим представлять опасность для социалистического государства, могут быть применены все санкции по статье 35. А статья 35 содержала список всех санкций вообще — от расстрела до ссылки.

Военные велосипедисты с собаками на Первомайской демонстрации на Красной площади. Москва. 1936. Автор Кислов

Ткачихи на Первомайской демонстрации на Красной площади. Москва. 1935

"УТВЕРЖДАЮ"
Г ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
"генерал-полковник
/ЛЕОНОВ/

"19" декабря 1947 г.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР СССР
Действит.государ.советник
юстиции
/ГОРШЕНИН/
" декабря 1947 г.

Центральный архив ФСБ РФ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
/на арест и обыск/

г.Москва, 1947 года, декабря "18" дня.

Я, зам.нач.отделения 6-й 4 отдела 5 Управления МГБ СССР инженер-полковник ГОРЕЛОВ, рассмотрев поступившие в МГБ СССР материалы о преступной деятельности МАНДЕЛЬ Наума Моисеевича, 1926 года рождения, уроженца гор.Киева, гр-на СССР, еврея, студента 3 курса литературного института имени Горького при Союзе Советских Писателей, проживающего в Москве по ул.Тверской бульвар д.№25.

У С Т А Н О В И Л:

Занимаясь в МГБ СССР материалами МАНДЕЛЬ Наума Моисеевича изобличается в том, что будучи враждебно настроенным к Советской власти, систематически распространял среди студентов и своих знакомых зне института написанные им стихи антисоветского содержания, в которых

Центральный архив ФСБ РФ

- 2 -

возводит клевету на руководителей партии и советского правительства, социалистическую действительность и выражает недовольство существующим в СССР политическим строем.

Допрошенный в качестве свидетеля студент литературного института СОРИН С.С. 13 декабря 1947 года показал, что МАНДЕЛЬ в одном из своих произведений возводит гнусную клевету на вождя советского народа.

Студент этого же института ЮФФЕ Ф.М. на допросе 15 декабря 1947 года показал:

"Написанные МАНДЕЛЕМ стихи антисоветского характера, содержат клевету на советский строй, руководителей ВКП/б/, социалистическую действительность и призыв трудящихся в СССР".

Свидетель [illegible] О.Н. об антисоветской деятельности МАНДЕЛЯ показал:

"МАНДЕЛЬ написал ряд антисоветских, идеологически вредных стихов, которые читал студентам литературного института и многочисленным своим знакомым в Москве. В числе антисоветских произведений МАНДЕЛЯ имеется его стихотворение об известном белогвардейском генерале КРАСНОВЕ, которого МАНДЕЛЬ рисует как русского патриота.

В стихах декабристы, которого МАНДЕЛЬ показывает, что наше советское поколение менее героично и менее достойно, чем поколение декабристов.

Как раз в это время отменили карточки. Мы получили стипендию. И я купил вожделенную — давно мечтал — баклажанную икру. Съел полбанки. А потом меня увели. И мне было жутко обидно, что я не доел.

88 Магазин Главособ-торг № 1 (Елисеевский) на улице Горького. Москва. 1946. Автор Гаранин

89 Пожиратель баклажанной икры. Караганда. 1951—1952

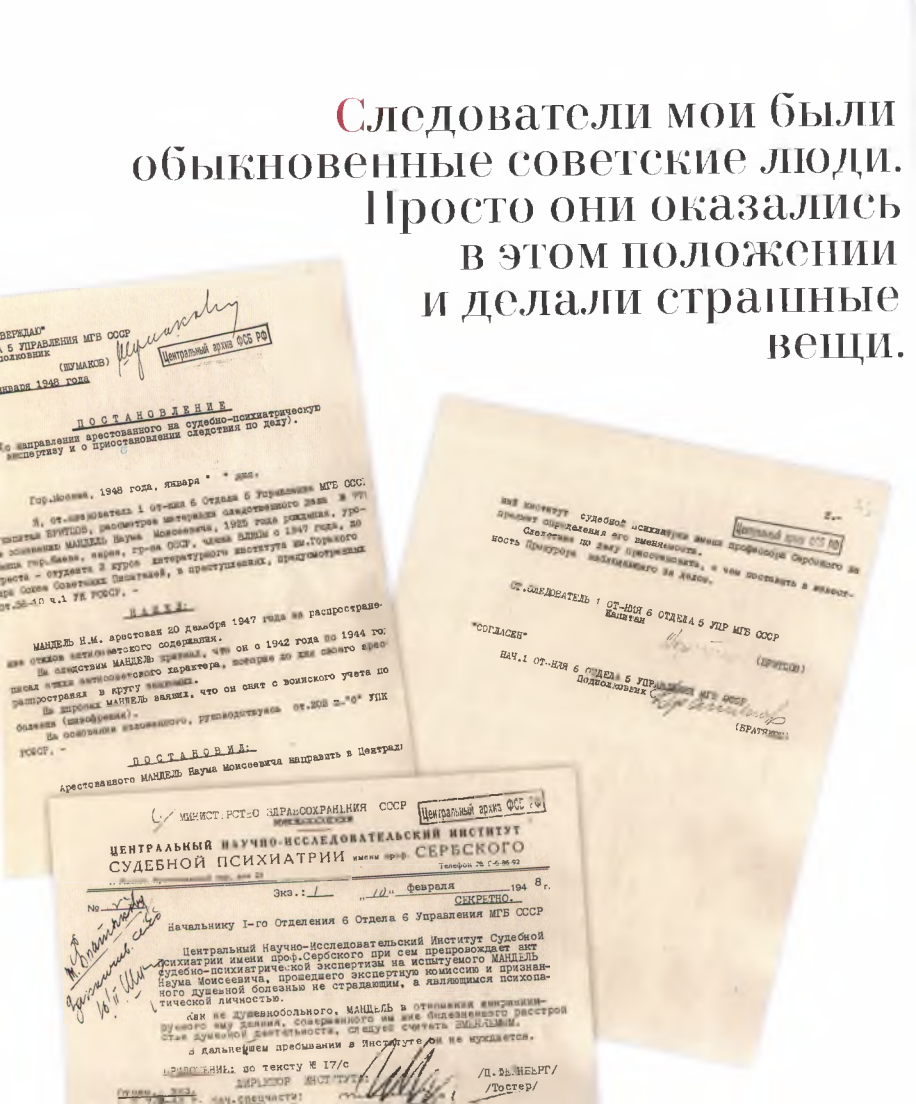
* * *

О нет! Меня таким не знала ты,
Он вывернут войной, духовный профиль.
И верь не верь, предел моей мечты —
Печёный хлеб да жареный картофель.

Мне снятся сны. В них часто он шипит
На сковородке. И блестит от сала.
Да хлеба горы! Да домашний быт,
Да всё, над чем смеялись мы, бывало.

Но как бы я об этом ни мечтал,
Но в тишине с картофелем и салом
Я б, верно, скоро дико заскучал!
И ты тогда б меня опять узнала.

Следователи мои были обыкновенные советские люди. Просто они оказались в этом положении и делали страшные вещи.



ВЕРЖДАЮ"
Н 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
полковник
(ШУМАКОВ)
января 1948 года

Центральный архив ФСБ РФ

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
(О направлении арестованного на судебно-психиатрическую экспертизу и о приостановлении следствия по делу).

Гор.Москва, 1948 года, января " " дня.

Я, ст.следователь 1 ст-ния 6 Отдела 5 Управления МГБ СССР, капитан БРАТЧИКОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 9771 по обвинению МАНДЕЛЬ Науча Моисеевича, 1925 года рождения, уроженца гор.Киева, еврея, гр-на СССР, члена ВЛКСМ с 1947 года, до ареста - студента 2 курса литературного института им.Горького при Союзе Советских Писателей, в преступлениях, предусмотренных ст.58-10 ч.1 УК РСФСР, -

Н А Ш Л И:

МАНДЕЛЬ Н.М. арестован 20 декабря 1947 года за распространение среди своих антисоветского содержания.

За злодеяниями МАНДЕЛЬ признал, что он с 1942 года по 1944 год, занимаясь антисоветского характера, вопреки до сих своего ареста распространял в кругу знакомых.

На допросах МАНДЕЛЬ заявил, что он снят с воинского учета по болезни (шизофрения).

На основании изложенного, руководствуясь ст.208 п."б" УПК РСФСР, -

П О С Т А Н О В Л Я Ю:

Арестованного МАНДЕЛЬ Науча Моисеевича направить в Центральный институт судебной психиатрии имени профессора Сербского для определения его вменяемости.

Следствие по делу приостановить, а чем поставить в известность прокурора, надзирающего за делом.

СТ.СЛЕДОВАТЕЛЬ 1 СТ-НИЯ 6 ОТДЕЛА 5 УПР МГБ СССР
капитан
(БРАТЧИКОВ)

"СОГЛАСЕН"
НАЧ.1 СТ-НИЯ 6 ОТДЕЛА 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
подполковник
(БРАТЧИКОВ)

Центральный архив ФСБ РФ

МИНИСТ.РСФСР ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ имени проф. СЕРБСКОГО

Москва, Кутузовский пер., дом 23 Телефон № Г-6-86-02

№ Экз.: 1 „10" февраля 1948 г.
СЕКРЕТНО.

Начальнику I-го Отделения 6 Отдела 5 Управления МГБ СССР

Центральный Научно-Исследовательский Институт Судебной психиатрии имени проф.Сербского при сем препровождает акт судебно-психиатрической экспертизы на испытуемого МАНДЕЛЬ Науча Моисеевича, проведенного экспертную комиссию и признанного душевной болезнью не страдающим, а являющимся психопатической личностью.

Как не душевнобольного, МАНДЕЛЬ в отношении инкриминируемого ему деяния, совершенного на фоне выраженного расстройства душевной деятельности, следует считать ВМЕНЯЕМЫМ.

В дальнейшем пребывании в Институте он не нуждается.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту № 17/с

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА /Д.Р.ЛЕНБЕРГ/
/Тостер/

Гл.вр. ЭКЗ.
Зам.гл.вр. нач.спецчасти

Книжный развал в Москве. 1941. Автор Margaret Bourke-White

Слава богу, на Лубянке была большая библиотека из конфискованных книг. Там я прочел много из Достоевского, полностью «Дневник писателя», «Жан Кристофа» и многое другое.

Когда я пришел в эту камеру, я застал там тома «Войны и мира». Меня по понятным причинам читать не тянуло. Но однажды я совершенно машинально взял в руки один из томов и открыл его на случайной странице. И тут же полностью погрузился в мир этого романа. И дело даже не в том, что я не мог уже от него оторваться, — просто я опять начал жить... Слава богу, что наши мучители не понимали этого исцеляющего воздействия хороших книг.

* * *

Паровозов голоса
И порывы дыма.
Часовые пояса
Пролетают мимо.

Что ты смотришь в дым густой,
В переплет оконный —
Вологодский ты конвой,
Красные погоны.

Что ты смотришь и кричишь,
Хлещешь матом-плеткой?
Может, тоже замолчишь,
Сядешь за решетку.

У тебя еще мечты —
Девка ждет хмельная.
Я ведь тоже был, как ты,
И, наверно, знаю.

А теперь досталось мне
За грехи какие?
Ах, судьба моя в окне,
Жизнь моя, Россия...

1948

"УТВЕРЖДАЮ"
МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
Генерал-лейтенант -
(ОГОЛЬЦОВ)

"__" июля 1948 г.

Центральный архив ФСБ

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 779 по обвинению МАНДЕЛЬ Наума Моксевича в преступлениях, предусмотренных ст.ст.7 и 35 УК РСФСР.

5 Управлением МГБ СССР 20 декабря 1947 года за распространение среди антисоветского содержания был арестован МАНДЕЛЬ Наум Моксеович.

В процессе следствия установлено, что МАНДЕЛЬ с 1942 по 1945 гг. писал стихи злостно клеветные советскую действительность, которые до дня своего ареста распространял среди своих знакомых. (л.д. 24,29,30).

В период 1942-1944 гг. со стороны МАНДЕЛЯ имели место антисоветские суждения о прочности государственного строя в СССР и высказывания клеветы на вождя Советского народа (л.д.31,63-65,73,74).

Допрошенный в качестве обвиняемого МАНДЕЛЬ виновным себя признал. Изобличается заключением литературной экспертизы. (л.д. 4,35,63-65).

На основании изложенного,

МАНДЕЛЬ Наум Моксеович, 1925 года рождения, уроженец гор. Киева, еврей, гр-н СССР, член ВЛКСМ с 1947 года, до ареста - студент 3-го курса литературного института им.Горького при Союзе Советских Писателей, -

ОБВИНЯЕТСЯ в том, что по совершенным преступлениям является социально-опасным элементом, т.е. в преступлениях

Центральный архив ФСБ РФ

предусмотренных ст.ст. 7 и 35 УК РСФСР.

Признав предварительное следствие законченным, а доказанные данные достаточными для рассмотрения обвиняемого МАНДЕЛЬ СОЛЯ, руководствуясь ст.208 УПК РСФСР - следственное дело № 779 по обвинению МАНДЕЛЬ Наума Моксеовича направить на рассмотрение Особого Совещания при Министре Госбезопасности Союза ССР.

Меру пресечения МАНДЕЛЬ Н.М. предложить заключить на гор. Москвы на 3 года.

Обвинительное заключение составлено "____" июля 194 года в гор. Москве.

СТ СЛЕДОВАТЕЛЬ 1 ОТД 6 ОТД 5 УПР МГБ СССР
Капитан
(БРИТЦОВ)

НАЧАЛЬНИК 1 ОТД 6 ОТДЕЛА 5 УПР МГБ СССР
Подполковник
(БРАТЯКОВ)

"СОГЛАСЕН": НАЧАЛЬНИК 6 ОТДЕЛА 5 УПР МГБ СССР
Полковник -
(ШУМИЛОВ)

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
Полковник -
(ГОЛОВКОВ)

СПРАВКА: 1. Обвиняемый МАНДЕЛЬ Н.М. арестован 20 декабря 1947 г. и содержится во Внутренней тюрьме МГБ СССР.

2. Вещественные доказательства (стихи МАНДЕЛЯ) подшиты к делу в пакете.

СТ СЛЕДОВАТЕЛЬ 1 ОТД 6 ОТД 5 УПР МГБ СССР
Капитан -
(БРИТЦОВ)

В свой день рождения, 14 октября 1948 года, после этапа, Коржавин оказался в деревне Чумаково Новосибирской области, неподалеку от Барабинска.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

ог-4

Выписка из протокола № 33

Архивный номер ФСБ РФ

Ф-24-1531

125

Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР

от 14 августа 1948 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
24. Дело № 779 5-го Управления ГБ СССР по обвинению МАНДЕЛЬ Науме Моисеевиче, 1925 года рождения, урож. гос. Киев, еврея, гр-на СССР. Обв. по ст. 7-35 УК РСФСР.	МАНДЕЛЬ Науме Моисеевиче как социально-опасный элемент выслать с запрещением проживать в режимных местностях сроком на ТРИ года, считая срок с 20-го декабря 1947 года.

Нач. Секретариата Особого Совещания

91 Очередь за едой. Магнитогорск. 1931. Автор Margaret Bourke-White

Караганда
1951—1952

Я жил в деревне. Положение мое было еще ниже, чем положение рядового колхозника. И жизнь их была открыта передо мной. Настоящая жизнь. В деревне ведь не было агентурной работы. По отношению к ссыльным — была, а к прочим — не было. Ибо если ее вести, то за то, что они говорили ежедневно, за то, что думал русский народ, его надо было весь пересажать и сослать!

Помню такой случай. Родители прислали мне сто рублей. Тогда это были для меня гигантские деньги. Зашли мы с приятелем Ваней Смородиным в сберкассу положить мою сотню: я боялся, что ее украдут. Там сидела милая девушка, а у окошка стояли два парня и зубоскалили. Появляемся мы — новая пожива. «Ты откуда?» — «Из Москвы». — «Где работал?» — «Не работал. Учился в Литературном институте». — «Писатель, значит?» — «Да». — «А ты про нас напиши — еще дальше поедешь».

Или — жена начальника МГБ районного, хорошая баба, простая и добрая. Пошли к ней ставить плетень (она нас за это накормить обязалась) и видим: привозит ей бочку воды такой дядя Вася, конюх МГБ. Она говорит: «Василий, привези еще бочку, я стирать буду». Он ей: «Погоди, я сейчас к лесничему, а потом к тебе». А она: «Ты что... забыл, как мой Коля тебя от колхоза спас? Ну, погоди, Коля вернется — мы тебя обратно в колхоз отдадим. Подыхай там!» И кричит она эти слова на всю площадь деревенскую...

93 Похороны ребенка. Сибирь. 1931. Автор Margaret Bourke-White

В Сибири

Дома и деревья слезятся,
И речка в тумане черна,
И просто нельзя догадаться,
Что это апрель и весна.

А вдоль берегов огороды,
Дождями набухшая грязь...
По правде, такая погода
Мне по сердцу нынче как раз.

Шаги хоть по грязи, но быстры.
Приятно идти и дышать...
Иду. На свободу. На выстрел.
На все, что дерзнет помешать.

1919

Поработал Коржавин и на местном Промкомбинате, и на лилораме, и учеником сапожника. Заработал инвалидность, больше работать не смог.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

* * *

Кем только я не был! И всё между прочим,
И всё утопало в каких-то химерах...
Я был фрезеровщиком, чернорабочим,
Я был контролером на точных размерах.

Но кем бы я ни был, я был как калека.
И где б ни ступал я шагами своими,
Меня называли улыбчато: «Швейка»,
Так, словно бы «Швейк» — это женское имя.

Кем только я не был... Но дело не в этом,
А в том, что не мог превратиться в кого-то.
И где б я ни был, оставался поэтом
На горе своим современным работам...

1945

Женщины ворошат сено. Сибирь. 1938. Автор Margaret Bourke-White

У сельпо. Сибирь. 1931. Автор Margaret Bourke-White

Как будет развиваться история, я знать не мог. Что Сталин помрет, мне представлялось невероятным, казалось, он вечен. А вместе со Сталиным вечной могла оказаться и ссылка. Освобождения никто не гарантировал.

Невеста декабриста

Уютный дом, а за стеною вьюга,
И от нее слышнее тишина...
Три дня не видно дорогого друга.
Два дня столица слухами полна.

И вдруг зовут... В передней — пахнет стужей.
И он стоит, в пушистый снег одет...
— Зачем вы здесь? Входите же... Бестужев!..
И будто бы ждала — «Прощай, Анет!..»

Ты только вскрикнешь, боль прервет дыханье,
Повиснешь на руках, и — миг — туман...
И все прошло... А руки — руки няни...
И в доме тишь, а за окном — буран...

И потекут часы тяжелых буден...
Как страшно знать, что это был конец.
При имени его веселом будет
Креститься мать и хмуриться отец.

Ты только через многие недели
Узнаешь приговор... И станешь ты
В снах светлых видеть: дальние метели,
Морозный воздух. Ясность широты.

В кибитках, шестернею запряженных,
Мимо родных заснеженных дубрав
Вот в эти сны ко многим едут жены...
Они — вольны. Любимым — нету прав.

Но ты — жива, и ты живешь невольно.
Руки попросит милый граф-корнет.
Что ж! Сносный брак. Отец и мать — довольны.
И все равно: «Прощай!.. Прощай, Анет...»

И будет жизнь. И будет все как надо:
Довольство, блеск, круженье при дворе...
Но будет сниться: снежная прохлада...
Просторный воздух... сосны в серебре.

1950

Тюремное оконце. Россия. Автор и год неизвестны

Кадр из фильма «Звезда пленительного счастья». Режиссер Владимир Мотыль. 1975. Ленфильм

Как-то в начале пятидесятых я шел по Тверскому бульвару в Москве, и вдруг ко мне кинулся Мандель. Я был удивлен, потому что я-то, конечно, не мог его не запомнить, а вот то, что он меня узнал, было странно и неожиданно. Мы разговорились, долго бродили по Москве, обсуждали разные вещи. Он меня попросил не болтать, что я его тут видел, потому что он, видимо, не совсем легально приезжал тогда в Москву, и с этого момента мы подружились

БЕНЕДИКТ САРНОВ

98

99

100

98. Зал ожидания аэродрома на Ходынке. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

99. Троллейбус на Моховой. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

100. Караганда, улица Калинина. 1950. Автор Г. Ефремов

Эмка приехал в Москву весной 1951 года оборванный, изголодавшийся по культуре, по Москве. В поисках путей устроиться он забрел к писателю П., который в то время был в Кисловодске. Манделю открыла дверь дочь писателя, Вера, изящная, выхоленная женщина лет тридцати, после развода живущая с отцом и дочерью. Вера предложила Манделю войти, накормила его, угостила вином. Они разговорились (а на разговоры Мандель был большой мастер), короче, вспыхнул и разгорелся мгновенный и бурный роман.

Роман длился около двух недель, по истечении которых Вера сказала, что возвращается отец и Манделю пора смываться. Он снова почувствовал, что земля под ним горит: прописаться нельзя, устроиться на работу невозможно, жить и просто ночевать негде. Ему пришло в голову, что надо бы поехать в город, где он будет жить законно и даже с некоторым преимуществом перед основным населением — ссыльными, короче, он появился в Караганде.

Он собирался выписать «мою девочку Веру» к себе, как только устроится на работу и снимет комнату.

— Но ведь у нее дочь, — говорила я.

— Я ее усыновлю.

— Неужели ты думаешь, что из ее московской квартиры, обеспеченной жизни, комфорта, положения она приедет к тебе, чтобы стать женой бесправного Манделя и жить на гроши, которые ты будешь зарабатывать?

— Она меня любит.

Он ей писал в стихах и прозе и очень ее ждал. Ответа на письма не было. Но вдруг мой Мандель помрачнел и перестал о ней говорить. Дня через два он признался, что получил письмо, и дал мне его прочесть. Вера писала, что она поражена его предложением, благодарна ему за минуты страсти и упоения, бросившие их в объятия друг другу, но это был эпизод в их жизни, о котором хорошо вспоминать, но который не должен повториться. А к Манделю у нее просьба: ей предлагают работу в «Огоньке», но она никак не может придумать тему для очерка или рассказа. Так пускай Мандель придумает и ей пришлет.

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

Московская поэма

«Воронок» развернулся.
Приказали сойти.
Переулок уткнулся
В запасные пути.

Выступают из мрака
Рельсы... Скоро гуртом
Мы по ним к вагонзаку,
Спотыкаясь, пройдем.

С сундучками, мешками —
Всем своим, что с собой.
Будет часто пинками
Подбодрять нас конвой.

Но толпою хрипящей
(«Мы» пока еще — мы)
Все ж мы вещи дотащим
До вагона-тюрьмы.

Он нам кажется ширью,
Даже волей самой, —
Этот пункт меж Сибирью
И Лубянской тюрьмой,

Где сдает поименно
Нас по спискам зэка
Вертухаю с вагона
Вертухай с «воронка».

...Но пока — в предвкушенье
Новой, страшной главы —
Я стою в окруженье
Предосенней Москвы.

Все, что грезилось, было,
Что дала, чем взяла —
Вдохновила, влюбила,
Подняла, предала.

«Становись!» — приказали.
Все! — хоть я еще с ней.
На Казанском вокзале —
Справа — праздник огней.

Как шампанского брызги
Ресторан над рекой —
Словно отблески жизни,
Хоть какой-никакой.

Но уже не придется
Рассчитаться сполна:
Мало сил остается,
И чужая страна.

Было, сплыло, осталось,
Пронеслось, унеслось.
Превратилось в усталость,
В безнадежность и злость.

Но как боль, как предтеча
И как память души,
Вновь встает этот вечер
В привокзальной глуши.

Поездов громыханье,
Тупичок без травы,
А за домом дыханье
Недоступной Москвы.

Это юности знаки:
Дождик... Запах угля...
Конвоиры... Собаки...
И родная земля.

МАЙ 1977 – МАРТ 1978

И. Сталин. 1930 е

Я увидела Манделя в Караганде. В это время ему было 25 лет. Одет он был удивительно: желтые клетчатые штаны с великана, внизу подшитые, но со спускающейся до колен ширинкой. Пиджак у него был синий, когда-то хороший, но такой старый и грязный, что, когда я впоследствии его выстирала, он весь расползся у меня в руках — его держала только грязь. Его толстое некрасивое лицо со странными глазами (зрачки у него были неправильной формы, как будто рваные), детский смех, невероятный аппетит, с которым он ел немудреную пищу, предложенную ему Валей Герлин, манера забывать о еде и начинать снова и снова читать стихи, а потом снова набрасываться на картошку с капустой, а потом снова забывать о еде и говорить, говорить — все это мне ужасно понравилось.

Он с Валей и Юрой Айхенвальд был уже на «ты». Валя, студентка литературного факультета пединститута, знала его в Москве по выступлениям поэтов, а он ее не знал. Валя шла по улице и увидела растерянного Манделя, у которого только что украли чемодан со всеми вещами и деньгами. Она подошла к нему, спросила:

— Вы Мандель?

Он ужасно обрадовался: «А ты знаешь меня, девочка?» После чего объяснил ей свои обстоятельства и отправился к ней в гости.

<...>

Я сразу поняла, что передо мной истинный талант. Но как он неосторожен. Он знаком со мной, Валей и Юрой всего несколько часов — и читает такие стихи! Каждое из них может стоить десяти лет лагерей!

<...>

Неожиданно оказалось, что уже 12 часов.

— Где ты будешь ночевать? — спросила Валя.

— У вас где-нибудь, — простодушно ответил Эмка. Но это было совершенно невозможно. У Вали с Юрой была комната метров в 9, где стояли их кровать и раскладушка, на которой спала я.

— У меня есть комната с кухней. Если хотите, я дам вам ключ. Но имейте в виду, что я в комнате не была два месяца после ареста моего мужа. Можете поселиться в кухне. Я тоже скоро туда приду.

— Мандель всегда попадает вовремя, — сказал Мандель, секунду поколебался и добавил: — Давайте ключ.

Так мы вместе прожили больше года, как мать с сыном.

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

Подготовка к экзаменам в Горном техникуме. Караганда. 1951—1952

102

104. Стройка дома № 11 на улице Горького. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

Вступление в поэму

Ни к чему, ни к чему, ни к чему полуночные бденья
И мечты, что проснешься в каком-нибудь веке другом.
Время? Время дано. Это не подлежит обсужденью.
Подлежишь обсуждению ты, разместившийся в нем.

Ты не верь, что грядущее вскрикнет, всплеснувши руками:
«Вон какой тогда жил, да, бедняга, от века зачах».
Нету легких времен. И в людскую врезается память
Только тот, кто пронес эту тяжесть на смертных плечах.

1952

105

105 Караганда
1951—1952

106 Центральная площадь Караганда.
1946. Автор
Г Ефремов

Мандель писал по целым дням. Продуктивность его была поразительна. Но увы! Даже места корреспондента в газете получить он не мог, уж не говоря о том, что никто не хотел печатать его стихов на самые невинные темы.

<...>

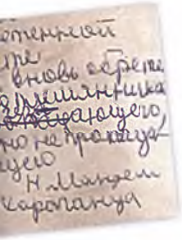
Однажды я пришла с работы и увидела, что от кухоньки, где располагался Мандель, до моей комнаты пролегло несколько липких дорожек с каплями варенья. Эма проходил ко мне, зачерпывал столовой ложкой из банки и уходил в кухню поедать вишневое варенье с горячим чаем. Я отнесла ему в кухню это варенье, чтобы он спокойно там его доел...

ОЛЬГА АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

Поэзия не страсть, а власть.
И потерявший чувство власти
Бесплодно мучается страстью,
Не претворяя эту страсть.

Караганда
1951—1952

Мандель грызет гранит горной науки
Караганда
1951—1952



Подпись на обороте фотографии: «Вновь обретенной тете от вновь обретенного племянника, исчезающего, но не пропадающего. Н. Мандель. Караганда» 1951—1952

Розалия Ефимовна Яхнина была двоюродной сестрой моей матери. Когда мне было запрещено жить в Москве, я позвонил ей. Тетка дала адрес и объяснила, как доехать и как дойти.

— Запомни все и ни у кого ничего не спрашивай, — присовокупила она. — Не привлекай к себе внимания.

И я отправился в Замоскворечье. Её дом я нашел быстро... И, как было велено, никого ни о чем не спрашивая, поднялся на пятый этаж и позвонил в дверь. Мы познакомились. Потом пришел с работы ее муж, Давид Михайлович. Знакомство с ними было одной из высочайших удач в моей жизни. Родственники жили одни. Их сын Женя, фронтовик, офицер, выпускник Военно-химической академии, жил в Саратове, где преподавал в военном училище, а старшая дочь Вера еще до войны вышла замуж за знаменитого летчика-испытателя Николая Степановича Рыбко и жила отдельно. Тетка с мужем понимали, что принимать меня было опасно, но не могли изменить своим принципам помогать попавшим в беду.

Тетя Роза была опытным конспиратором. Этот опыт приобретен был ею до революции, когда она состояла в эсерах. И до революции, и после нее она помогала тем, кого преследовала полиция.

Мне немедленно был предоставлен кров и стол, и так происходило каждый раз, когда я приезжал в Москву. При моем полулегальном положении это было удобно — у меня было надежное пристанище в Москве до самой смерти Сталина, когда по «ворошиловской амнистии» я был восстановлен во всех правах. Только тогда она мне сказала:

— Вот что, Эма! Друзей у тебя много, все они тебя теперь примут — так что живи у них, а то я уже стара, и обслуживать мне тебя трудно.

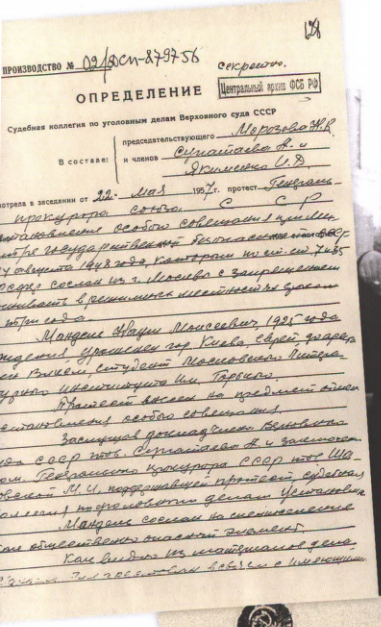
Тетка могла бы просто не возникать в моей жизни в такой тяжелый, опасный момент. И пока принимать меня в Москве было опасно, безропотно несла на себе связанные с моим пребыванием тяготы.

В тот год началась широкая реабилитация политических заключенных. Без оркестров, без митингов, без цветов, тихо, скромно, потаенно встречала Москва тех, кого в тридцать седьмом и сорок восьмом она отправляла в Анинск, на Колыму, в Воркуту.

А неподалеку от Лубянки в общественной уборной бывшие службисты Берии запирались в кабинках, доставали пистолеты, умирали над унитазами. Они верили — за страшные дела их ждет страшное возмездие. Палачи тоже могут быть сентиментально-наивными.

В тот год вернулся в Москву и Эмка Мандель. Через восемь лет после ареста. Он скоро стал поэтом Коржавиным. И Краткая литературная энциклопедия приняла его в свои объятия.

ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ



ПРОИЗВОДСТВО № 02/дсп-8797-56 Секретно.

Центральный архив ФСБ РФ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР

В составе: председательствующего Мерзлякова Н.В. и членов Сычайева Ф.Н. и Дзиковича С.Д.

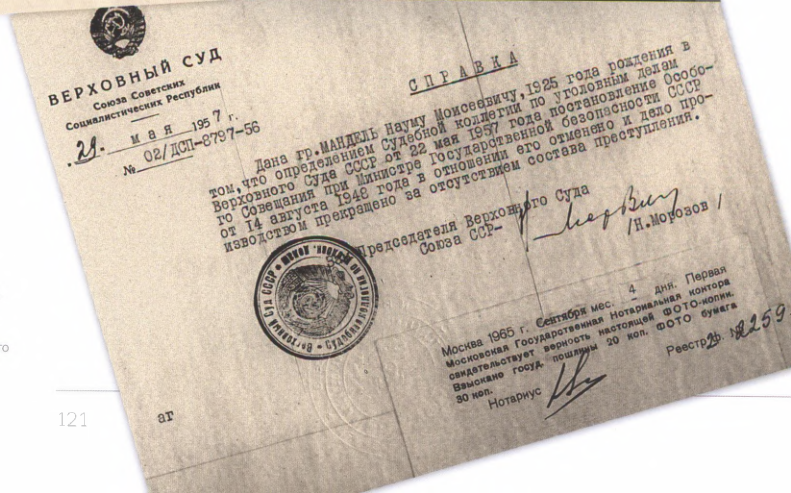
рассмотрела в заседании от 22 мая 1957 г. протест Генерального прокурора СССР [illegible] Особого совещания при Министре государственной безопасности СССР [illegible] у осужденного [illegible] года рождения, уроженца [illegible] г. Москвы с закреплением [illegible] сроком на 5 лет [illegible] по статьям [illegible] УК УССР.

Мандель Наум Моисеевич, 1925 года рождения, уроженец [illegible] г. Киева, еврей, подданный [illegible], студент Московского Института Инж. Горного [illegible] на предмет отмены постановления Особого совещания.

Заслушав доклад [illegible] Верховного суда СССР тов. Сычайева Ф.Н. и заключение [illegible] Генерального прокурора СССР тов. Шаповалова М.И., поддержавшего протест, судебная коллегия по делам Уголовным [illegible]

Мандель сослан на поселение [illegible] общественно опасный элемент.

Как видно из материалов дела [illegible]



ВЕРХОВНЫЙ СУД
Союза Советских
Социалистических Республик

21 мая 1957 г.
№ 02/ДСП-8797-56

СПРАВКА

Дана гр. МАНДЕЛЬ Науму Моисеевичу, 1925 года рождения в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 мая 1957 года постановление Особого Совещания при Министре государственной безопасности СССР от 14 августа 1948 года в отношении его отменено и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Председателя Верховного Суда
Союза ССР — Н.Морозов

Москва 1965 г. Сентября мес. 4 дня. Первая Московская Государственная Нотариальная контора свидетельствует верность настоящей ФОТО-копии. Взыскано госуд. пошлины 20 коп. ФОТО бумага 30 коп.

Нотариус

Реестр № 2259

ВЕРХОВНЫЙ СУД СССР • ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР • СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЗГ

110 Площадь Белорусского вокзала. Август 1945. Автор Э. Евзерихин

111 Выпускники Горного техникума. Караганда. 1952

СОЮЗА,
СССР
Союза.
МЕДИЦИНС
о болезни и

На смерть Сталина

Все, с чем Россия в старый мир врывалась,
Так что казалось, что ему пропасть, —
Все было смято... И одно осталось —
Его неограниченная власть.

Его хоронят громко и поспешно
Ораторы, на гроб кося глаза,
Как будто может он из тьмы кромешной
Вернуться, все забрать и наказать.

Холодный траур, стиль речей — высокий.
Он всех давил и не имел друзей...
Я сам не знаю, злым иль добрым роком
Так много лет он был для наших дней.

Моя страна! Неужто бестолково
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче вся твоя судьба?

А может, ты поймешь сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,
Что слепо верить никому не надо
И к правде ложь не может привести.

МАРТ 1953

На чемоданах
Москва 1947 Автор
Donald D McAvoy

Караганда 1952

Большой артист, мастер Сергей Михайлович Эйзенштейн на именинах у Майи Рошаль, его ученицы по ВГИКу, запросто сидел в кресле, окруженный влюбленной в него молодежью, шутил и отвечал на все вопросы. Кроме того, иронически освещал положение в искусстве:

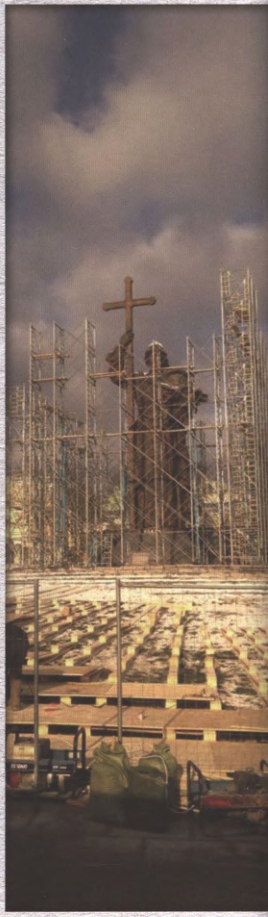
— В Большом театре готовят «Ромео и Джульетту». Джульетту танцует Уланова, она и танцует как Джульетта. А Ромео — секретарь партбюро, он и танцует как секретарь партбюро.

— Называть человека, интересующегося формой, формалистом, столь же последовательно, как человека, изучающего сифилис, — сифилитиком.

— Закон диалектики для учреждений искусства: «Всё течет, но ничего не меняется».

114 Кадр из фильма «Иван Грозный» Режиссер Сергей Эйзенштейн. 1945, 1958 Мосфильм

115 Эйзенштейн. Москва 1932 Автор Д. Дебабов



Иван Калита

Мы сегодня поем тебе славу.
И, наверно, поем неспроста, —
Зачинатель мощной державы
Князь Московский — Иван Калита.

Был ты видом — довольно противен.
Сердцем — подл... Но — не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

Ты в Орде по-пластунски лазил.
И лизал — из последних сил.
Покорял ты Тверского князя,
Чтобы Хан тебя отличил.

Подавлял повсюду восстанья...
Но ты глубже был патриот.
И побором сверх сбора дани
Подготавливал ты восход.

Правда, ты об этом не думал.
Лишь умел копить да копить.
Но, видать, исторически-умным
За тебя был твой аппетит.

Славься, князь! Все живем мы так же —
Как выходит — так и живем.
А в итоге — прогресс... И даже
Мы в историю попадем.

1954

Кадр из фильма «Иван Грозный» Режиссер Сергей Эйзенштейн. 1945. 1958. Мосфильм

Памятник Ивану Грозному. Орел. 2018. Коллаж Накануне.ру

Памятник князю Владимиру на Боровицкой. Москва. 2016. Автор М. Перская

В нашем обществе Эма был самым любимым. Невысокий такой человек, полноватый, в огромных очках с толстыми стеклами, которые увеличивали его глаза. Небрежно, казалось, даже неряшливо так одевался и выглядел как бомж. Да он и на самом деле был почти натуральный бомж — Коржавин был репрессирован, жил в ссылке, в Караганде. Ему запрещено было появляться в Москве, Ленинграде, Киеве и в других крупных городах, но он все равно сюда нелегально пробирался.

После ВГИКа мы с Чухраем жили и работали в Киеве, и вдруг к нам — мы жили прямо на территории студии — заявляется Эмка Мандель. Было это году в 1953-м. Весь в пыли, какой-то нечесаный, с разбитыми очками. «Откуда ты?

Что с тобой делать? » — спросили мы. «Я тут неподалеку работал в археологической партии, приютите ненадолго?»

Во главе нашей компании был режиссер Марк Донской, сосланный тоже, как и мой Гриша Чухрай, на Киевскую студию. И жена Марка говорит: «Сейчас принесу брюки, рубашку, ты снимай свое, принимай ванну, мы это постираем и отдадим». Одним словом, привели Эмочку в порядок к вечеру, одели, обули, и три дня он пробыл у нас. Марк его полюбил, а мы с Гришей его еще раньше любили. И мы никогда не забудем его появления.

«Я собираюсь жениться!» — вдруг нам он тогда сказал.

ИРИНА ЧУХРАЙ

119 Свадебная фотография Григория и Ирины Чухрай. 9 мая 1944

120 С первой женой Валентиной Голяк. Москва. 1955

Валентина Голяк. Середина 1950-х

Кадр из фильма «Сердца четырех». Режиссер Константин Юдин. 1941. Мосфильм

* * *

В наши трудные времена
Человеку нужна жена,
Нерушимый уютный дом,
Чтоб от грязи укрыться в нем.

В наши подлые времена
Человеку совесть нужна,
Чтоб в неделю хоть час один
Быть свободным и молодым.

И тогда уже может он
Дожидаться иных времен.

1956

123

124

123 С дочерью Леной. США. Середина 1970-х

124 С зятем Мишей, дочерью Леной, внучкой Наташей и Любаней. США. 1986

125 С правнуком Яшей. Чапел-Хилл. 2016

126 С внуком Гришей. США. 1992

127

128

127 Бенедикт Сарнов. Москва. 1970-е

128 Холодильник Пастернака. Переделкино. 2017. Автор Л. Перский

Безбытность Коржавина всегда была чем-то анекдотическим. Он уже был женат, у него был ребенок — дочь Леночка, была даже комнатенка в коммуналке где-то в Мытищах. И вот как-то раз сидел у меня мой друг поэт Евгений Винокуров. Вдруг Мандель звонит, и у меня с ним начинается долгий, унылый, скучный разговор. Винокуров никак не может понять, почему я не могу прервать это неинтересный, вялый, занудный звонок. А Эмка в это время был в магазине, покупал холодильник и пытался узнать у меня, что лучше: «Ока» или «Север», и вообще, что с ним потом делать? Наконец, закончился этот очень затянувшийся телефонный разговор, я смог положить трубку. Винокуров спрашивает: «Кто это?»

Я отвечал: «Это Мандель».

— А что такое?

— Ты понимаешь, он покупает холодильник!

Винокуров просто остолбенел, онемел, а потом заорал как резаный во всю глотку: «Мандель покупает холодильник?!! Мандель, который в Литинституте ходил в стоптанных валенках с задранными верх носами, шинели с чужого плеча и в буденовке со звездой?!! Эмка, который всегда был похож на юродивого, покупает холодильник?!! Ты понимаешь, что ты сказал?!! Это же конец эпохи! Это уже все!! Это закончилась великая эпоха!!!»

ИЗ САРНОВА

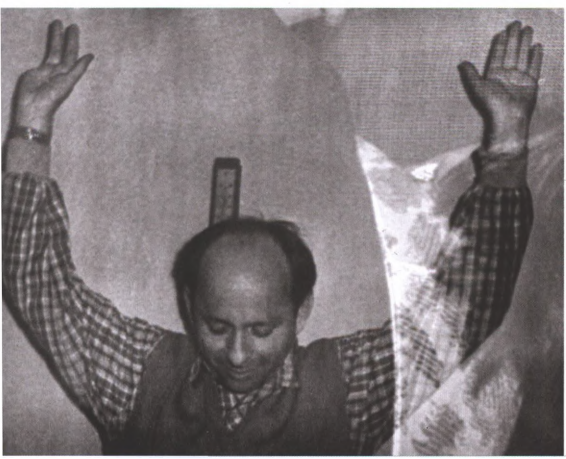
129

129. С первой женой Валентиной Голяк. Москва. 1955

Вот смешной эпизод, в котором наглядно обнаруживает себя причудливая атмосфера середины 1950-х годов — кружащая головы свобода и еще не отпускающий страх. Как-то мы пошли большой компанией обедать. Возвратившегося из Караганды в Москву Наума Коржавина, которого тюрьма и ссылка не очень-то научили не выкладывать во всеуслышание все, что у него на уме, по дороге в ресторан предупреждаем, чтобы на политические темы он там не высказывался. Он обижается: «Что я, ребенок?» В разговоре за столом задеваются тридцатые годы и обсуждаются деятели того времени. Самый молодой из нас, Стасик Рассадин, спрашивает: «Ну, а Киров?..»

Понимая, что сейчас с разъяснениями выступит Коржавин, кто-то пытается его остановить. Эмка обиженно гудит: «Что ты меня толкаешь? Я ничего такого не хотел сказать... В этой банде Киров был еще приличным человеком...» Все хохочут...

ЛАЗАРЬ ЛАЗАРЕВ



В тридцатые годы простые люди были умнее интеллигентов. Они никакой диалектики не признавали. Они знали жизнь. Мы их презирали за темноту, а они знали, в чем дело. Домработницы арестованных партаппаратчиков говорили их перепуганным женам: прячьтесь в деревне, все пройдет, — вернетесь. И слушались бы — спаслись. Шофер Кирова с похорон «шефа» — прямо на вокзал. И — исчез. Вернулся только в 62-м. А в 56-м еще не рискнул. Он, слава богу, не знал диалектики. Но знал, что слишком много знает.

130 На Садовом. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

131 Олег Чухонцев и Фазиль Искандер. Москва. 1960-е

132 Лазарь Лазарев. Москва. 1970-е

* * *

Не надо, мой милый, не сетуй
На то, что так быстро ушла.
Нежданная женщина эта
Дала тебе все, что смогла.

Ты долго тоскуешь на свете,
А все же еще не постиг,
Что молнии долго не светят,
Лишь вспыхивают на миг.

1946

Продавец воздушных шаров. Москва 1947. Автор Thomas D. McAvoy

Я приехал в Москву в 56-м году, был человек совершенно непросвещенный, начинал писать стихи, собирался пробиваться в литературу. Стал знакомиться сначала с поэзией, потом с прозой. Одно из самых громких имен в поэзии тогда было — я слышал это имя со всех сторон — Эмка Мандель. Его все называли Эмка, не знаю, почему так непочтительно. Сейчас можно услышать Наум, Наум Моисеевич, Эмка, а тогда я слышал только Эмка Мандель. И стихи его тогда ходили по рукам. По сути, это был первый самиздат, с которым я познакомился, потому что других поэтов я знал по публикациям.

В то время было два самиздатовских поэта, таких наиболее известных, которых не печатали: Николай Глазков и тогда еще не Наум Коржавин, а Эмка Мандель. Тогда я впервые услышал «Можно строчки нанизывать...» или «Гуляли, целовались, жили-были...», которые завораживали, и сразу было ясно, что это крупный неординарный поэт, никак не вмещавшийся в рамки советской литературы.

ВЛАДИМИР ВОИНОВИЧ

134 Одно из первых выступлений в ЦДЛ после возвращения из эмиграции. Слева направо: Ю. Карякин, Е. Евтушенко, Г. Поженян, неустановленный поэт, В. Солоухин. Москва. 1989

135 Пушкинская площадь в Москве. 1945

Дорогой Эма, спасибо, что твои стихи напомнили о необходимости поэзии и совести.

Без строк «Но кони все скачут и скачут, / А избы — горят и горят», без «Можем строчки нанизывать / Посложнее, попроще, / Но никто нас не вызовет / На Сенатскую площадь...» нельзя представить истории русской совести. Ты никогда не старался стать бессмертным. Но придется!

Твой верный читатель с пятнадцати лет, не сразу, но в конце концов вылеченный от идеализации доброго дедушки Ленина тонюсенькой книгой цитат Вени Ерофеева и твоим беззлобно-убийственным «Кому мешало, что ребенок спит?». Обнимаю, Женя Евтушенко

2010 ГОД. ПОЗДРАВЛЕНИЕ НАУМА КОРЖАВИНА С 85-ЛЕТИЕМ

Мы уже жили в Москве в коммунальной квартире с соседом, недавно переехали из Киева, и вот как-то к нам вваливается Эма. Гриша (Чухрай. — *Л. П.*) только что вернулся со съемок, очень усталый, и прилег поспать.

Я попросила: «Эма, посиди немножечко, давай не будем Гришу будить, потом он проснется, а мы пока попьем чаю и посидим».

Эма говорит: «Мне надо тут дописать», — сел за Гришин стол и стал работать. Потом Гриша проснулся, а Эма говорит: «Ну, вот, я кончил свои стихи. Называется „Трубачи"». Он прочитал, нам очень понравилось. И я потом всегда гордилась, что эти стихи Коржавин написал за Гришиным столом.

ИРИНА ЧУХРАЙ

Тогда, в 1956-м, Чухрай снимал свой дебютный фильм «Сорок первый» с Изольдой Извицкой и Олегом Стриженовым. Оператор Сергей Урусевский. Действие картины происходит во время Гражданской войны в песках среднеазиатской пустыни и на необитаемом острове посреди Аральского моря. История трагической любви лучшего стрелка красногвардейского отряда Марютки, на боевом счету которой 40 убитых белогвардейских офицеров, и взятого в плен белого поручика-аристократа Говорухи-Отрока, направленного с тайной дипломатической миссией от Колчака к Деникину.

На X Международном кинофестивале в Каннах 1957 года фильму была присуждена премия «За оригинальный сценарий, гуманизм и романтику».

ЛЕША ПЕРСКИЙ

137

136 Кадр из фильма «Сорок первый». Режиссер Григорий Чухрай. 1956. Мосфильм

137 Григорий Чухрай чинит радио. Москва. 1950 с

138 Кадр из фильма «Служили два товарища». Режиссер Евгений Карелов. 1968. Мосфильм

Трубачи

Я с детства мечтал, что трубач затрубит,
И город проснется под цокот копыт,
И все прояснится открытой борьбой:
Враги — пред тобой, а друзья — за тобой.

И вот самолеты взревели в ночи,
И вот протрубили опять трубачи,
Тачанки и пушки прошли через грязь,
Проснулось геройство, и кровь пролилась.

Но в громе и славе решительных лет
Мне все ж не хватало заметных примет.
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги.

И были они среди наших колонн,
Подчас знаменосцами наших знамен.
Жизнь бьет меня часто. Сплеча. Сгоряча.
Но все же я жду своего трубача.

Ведь правда не меркнет, и совесть — не спит.
Но годы уходят, а он — не трубит.
И старость подходит. И хватит ли сил
До смерти мечтать, чтоб трубач затрубил?

А может, самим надрываться во мгле?
Ведь нет, кроме нас, трубачей на земле.

1956

Люди моего поколения умудрились сделать из совершенно адского военного коммунизма какую-то романтическую легенду — я сам отдал ей долг. Я наивно верил в то, что позже назвали коммунизмом с человеческим лицом. На самом деле у коммунизма нет человеческого лица.

139 Кадр из фильма «Сорок первый». Режиссер Григорий Чухрай. 1956. Мос фильм

140 Москва. 2000 е. Автор Л. Перский

141

142

Вариации из Некрасова

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год, —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — всё скачут и скачут.
А избы — горят и горят.

1960

Тренировка физкультурниц перед демонстрацией
Москва 1937 Автор Велижанин

Ремонт тротуаров
Москва 1947 Автор Thomas D. McAvoy

143 Из магазина. Улица Горького. Москва. 1947. Автор: Thomas J. McAvoy

144 Зал ожидания аэродрома на Ходынке. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

145 Василий Гроссман. Москва. 1947

В 1956 году я был в Доме творчества Союза писателей СССР в Коктебеле, и вот однажды туда приехал Василий Семенович Гроссман с женой. Он к тому времени был широко известен — у него было твердое реноме крупного писателя.

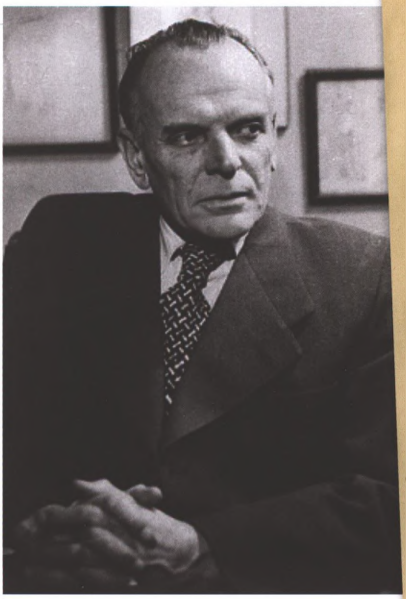
Мы говорили с ним о Сталине и обо всем остальном, что происходило с нами и вокруг, и Гроссман мне прочел кусок про Гитлера из «Жизни и судьбы», который — по психологическим истокам — относился, по его мнению, и к Сталину тоже: эта посредственность, которая захватывает власть и потом навязывает себя всему человечеству...

В поэзии оттепель началась с нашумевшего сборника «Тарусские страницы». Поэтический цикл Коржавина из 16 стихотворений в этом сборнике был его первой серьезной публикацией.

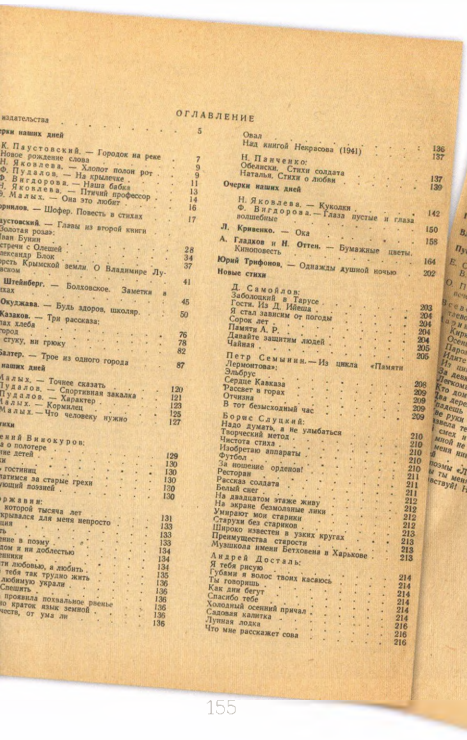
Сборник, вышедший в 1961 году, стал событием. Цветаева, Заболоцкий, Окуджава, Коржавин и многие другие. От имен у читателей шла голова кругом. Выпущен был сборник под эгидой Паустовского. Книга сразу приобрела шумную известность.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Константин Паустовский. Москва. 1952



Книгу мы объявили подарком XXII съезду партии, но это не помогло: по настоянию секретаря Калужского обкома тираж был напечатан не полностью. А нам не заплатили даже за то, что было напечатано, заплатили только за один тираж, теперь это говорится — материальный убыток. Каждого из нас обманули на довольно большую сумму. И хотя дело было абсолютно важное и по формальному закону, ни один суд не решил в нашу пользу. Потому что в СССР в принципе решить против какого бы то ни было секретаря обкома невозможно. Даже против председателя облсовета можно, а против секретаря обкома — нельзя.



ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГА

№ 128 (3939) Суббота, 25 октября 1958

Прощальные встречи

ДЕКАДА КИРГИЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА 1958

В течение пос- ледних дней проходили прощальные встречи участников декады с москвичами. В Кон- цертном зале имени П. И. Чайковского 23 октября под пред- седательством Н. Грибачева состоялся заключительный вечер литературной части декады. Председатель правления Союза писателей Кирги- зии А. Сыдыкбаев во вступи- тельном слове сердечно благодарил по- гостей за теплый и радушный прием, оказанный участникам декады. Он гово- рил об огромной пользе творческих бесед с русскими, посвященной показуща стре- мительно Киргизии, пожелавшим ста- тераторов Киргизии, пожелавшим ста- шему с чувством горячей благодарности с русскими писателями и читателями. С. Эсенкулов, сказав слова, выступили поэты С. Абдыкадыров, А. Борбугулов, С. Дигутов, К. Малиев, народный поэт Киргизии А. Токомбаев, Б. Шиваза и другие. Затем закончился концертом ко- стюме Киргизского театра оперы и ба- лета и республиканской филармонии.

Посланц

Мы назвали этот ве- чер... Мы в этих словах заключено сов- лищах в глубоком проникно- совместной борьбы за общее д- ще пол, традиции дружб- сознаньи деятелей наших стра- нее чувство крепко связыва- наших народов.

Сегодня польско-советск- сливаемрованная общей бор- люционеров, совместно пре- вью в бой против германск- ма и озаренная идеями ма- нонизма. Высоко развивая с- мым сердечным братским- ствой. Исторический XX с- основанная на духе его Де- 30 октября 1956 года, в п- ное польско-советское. 18 ноября 1956 года пр- дружбе новый блеск и сф-

Вместе с делегатами Польш- Республики в Советск- внимание общественного м- стран. Важность этого м- кается системой зеле- ную входит победи- объединенной рабочей п- с первым секретарем Ц- митета Владиславом Гом- представителя Объедин- ской партии. Демократ- ные поэтам и

В редакции. Москва. Начало 1970-х

В конце 1950-х — начале 1960-х годов Эма подрабатывал литературным консультантом в «Литгазете». И как-то ему попались мои стихи. Так вышло, что они ему понравились больше всего, хотя именно эти стихи я никогда не печатаю. Там были такие строчки, которые я посвятил сам себе, так как я родился 8 марта: «Вокруг воркование, щебет, шаги, //подрастают друзья, подрастают враги...» Почему-то эти строчки его подкупили, он считал, что в них был некий «концепт поведения». Но теперь, по прошествии многих лет, видно, что он был прав. Поскольку я сам долгие годы зарабатывал переводами и как редактор, постольку и я вижу: вот здесь прорастет и вот тут есть точность.

Это ощущение подлинности его даже травмировало.

У Коржавина есть такая отвага в признании, что все надо самому понюхать и все увидеть собственными глазами.

И никаких предварительных репутаций для него не существует.

И поэтому Эма — очень свободный человек.

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

30

«Постоим за веру православную!» — с таким криком ворвался в редакцию «Литературки» Эмка Мандель, когда я, кажется, его впервые увидел. В то время он пытался напечатать в газете свое стихотворение «Церковь Покрова на Нерли».

Коржавин вообще ошеломлял всех и всегда. И той же внешностью, и костюмом, которым не бывал озабочен и в более благополучные годы, ежели допустить, что они у него бывали, и своей странностью, граничащей с несоблюдением всевозможных манер. «Ненормандель», — каламбуря, именовал его Евгений Винокуров (поэт, который тоже учился в Литинституте), что Эмку злило, несмотря на очевидную беззлобность шутки...

СТАНИСЛАВ РАССАДИН

149 Здание на Цветном бульваре, где находилась редакция «Литературной газеты». 2017. Автор В. Леднева

150 Храм Покрова на Нерли. Владимирская область. 2014. Автор Е. Грищенко

151 Со Станиславом Рассадиным. Москва. Середина 1960-х

Границы свободы были очень зыбки... Мы сдали в набор стихи Коржавина — это должна была быть его первая публикация в центральной печати, очень важная для него, существовавшего в Москве на птичьих правах. Стихи не крамольные, но все-таки что-то царапало воспитанное на гладкости восприятие, как-то они выделялись, слишком обращали на себя внимание, и это становилось препятствием на пути к газетной странице.

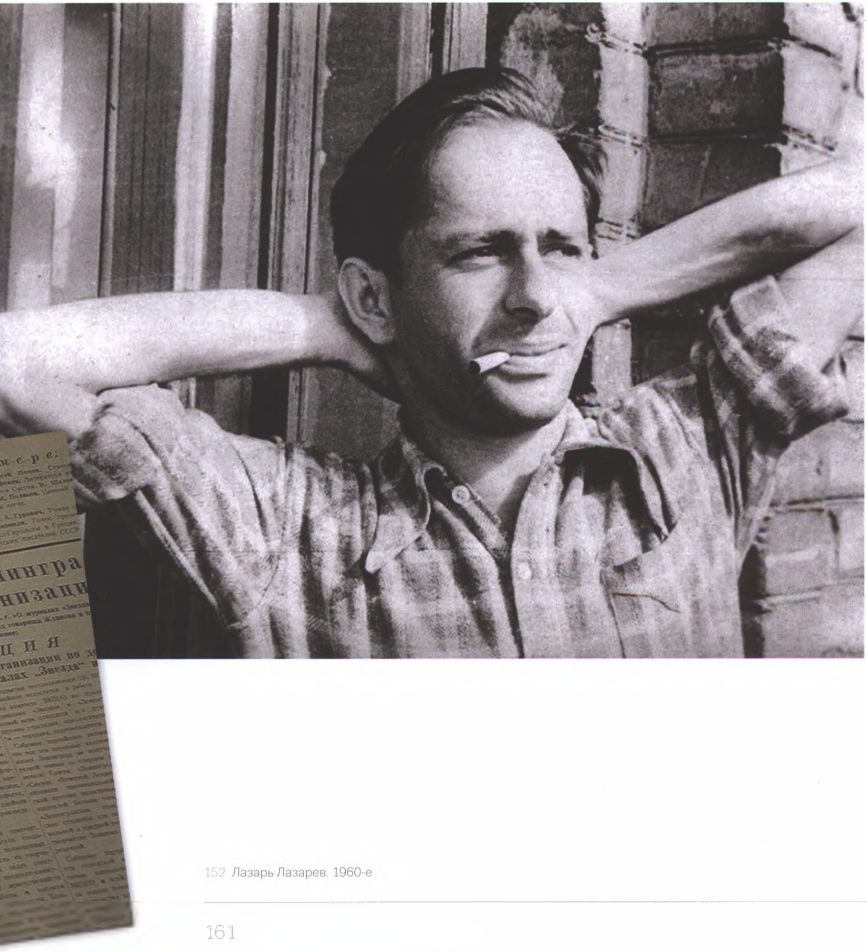
Как-то, когда Эма был у нас на шестом этаже в редакции «Литературки», наверх поднялся Михмат (так все называли в газете заместителя главного редактора Михаила Матвеича Кузнецова). Чтобы подтолкнуть публикацию и заручиться активной поддержкой Михмата, Коржавина попросили почитать стихи — не те, что предназначались для газеты, а поострее. Но все-таки не самые острые, не наводящие на мысль, что на Лубянке уже мышей не ловят. Михмату стихи понравились.

Но этого разгоряченным поклонникам стихов Коржавина показалось мало, они начали заказывать Эме стихи, по тем временам пугающе непроходимые. В общем, разгулялись вовсю. Чувствую, перебор, добром не кончится, пытаюсь остановить: мол, пора закругляться, всего не перечитаешь. Но куда там, вошли в раж, не удержать, отмахиваются.

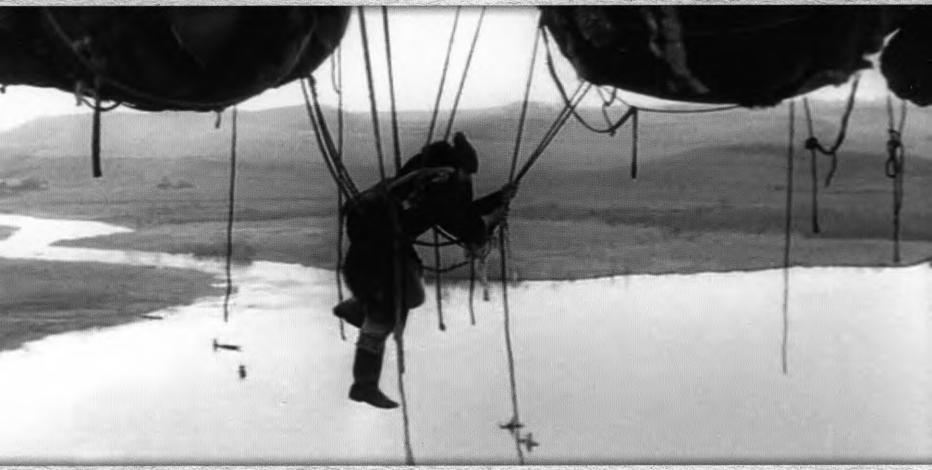
Наум с неохотой, но все-таки читает крамольные стихи — очень уж напирали. И Михматский: не вдохновили его, а напугали. Эти совершенно непечатные стихи в его сознании наложились на предназначенные для печати. Под разными предлогами он публикацию Коржавина откладывал.

Стихи вышли, когда Михмат на несколько дней уехал в командировку.

ЛАЗАРЬ ЛАЗАРЕВ



152 Лазарь Лазарев. 1960-е



Кадр из фильма «Страсти по Андрею». Режиссер Андрей Тарковский. 1966. Мосфильм
В роли летающего мужика Ефрема — поэт Николай Глазков

Церковь Покрова на Нерли

По какой ты скроена мерке?
Чем твой облик манит вдали?
Чем ты светишься вечно, церковь
Покрова на реке Нерли?

Невысокая, небольшая,
Так подобрана складно ты,
Что во всех навек зароняешь
Ощущение высоты...

Так в округе твой очерк точен,
Так ты здесь для всего нужна,
Будто создана ты не зодчим,
А самой землей рождена.

Среди зелени — белый камень,
Луг, деревья, река, кусты.
Красноватый закатный пламень
Набежал — и зарделась ты.

И глядишь доступно и строго,
И слегка синеешь вдали...
Видно, предки верили в Бога
Как в простую правду земли.

1954

154 Николай Глазков. 1960-е

155 Продажа газировки на Кузнецком. Москва. 1941. Автор Margaret Bourke-White

Только Глазкова и Пастернака я считаю своими прямыми учителями.

Глазков научил меня внутренней свободе и независимости даже от собственных взглядов. Он был одним из самых умных, образованных и самостоятельно мыслящих людей своего времени. Дружба с ним подняла мою жизнь на более высокую ступень.

* * *

Николаю Глазкову

Нас отпускали с разных предприятий
И почитали для себя же счастьем.
Подхватывали райвоенкоматы
И прогоняли воинские части.
К хорошим строчкам строчки подбирая
И занимаясь в жизни только ими,
Вполне возможно, были мы лентяи,
Но сволочами — все-таки другие.

1944

156 Москва 1960-е

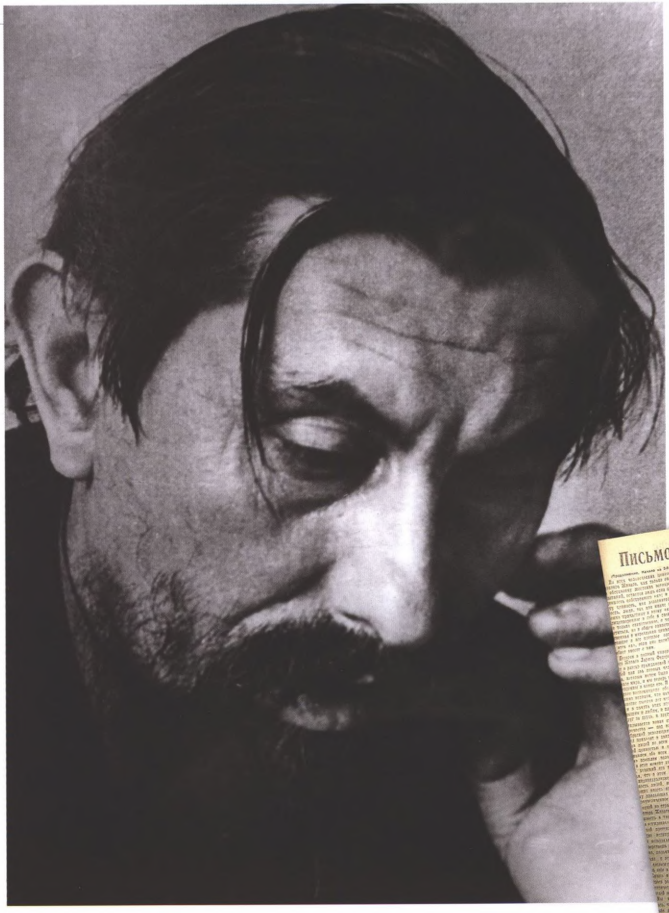
Рассудочность

Мороз был — как жара, и свет — как мгла.
Все очертанья тень заволокла.
Предмет неотличим был от теней.
И стал огромным в полутьме — пигмей.

Другие наступают времена.
С глаз наконец спадает пелена.
А ты, как за постыдные грехи,
Ругаешь за рассудочность стихи.

Но я не рассуждал. Я шел ко дну.
Смотрел вперед, а видел пелену.
Нет! Я на этом до сих пор стою.
Пусть мне простят рассудочность мою.

1956



157 Николай Глазков.
Москва. 1960-е

Борис Пастернак в эвакуации в Чистополе. 1942. Автор В. Авдеев

В юности я очень любил поэзию 20-х годов. Считаю своими учителями двух абсолютно разных поэтов — Пастернака и Глазкова.

У Пастернака я перенял многое: умение говорить интимно об интимных вещах, синтаксис. Когда я только начал его читать, ничего не понял, а потом он из меня сам попер. Какие-то строчки:

Есть сон такой — не спишь, а только снится,
Что жаждешь сна; что дремлет человек,
Которому сквозь сон палят ресницы
Два черных солнца, бьющих из-под век.

Но следов Глазкова, Пастернака, по-моему, в моей поэзии почти нет.

159

160

Ехал я в Переделкино на похороны Пастернака со своим другом археологом Монгайтом, историком Некричем, Булатом Окуджавой и его девушкой. Оставив машину, мы пошли в сторону дачи Пастернака, и тут я увидел Женю Винокурова. Он стоял и «жадно глядел на дорогу», ведущую к нужной и нам даче.

— Привет, Женя! — заорал я дурашливо, сразу поняв, что происходит. — В Доме творчества поселился? (Я прекрасно знал, что из Москвы он не выезжал.)

— Да, — в тон мне ответил Женя. — Воздухом вышел подышать. — А когда мы подошли ближе, встревоженно добавил: — Из секции никого нет (секция поэзии Союза писателей. — *Л. П.*). Говорят, Межиров был. Я там, на даче, уже был. Там всех снимают.

Там, конечно, снимали, и не только западные корреспонденты. И из секции, кроме Межирова, действительно никого не было (нам с Булатом было проще — ни я, ни даже он еще не были членами Союза), но Женя тем не менее снова вернулся на дачу, вместе с нами прошел мимо гроба и вообще присутствовал на похоронах до конца... В довершение всего он был вместе со мной и Булатом сфотографирован корреспондентом «Пари матч» на заднем крыльце дачи, когда мы выходили после последнего прощания. Снимок в журнале появился. Я потом, чтоб попугать, соврал Женьке, что мы там все были названы. Он встревожился. Но я быстро его успокоил — корреспонденты тогда не знали не только имен наших с Женькой, но и Булата — мы, к счастью для Жени, были для них только деталью пейзажа.

Я сказал Женьке, что уважаю его за то, что он там был, хоть и боялся. Он улыбнулся и возразил: «Нет, я не боялся... Но — сознавал».

160 Похороны Пастернака. Переделкино. 1960. **Фотография Наума Коржавина**

160—161. Похороны Пастернака. Переделкино. 1960

Анна Ахматова. Ленинград, 1956. Авторы А. Лесс, В. Федосеев

Во дворе дома Ардовых на Большой Ордынке. Москва, 2017. Автор Л. Перский

С Ахматовой у меня были продолжительные отношения. Она все время спрашивала:

— Почему вы редко приходите?

Я объяснял:

— Понимаете, Анна Андреевна, я пишу сейчас мало.

— А вы что, отчитываться приходите?!

Ну не мог же я ей сказать, что я действительно прихожу отчитываться. Относиться так: «Здравствуй, Нюрка, я пришел!» — я не смел. Она для меня была не только на пьедестале, она была другим веком, историей.

Я никому не завидовал, кроме Солженицына и Окуджавы...

164

164. Булат Окуджава в ДК ЗИЛ. Москва. Начало 1960-х. Автор Валентин Хухлаев

165. Дача Окуджавы. Переделкино. 2017. Автор Л. Перский

Булат Окуджава — поэт. И поэт, несмотря на все своеобразие своего «простого» жанра, тончайший и серьезнейший. <...> Заслуга Булата Окуджавы в том, что он приобщил к ней (поэзии. — *Л. П.*) (не обязательно к чтению стихов, а к самой ее сущности) гораздо больше людей, чем многие другие поэты. Даже если людям казалось, что они просто напевают бесхитростные песенки.

Его безбытность стала притчей во языцех: поэзия не кормила. Коржавин выживал. Друзья помогли ему с переводами. Переводы тогда были одной из немногих возможностей как-то удерживаться на плаву поэтов, которых не печатали. Переводами жили Пастернак, Ахматова, Арсений Тарковский, Николай Глазков, Давид Самойлов, Борис Заходер и многие-многие другие.

Коржавину предложили подстрочники балкарского поэта Кайсына Кулиева. Он полюбил его стихи, подружился с Кайсыном и всегда очень ругался, когда кто-то говорил, что это стихи Коржавина, а не переводы из Кулиева.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

166

167

* * *

Здоровый поймет ли больного судьбу?
О боли моей говорить ли с тобой?
Если коню крутят губу,
Он только один понимает всю боль.

Как сытый с голодным со мной ты была,
Каких бы я слов для тебя ни обрел,
Боль пробитого пулей крыла
Может понять только сам орел.

КАЙСЫН КУЛИЕВ
ПЕРЕВОД НАУМА КОРЖАВИНА

У Вали Берестова, умевшего удивительно точно пародировать, был устный рассказ об одном народном поэте, который не мог без умиления говорить об Эмочке. Народному поэту нравилось в Эмочке все. Берестов делал эту сценку блестяще.

Расплываясь в нежной улыбке, народный поэт говорил. «Мой сын... он джигит... он скачет на коне... когда... он... увидел... Эмочку... он... сказал: какой... смешной... дядя...»

Кто-то из знакомых заболел, и народный поэт, узнав, чем, сказал со слезами умиления: «У... Эмочки... тоже... была... грыжа...»

ГАЛИНА ЗАХОДЕР

166 – 168 Коржавин в Чегереме у Кайсына Кулиева. Конец 1960-х

169 У музея Революции на улице Горького. Москва. 1949

170 Садово-Триумфальная площадь. Москва. 1936. Автор Э. Евзерихин

А о том, какие были времена в шестидесятые, у нас сомнений не было. Например, помню реакцию моего однокурсника Евгения Винокурова на «подписантство» — подписи писателей под протестными письмами. Сам он что-либо подписывать отказывался наотрез:

— Ты что! Да ты не понимаешь наше положение? Думаешь, что мы спорим с ними? Или боремся? Ничего такого нет. Мы у них в плену! А эти с подписями суются. Разве они понимают, что они делают? Все равно ведь задавят. И потом заставят гадости делать...»

Вот этого, что заставят гадости делать (то есть заниматься публичным самобичеванием, демонстрируя раскаяние), Женя Винокуров боялся больше всего.

1 Евгений Винокуров. Москва. 1967

172 Леонид Брежнев за работой. Начало 1970-х. Автор В. Мусаэльян

Однажды, еще в пятидесятых, Эмочка прочел Слуцкому посвященную ему эпиграмму «На друга-поэта»:

Он комиссаром быть рожден.
И, облечен разумной властью,
Людские толпы гнал бы он
К непонятному ими счастью.

Но получилось все не так —
Иная жизнь, иные нормы.
И комиссарит он в стихах
Над содержанием и формой.

Слуцкий стоически выслушал и сказал:

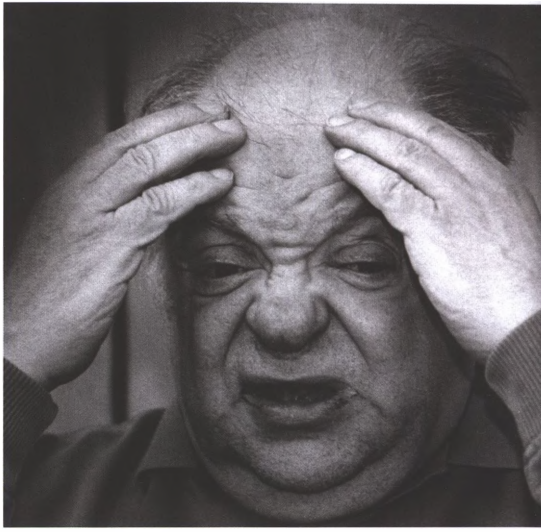
— Ну что ж... Про Симонова ты обидней написал.

Про Симонова Коржавин действительно написал обидней:

Вам навеки остаться хочется
Либералом среди черносотенцев.
Ваше место на белом свете
Образ точный определит:
Вы — лучина.
Во тьме она — светит.
А при свете она — коптит.

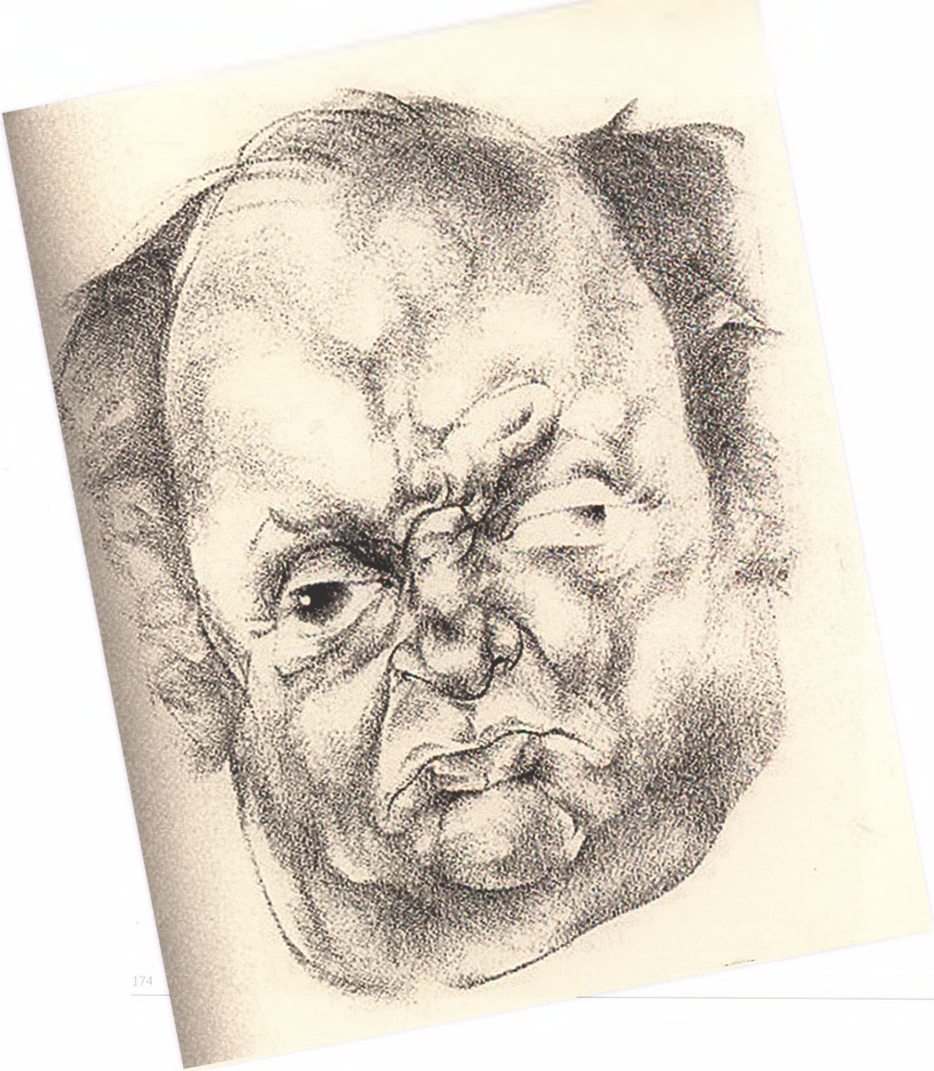
Это был отклик на участие Симонова в травле Пастернака, развязанной советским литературным начальством после выхода журнала «Знамя» с подборкой стихов из «Доктора Живаго».

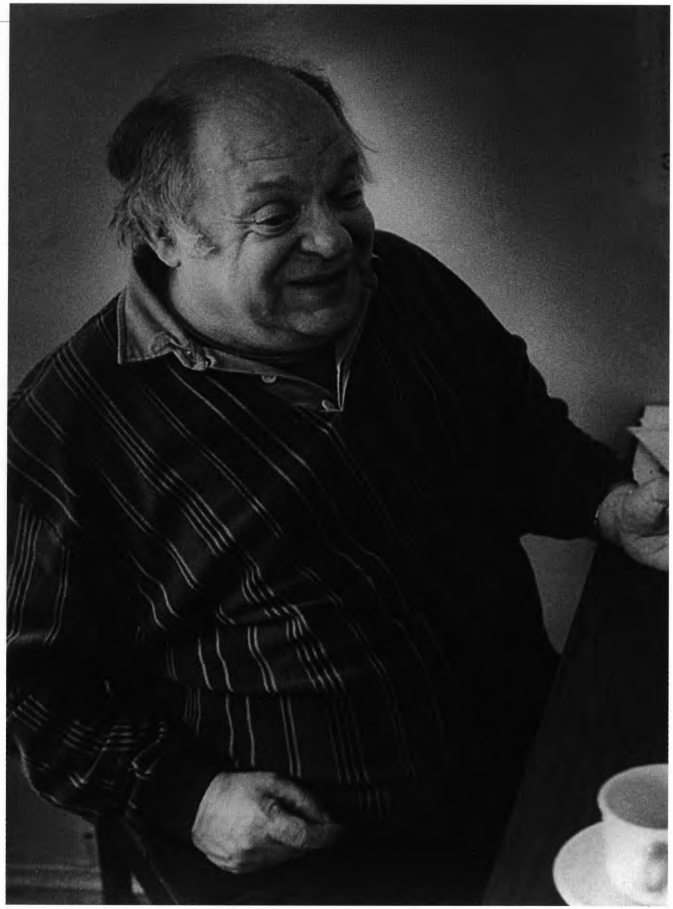
ЛЕША ПЕРСКИЙ



173. Москва. 1998

174. Портрет Коржавина. Художник Борис Жутовский. 2000





175. Москва. 2002

176. Николай Старшинов. 1970-е

Вечно ты попадаешь в лужи,
вечно путаешь имена,
но, ей-богу лишь, неуклюжим
неподдельная нежность дана...

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ — КОРЖАВИНУ

К простому человеку относились даже не как к быдлу (быдло — это все-таки что-то живое), а как к веществу. Психологические корни этого — в коллективизации. В том, что мы примирили себя с ней. Поверили: есть люди, которых можно забросить в теплушки вместе с детьми и гнать, гнать, гнать, чтобы уничтожить всех на корню.

У меня об этом такие строчки:

Неужели закон — сумасшедшее соревнование,
кто кем пожертвует ради всеобщего блага.

На моей памяти организовали такое соревнование. И это была порча.

Пастернак писал:

Я льнул все время к беднякам...
Но я испортился с тех пор,
как времени коснулась порча
и горе возвела в позор,
мещан и оптимистов корча.

Мы принимали неприемлемое. Все. Все, кто считал, что можно так жить. И я. Я тоже был на высоте времени... А мы ведь все очень простые перед Богом.

178

177 Зубовская площадь. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

178 Сталин. 1920-е

179. С Валентином Берестовым и его дочерью Мариной. Москва. Середина 1990-х

В революцию я верил долго. До пятьдесят седьмого года. Вера в революцию была для меня верой в коммунизм как в идею.

Но после пятьдесят шестого года читаю в «Правде» подряд три статьи венгерских коммунистов. И вижу, что это действительно коммунисты. Что коммунистическое мышление — мышление без параметров. И коммунистической логикой можно оправдать все, что угодно.

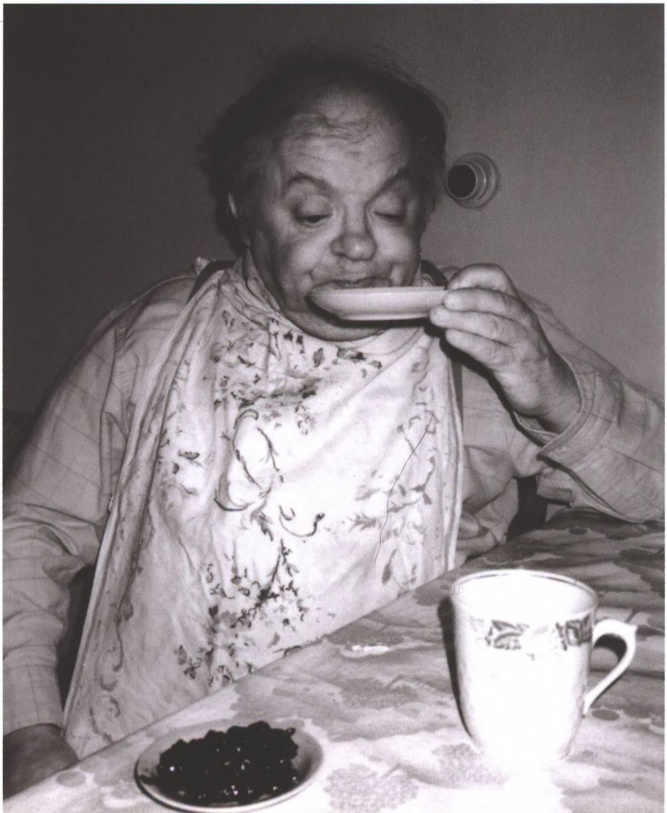
Тогда я почувствовал: если так близко видел Дьявола (дьявольщину самоутверждения и бессмыслицы), то есть и Бог. Очень многие пошли за дьявольщиной самоутверждения. И мало кто вернулся. Дьявол легко не отпускает.

<...>

Иногда Берестов меня поражал. Я долгое время исповедовал идеалы чистой революции и однажды сказал, что я — поэт и революционер. Сказал глупость, которая не шибко отражала реальность, не отражала тенденцию. А Валя отвечает: «А я — нет. Я не революционер». И вдруг я понял: действительно, а на хрена мне вся эта революция и зачем мне все это нужно?

В Одессе. Начало 1960-х

За успех нашего безнадежного дела!



Москва. 1992. Автор Л. Перский

Винный магазин на улице Горького. Москва. 1950. Авторы Носков, Хорунжий

Этот тост провозгласил однажды Эмка Мандель, позже ставший Наумом Коржавиным. Я помню, как мелькнули веселые искорки в его глазах, когда родилась у него — это был чистый экспромт — эта печальная острота. Потом этот на моих глазах родившийся тост стал постоянным на всех наших тогдашних сборищах...

БЕНЕДИКТ САРНОВ

Сталинщина — это то, от чего мы еще до сих пор не освободились. Коммунизм был попыткой средневерящих людей ответить на трагедию бытия, на страшную вещь — мировую войну. Эта попытка силой создать гармонию и всех осчастливить закончилась неудачей. Но многим захотелось, чтобы все, во что они верили, было оправдано, и они пошли за Сталиным. Думаю, что даже слово «тоталитаризм» слишком мягкое для Сталина. Ленинщина была тоталитаризмом, гитлеровщина была. Но Гитлер был равен себе, своему нечеловеческому мировоззрению. А Сталин ничему не был равен, просто такой урка на троне, которому служили умные люди, придумывали аргументы в пользу его правоты. Слово «террор» для него слишком мягкое: Сталин парализовал всех.

Простая вещь — когда в 20-е годы какой-нибудь меньшевик переходил на сторону большевиков, среди большевиков был праздник. А при Сталине: «Ах ты, сука, все равно был против нас — к стенке!» Где и когда пленных отправляли в лагеря?! Это патология, которой нигде не было, ни у Гитлера, ни у красных, ни у белых.

Цель Сталина была сидеть и властвовать. Сталин был садист. После Сталина Россия — это женщина, изнасилованная сифилитиком.

183. Тюрьма Матросская тишина. Москва. 2017. Автор В. Леднева

184. Памятник Деду Хасану на Хованском. Москва. 2017. Автор В. Леднева

185. Памятник Япончику на Ваганьковском. Москва. 2017. Автор В. Леднева

ИВАНКОВ
ВЯЧЕСЛАВ

196

186 Подбитые советские танки в Будапеште. 1956. Автор Erich Lessing

187 Будапешт. 1956. Автор Jack Esten

187

Подонки

Вошли и сели за столом.
Им грош цена, но мы не пьем.
Веселье наше вмиг скосило.
Юнцы, молодчики, шпана,
Тут знают все: им грош цена.
Но все молчат: за ними — сила.

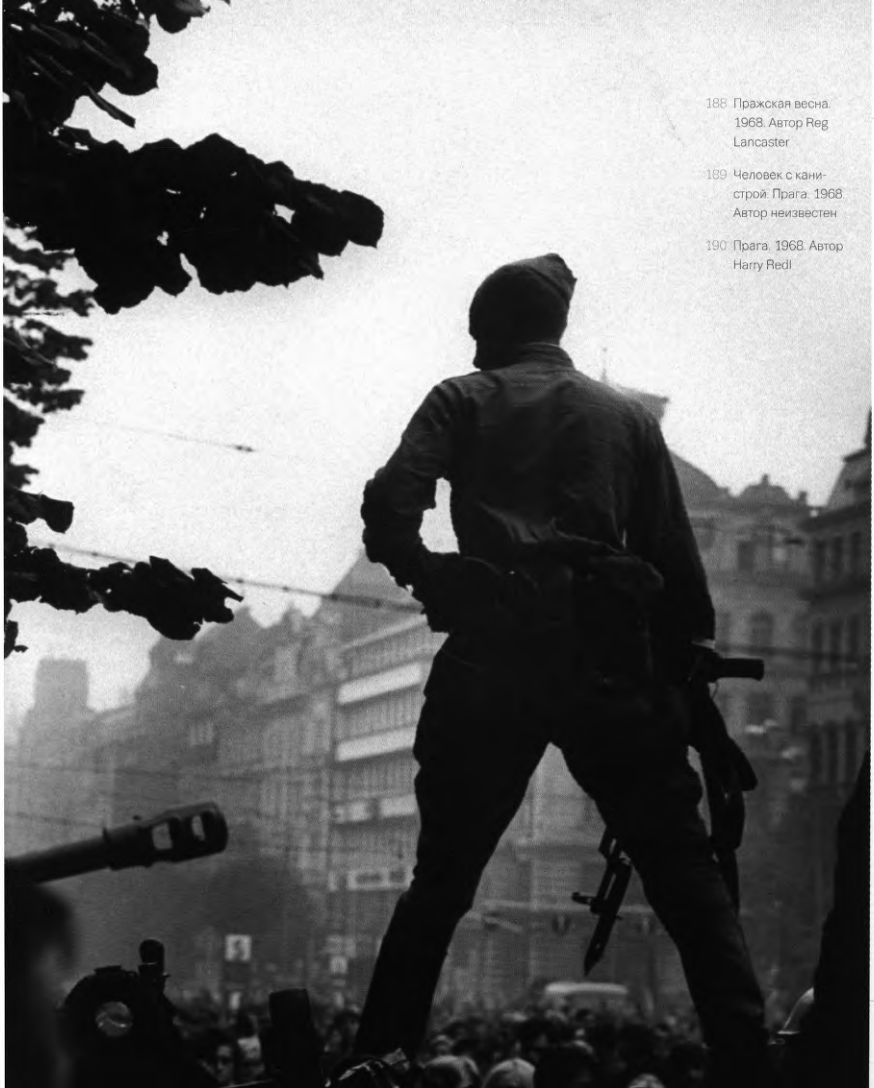
Какая сила, в чем она?
Я ж говорю: им грош цена.
Да, видно, жизнь подобна бреду.
Пусть презираем мы таких,
Но всё ж мы думаем о них,
А это тоже — их победа.

Они уселись и сидят.
Хоть знают, как на них глядят
Вокруг и всюду все другие.
Их очень много стало вдруг.
Они средь муз и средь наук,
Везде, где бьется мысль России.

Они бездарны, как беда.
Зато уверены всегда,
Несут бездарность, словно Знамя.
У нас в идеях разнобой,
Они ж всегда верны одной
Простой и ясной — править нами.

188

189



188 Пражская весна. 1968. Автор Reg Lancaster

189 Человек с канистрой. Прага. 1968. Автор неизвестен

190 Прага. 1968. Автор Harry Redl

191

191 Детский сад на Красной площади. Москва. 1968

192 Евгений Евтушенко. Начало 1960-х

193 Москва. Начало 1990-х

192

193

Воскресенье
у Кремля. Москва.
Автор Stan Wayman

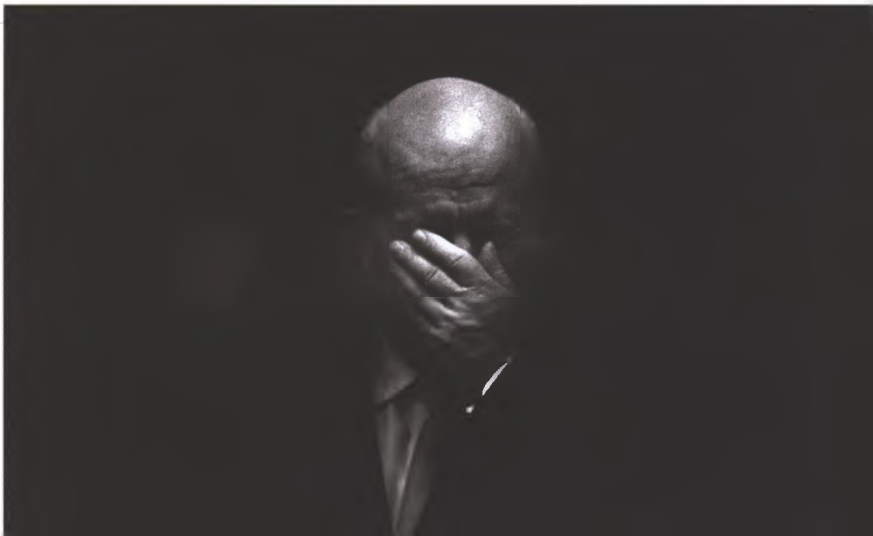
Меня иногда относят к поэтам 1960-х годов. Это правильно только внешне, я всегда противостоял поэзии шестидесятых, ощущая себя человеком сороковых. Мое становление и мое неприятие сталинщины связано не с оттепелью и не с разоблачениями XX съезда, а с временами более ранними. Не то чтобы я был враг шестидесятников или выступал с позиций сталинизма. Это была, несомненно, поэзия талантливых людей: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадуллина. Но для меня XX съезд не был переломом, а они — дети этого съезда.

Время было «оттепельное», еще чуть-чуть либеральное, после XX съезда боролись с культом Сталина. Однажды в редакции журнала «Проблемы мира и социализма» историк Анатолий Черняев, немного приглушив голос, сказал Юрию Карякину: «А ты вот прочитай это». И передал коржавинскую поэму «Танька», перепечатанную на замызганной бумажке, которая явно прошла через многие руки. Позднее Карякин в своем дневнике записал: «„Танька" потрясла меня так же, как через два года „Один день Ивана Денисовича". Моему личному прозрению я обязан — еще задолго до А. И. Солженицына — Коржавину».

<...>

Мы любовались им. Его нельзя было не любить. И еще: мне всегда он виделся большим беззащитным ребенком. Придет, портфель оттопыривается. Я ему: «Эмочка, ну зачем ты опять купил три буханки белого? Хлеб есть, и дома у вас есть». В ответ он застенчиво, робко, совсем как провинившийся ребенок: «Понимаешь, Ируха, это у меня со времен ссылки. Всегда кажется, что хлеба не будет, голодно, вот и не могу удержаться».

ИРИНА КАРЯКИНА-ЗОРИНА



196. Хрущев. 1959. Автор Howard Sochurek

Из поэмы «Танька»

...Седина в волосах.
Ходишь быстро. Но дышишь неровно.
Все в морщинах лицо —
Только губы прямы и тверды.
Танька!
Танечка!
Таня!
Татьяна!
Татьяна Петровна!
Неужели вот эта
усталая женщина —
ты?
Ну, а как же твоя
Комсомольская юная ярость,
Что бурлила всегда,
Клокотала, как пламень, в тебе! —
Презиравшая даже любовь,
Отрицавшая старость,
Принимавшая смерть
Как случайную гибель в борьбе.

<...>

Но опять ты кричишь
С той же самою верой и страстью.

<...>

Все как раньше:
идея,
и жизнь — матерьял для идеи...

1952

Эма к нам приходил довольно часто домой, на Чапаевский переулок. В этот день он забежал довольно рано, и сидел у нас на кухне, и читал только что написанные стихи. Это было в 1967 году — посмотрела я по дате написания стихов.

А рядом в маленькой комнатке проснулся и занимался своими делами Солженицын — он у нас ночевал в этот день. Потом Александр Исаич появился в дверях кухни, чтобы с нами попрощаться и убежать. Мы все стали его уламывать: ну, пожалуйста, ну, послушай... Эма написал новые стихи.

Солженицын остановился в дверях, как в раме, прислонился к притолоке и стал слушать. Эмка, страшно волнуясь, начал читать «Церковь Спаса-на-крови». Исаич стоял в дверях, подрагивая коленочкой. Я до сих пор не могу забыть этого коржавинского чтения, потому что от волнения, наверное, Эмка читал необыкновенно вдохновенно. Я потом никогда от него такого чтения не слышала. Солженицын стоял, никуда не убегая. Стихотворение подходило к концу. У меня мурашки пошли по спине. Мы сидели затаясь... Когда чтение закончилось, Солженицын бросился к Эмке, обнял его, поцеловал и убежал...

Как известно, Солженицын был человек, не очень щедрый на поцелуи.

ВЕРОНИКА ТУРКИНА-ШТЕЙН

Стих Коржавина не отличается собранностью и отлитой формой и неэкономен в строфах... Но всегда напряженное содержание — политическое, историческое, философское — как бы и не нуждается в изощренной стихотворной форме: оно и по себе достигает высоты, оно честно, умно, ответственно, и все просвечено душевным теплом, сердечной чистотой автора, все льется от добрейшего сердца.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

196

196 Москва. 1970

197 Александр Солженицын. Германия 1974

Примерно в начале 1960-х годов я однажды сказал ему: «Настала пора составить твою книжку стихов и отдать в издательство. Можем опоздать. Время неопределенное, куда все это повернется — черт его знает. Давай соберем твои стихи — я готов это сделать». Он ответил: «Давай». Я говорю: «Ну, ты давай мне свои стихи, мы вместе разложим этот пасьянс. Что-то ты отберешь, что-то я отберу». И тут выяснилась совершенно поразительная вещь: у него не было текстов своих стихов! Что-то он помнил на память, что-то не помнил. Но никакого архива своих стихов у него не было!

Про Хлебникова известно, что он набивал своими стихами наволочку и возил с собой эту подушку, многое терял, что-то сохранялось, и получалось, как тогда говорили, дервиш-урус (т. е. русский бродяга-юродивый). Но Эмочка переплюнул самого Хлебникова, потому что у него даже наволочки со стихами такой не было!

Я спрашиваю: «Что же мы будем делать?» Он говорит: «Все очень просто. Есть такой известный биолог — Цалкин. Он меня любит, и почти все мои стихи у него есть». Мы пошли к Цалкину, это оказался замечательный старик. Он вытащил гигантскую охапку Эминых стихов. Не хотел с ними расставаться, но мы ему объяснили, что это единственный способ издать книжку. В результате книжка вышла, она называется «Годы».

БЕНЕДИКТ САРНОВ

Моя судьба издавать не сборники, как все поэты, а «Избранное». Единственный до отъезда мой сборник «Годы» (1963) представлял первые двадцать лет моего творчества.

198 Два друга. Шарж. Начало 1990-х. Автор Б. Биргер (?)

199 С Б. Сарновым. Москва. Начало 1990-х

290. Кадр из фильма «Я шагаю по Москве». Режиссер Георгий Данелия. 1963. Мосфильм

* * *

Ты сама проявила похвальное рвенье,
Только ты просчиталась на самую малость,
Ты хотела мне жизнь ослепить на мгновенье,
А мгновение жизнью твоей оказалось.

Твой расчет оказался придуманным вздором.
Ты ошиблась в себе, а прозренье — расплата.
Не смогла ты холодным блеснуть метеором,
Слишком женщиной — нежной и теплой — была ты.

Я прощаюсь сегодня с несчастьем и счастьем,
Со свиданьями тайными в слякоть сплошную.
И с твоим увяданьем. И с горькою властью
Выпрямлять твое тело одним поцелуем...

. . . . . .

Тяжело, потому что прошедшие годы
Уж другой не заполнишь, тебя не забудешь,
И что больше той странной, той ждущей чего-то
Глупой девочкой — ни для кого ты не будешь.

1960

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ МОСКВЫ

Поэтический вечер

ВЫСТУПАЮТ ПОЭТЫ:

- Светлана Максимова
- Игорь Мелхиев
- Борис Гайнутдинов

НОВАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ВЕЧЕР ВЕДЕТ Наум Коржавин

ВЕЧЕР НЕ СОСТОИТСЯ

Вход свободный

23 апреля

МАЛЫЙ ЗАЛ ЦДЛ

НАЧАЛО В 17.00

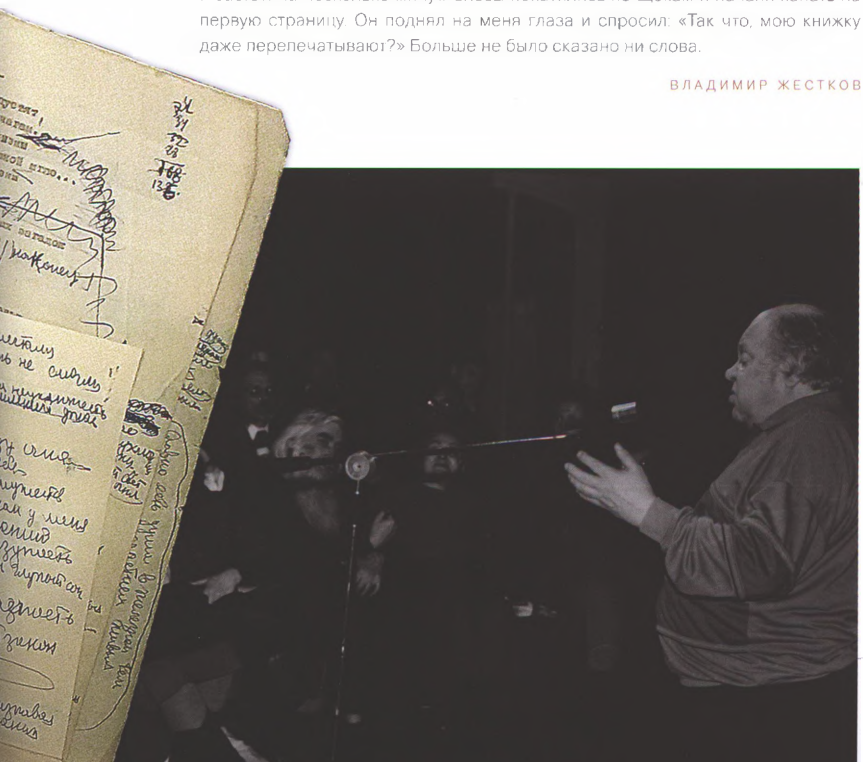
Встреча с читателями. Москва. Начало 1990 х

На вечере, посвященном выходу его первой книги «Годы», я подошел к нему и остановился в нерешительности. Заметив сбоку какую-то тень, поэт повернул голову, и я увидел через толстые линзы очков добрые и внимательные глаза.

— Наум Моисеевич, вы меня простите, пожалуйста, я не смог достать вашу книжку, не дадите ли вы автограф вот на этом? — и я протянул ему машинописную перепечатку книги.

Не разобравшись сразу с тем, что же ему протягивает этот худой и лохматый парень, Коржавин взял скрепленные листы, поднес их прямо к глазам и застыл на несколько минут. Слезы покатились по щекам и начали капать на первую страницу. Он поднял на меня глаза и спросил: «Так что, мою книжку даже перепечатывают?» Больше не было сказано ни слова.

ВЛАДИМИР ЖЕСТКОВ



202 Улица Горького. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

203 Василий Гроссман. Москва. 1950-е. Автор. А. Князев

204 Садово-Триумфальная площадь. Москва. 1938—1939

Арест романа убил самого Гроссмана. Втихаря. Романа нет, ничего нет — это все равно, что его задушили в подворотне...

У них эта задача была — убить. Убить рукопись. Гроссман своим романом «Жизнь и судьба» должен был сказать свое важное слово в литературе, и он сказал его. А они просто заткнули ему глотку.

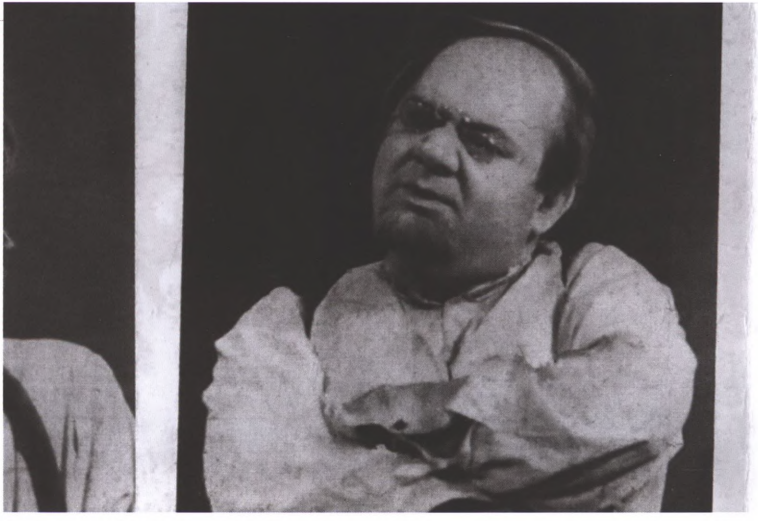
...Справедливая фраза «Рукописи не горят!». Но они все-таки горят иногда. Если есть копии — не горят. Рукописи можно еще просто изъять, арестовать — как будто и не было вовсе. А потом открыть их, когда они будут уже не столь горячи.

В 1967 году в театре Станиславского была поставлена пьеса Коржавина «Однажды в двадцатом». Друзья считали, что ее не пропустят, но Эма был уверен в обратном и говорил, что она не против тогдашнего начальства, а против революции как несчастья. И ее действительно пропустили.

Коржавин пришел к нам однажды и говорит Грише (Чухраю. — *Л. П.*): «Написал пьесу, давай прочитаю». Они уединились и читают пьесу эту. Она еще не готова, только вчерне. Я гладила на кухне, слышу: Эмка читает что-то такое интересное. Я взяла свою гладильную доску, пристроилась в кабинете, глажу и слушаю. И вот Эмка читает. Что то такое скучное, какой-то Бог у него там появился, в облаках летает. Что-то не то. Обсуждали...

И вдруг через некоторое время он нас приглашает на премьеру. Уже спектакль! Весь зал битком набит людьми заинтересованными и знающими. Леонов был так похож на Эмку. Спектакль поставил Львов-Анохин.

ИРИНА ЧУХРАИ



206

207

05—207 «Однажды в двадцатом»
Автор пьесы Н. Коржавин.
Режиссер Борис Львов-Анохин.
В главной роли Е. Леонов. 1967

В самой удачной пьесе Коржавина «Однажды в двадцатом» играл Леонов. Внешне он чем-то смахивал на Коржавина. И это сходство даже эксплуатировал и слегка педалировал. В финале, когда все выходили на поклоны, последними появлялись как раз Коржавин и Леонов, и поскольку они были очень похожи, это производило сенсацию, и зрители устраивали овацию.

БЕНЕДИКТ САРНОВ

С Владимиром Высоцким я познакомился на Таганке. Я ходил туда довольно часто в 60-е годы... Наши отношения были не близкими, но дружественными.

Мне нравились многие его песни, некоторые из них были просто потрясающие. И актером он был очень сильным. Я до 74-го года почти все на Таганке смотрел: «Павших и живых», «Пугачева», «Галилея», «Гамлета». К сожалению, не успел посмотреть «10 дней, которые потрясли мир» — очень хотел, но почему-то не получилось. Правда, «Гамлета» с Высоцким я почти не помню, видимо, трактовка была слишком злободневной...

Из песен мне нравятся его бытовые драмы: «Ой, Вань, смотри, какие клоуны», «Про Первую Мещанскую...». У него очень много хороших песен о жизни! А вот громкие его песни — «Баньку», например — я не люблю. Может, она и очень хорошая, но я ее не знаю — как только «Банька» начинается, я ничего не могу с собой сделать, я ее просто не слышу...

Я был только один раз на его концерте, в Бостоне, в США, году в 79-м, когда он дал несколько концертов-выступлений в колледжах. Он вообще-то собирался по синагогам выступать — намного дешевле была бы стоимость зала. Но ему в посольстве сказали, что если он будет петь по сионистским центрам, то... Почему синагога у них — сионистский центр, не очень понятно.

Я заходил за кулисы, но там было столпотворение, так что обменялись несколькими фразами. Я сказал о своем восхище-

208. Владимир Высоцкий. Москва. 1972. Автор Михаил Баранов

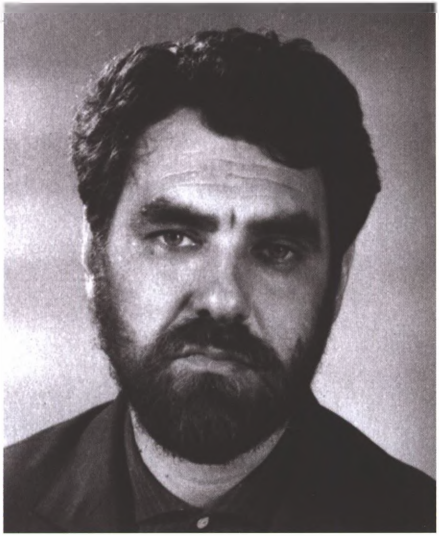
нии тем, что я только что услышал, а он, помню, передал мне привет из Москвы от Юрия Карякина...

Я думаю, что многое у него — долговечно. А многое было очень зло бодневно. Но это тоже имеет право быть.

А в истории? Я вообще не знаю, что останется от всех нас. Не знаю. Все будет зависеть от того, какая вообще дальше будет История...

Вид с улиц Горького на Исторический музей. Москва. 1947. Автор Thomas D. McAvoy

210



211

Александр Аскольдов. Москва. Начало 1970-х

Москва. 1960 е

Черный хлеб. 2015. Автор Е. Грищенко

Когда Коржавин после реабилитации в 1956-м восстановился в Литинституте, там уже учился в аспирантуре будущий кинорежиссер Александр Аскольдов. Они познакомились и подружились.

Году в 1969-м или 1970-м Аскольдовы пригласили Эмика преподавать «ямбы и хореи» дочери Марине, которой было тогда лет 11—12. Учителя неизменно приглашали к семейному обеду, после которого перед Коржавиным образовывалось море крошек. Завершив трапезу, поэт несколько раз аккуратно сгребал правой рукой в левую ладонь все крошки и отправлял их в рот.

Начинался урок литературы и стиховедения. На столе стояла ваза с домашними пирожками, испеченными Светланой Михайловной Аскольдовой. Родители удалялись, а Маришка с тетрадью и книжкой слушала Наума Моисеевича, которого ее папа называл великим поэтом. Коржавин расхаживал вдоль стола, каждый раз прихватывал пирожок и немедленно съедал. Ваза быстро опустошалась.

Мама ученицы, заглянув в комнату и заметив пустую вазу, смущенно спросила:

— Эмочка! Мы же только что пообедали. Ты голодный? Хочешь, я еще тебя накормлю?

— Светик! После тюрьмы и ссылки я просто не могу остановиться, пока не съем всю еду, которую вижу!

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Весело и бесшабашно ранней осенью 1962 года в Кишиневе проходила Неделя молодежной книги. На литературном вечере в Республиканской библиотеке им. Крупской Коржавин встретил свою судьбу — Любовь Верную («Верная» — это фамилия).

ЗОЯ ЕРОШОК

214

213 Любовь Верная. 1963

214 День свадьбы Москва 1965

В Любане, кроме ее дивной красоты и любви к Коржавину, всех потрясало, что она знала наизусть и беззаветно любила все его стихи. Любаня родилась в Одессе. Жила в Кишиневе. Окончила филфак. Работала в библиотеке. Была замужем, растила дочь Леночку, была самой невероятной кишиневской красавицей и первой модницей.

Она влюбилась в Коржавина первая. Только увидела его в своей библиотеке, так сразу себе сказала: «Это — мое!»

Друзья говорили меж собой: «Что же Любаня! Такая красавица! Такая благополучная!!! И куда? В Москву? За Коржавиным? Он же совсем неприканнный...»

Но она развелась и уехала. И Коржавин развелся. Чувствовал вину перед первой женой Валей и дочкой, но поделать ничего нельзя было. Случилось то, что случилось. Любовь.

Любаня даже смешное и шутливое о Коржавине рассказывала с восторгом: «Эмочка — очень смешной. Когда жили в Москве, в кооперативном доме, на собрании жильцов решали, в какой цвет покрасить стены подъезда и коридора. А Эмочка без всякого юмора, на полном серьезе и очень авторитетно заявил: „Надо покрасить в зеленый цвет. У нас так в тюрьме было“».

ЗОЯ ЕРОШОК

215 Вечер Коржавина
Бостон 1975

Молодожены
Москва 1965

В 1970 году Григорий Чухрай снял документальный фильм «Память» о Сталинграде. Основные события фильма, однако, происходили не в Сталинграде, а... в Париже.

По замыслу режиссера, главная изюминка фильма должна была состоять в том, что группа советских кинематографистов подходит на какой-нибудь из центральных улиц Парижа (лучше всего — на площади Сталинграда) к одному парижанину, к другому, третьему и задает им всем один и тот же вопрос: знают ли они, что такое Сталинград? Ни один парижанин, естественно, ответить на этот вопрос не может. Мораль: вот, дескать, мы их спасли от гитлеровской чумы, а они даже не помнят название легендарного города на Волге, где решалась, между прочим, и их судьба тоже.

Если вдруг среди прохожих оказывался какой-нибудь дотошный француз, готовый ответить на этот провокационный вопрос правильно, съемочная группа мгновенно теряла к нему всякий интерес. Говорят, что некоторые парижане были этим крайне обескуражены, а самые настырные из них даже бежали за странными русскими репортерами, пытаясь все таки донести этот свой правильный ответ до зрителя будущего фильма.

Так или иначе фильм был отснят и даже смонтирован. И тогда Чухрай обратился к своему — и моему — другу Науму Коржавину с просьбой написать

217. Священные камни Европы. Конец 1970-х

Режиссер Григорий Чухрай на съемках фильма «Чистое небо» 1960. Автор Г. Кмит

закадровый текст к фильму. Не избалованный литературными заказами Коржавин охотно взялся за эту халтуру. Фильм вышел на экраны.

И тут Коржавин, привыкший к почти подпольному существованию и вдруг оказавшийся одним из создателей произведения, получившего некоторый как бы даже государственный резонанс, сильно возбудился и стал приглашать всех своих друзей, приятелей и знакомых (а их у него было пол-Москвы) сперва на премьеру, а потом и на все другие официальные просмотры.

Это его возбуждение дошло до такой высокой точки, что некоторых наиболее покладистых приятелей он стал приглашать по второму кругу. И тут я не выдержал и сказал ему:

— Эма! Тебе Чухрай дал слегка подзаработать, и я очень за тебя рад. Но ты все-таки должен понимать, что гордиться этой своей творческой продукцией тебе особенно нечего.

— То есть как? — обиделся он.

— А вот так, — сказал я. — Ты сообрази, откуда твой Чухрай со своей киногруппой приехал в Париж? Явились, понимаешь, из советского государства к свободным людям и учат их высокой нравственности.

— А-а, — сказал Эма. — Это конечно. Это я Чухраю и сам говорил. Я даже соответствующее название для этого фильма придумал: «Репортаж из жопы». И даже эпиграмму сочинил... Погоди... Вот!

И он прочел:

Мы о том, что вся Европа —
Это полное говно,
Репортаж ведем из жопы,
Где находимся давно.

БЕНЕДИКТ САРНОВ

В воздухе запахло отъездом и эмиграцией, и друзья-кинорежиссеры решили сохранить облик своего друга-поэта для истории.

Появился Коржавин в фильме «Бег» Алова и Наумова, снятом в 1970 году по мотивам произведений Михаила Булгакова «Бег», «Белая гвардия» и «Черное море». Режиссеры предложили ему придумать образ шпрехшталмейстера, и Коржавин придумал.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

219—220. Кадры из фильма «Бег». Режиссеры Александр Алов и Владимир Наумов. 1970. Мосфильм

219

220

Я подбегал к Хлудову и говорил: «Ваше превосходительство, сам лишился дворянского звания. Отец в 16-м году выслужил. Терпеть надо, ваше превосходительство!» Они сняли, все было нормально. А потом начальство ничего умнее не придумало, как сделать меня борющимся офицерством: «Ваше превосходительство, ай-ай-ай, срам грязнить генеральское звание, отечество взывает о спасении, служить надо, ваше превосходительство».

Я им говорю: «Вы что, опупели, что ли? Что я, буду боевому генералу объяснять, что служить надо? В лучшем случае он бы рявкнул: „Пошел вон, жидовская морда!" — а в худшем — отстегал бы нагайкой или пристрелил на месте, как бешеную собаку».

Мне Наумов ответил: «Ты думай только о своей роли, и все».

Я произнести то, что было нужно, не мог, но Вовка Басов справился вместо меня.

На Кейп-Коде. 1976

Гагринские элегии

Осенним днем лежим под солнцем летним,
А дома осень — снег с дождем сейчас.
Мы окунемся в море — и уедем.
И наша жизнь опять обступит нас —

Как снег и дождь...
Но не хочу впервые
Я снова в жизнь — за все держать ответ.
Кто видел мир в минуты роковые,
Не столь блажен, как полагал поэт

223

223 Брежнев и Суслов на трибуне Мавзолея. Середина 1970-х. Автор В. Мусаэльян

224

На съезде КПСС. 1981. Фотохроника ТАСС

Тогда было очень душно. Очень захотелось мне свистнуть. *(Смеется.)* Не в смысле украсть что-то, а вот так. Ну, я и свистнул и написал балладу «Памяти Герцена». Потому она так непохожа получилась на все остальные. Ее громадная, чрезмерная популярность тогда меня удивила. Я, конечно, от нее не отказываюсь, печатаю всегда. Стихотворение по делу, по существу. Это крик многих поколений, которых беспрерывно учили историческому материализму. Герцен тут ни при чем.

Памяти Герцена*

Баллада об историческом недосыпе

(Жестокий романс по одноименному произведению В. И. Ленина)

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать,-
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так началась в России конспирация:
Большое дело — долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...

Памятник Герцену у Литинститута. Москва. 2015. Автор Л. Перский

Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части — три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не иссякал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал, —
Лет пятьдесят виновного искал.

То в «Бунде», то в кадетах... Не найдутся ли
Хоть там следы. И, в неудаче зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знамёнами
Отцы за ним — как в сладкое житьё...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто недоспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

1970

* Речь идет не о реальном Герцене, к которому автор относится с благоговением и любовью, а только об его сегодняшней официальной репутации. — *Примеч. автора.*

Когда эмиграция стала неизбежной, Коржавин ездил по друзьям и прощался навсегда. Приезжал он и в Ригу к кишиневской подруге своей жены Гале Польшаковой, которая к этому времени перебралась жить в Латвию.

Там они вместе с Любаней часто ходили в кафе «У верблюда» на улице Вальню в Старой Риге и ели серый горох со шпеком...

Эма любил совсем простую еду — свиную советскую или китайскую тушенку, сало, борщ, черный хлеб...

Однажды, в начале шестидесятых, когда Коржавин с женой гостили под Одессой на даче у друзей, хозяйка дома за завтраком спросила, нравится ли ему каша.

— Хорошая каша, — ответил Коржавин. — Нам такую в тюрьме давали.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

226 Обед. Сибирь. 1931. Автор Margaret Bourke-White

227 Бостон. Конец 1970-х. Автор М. Волкова

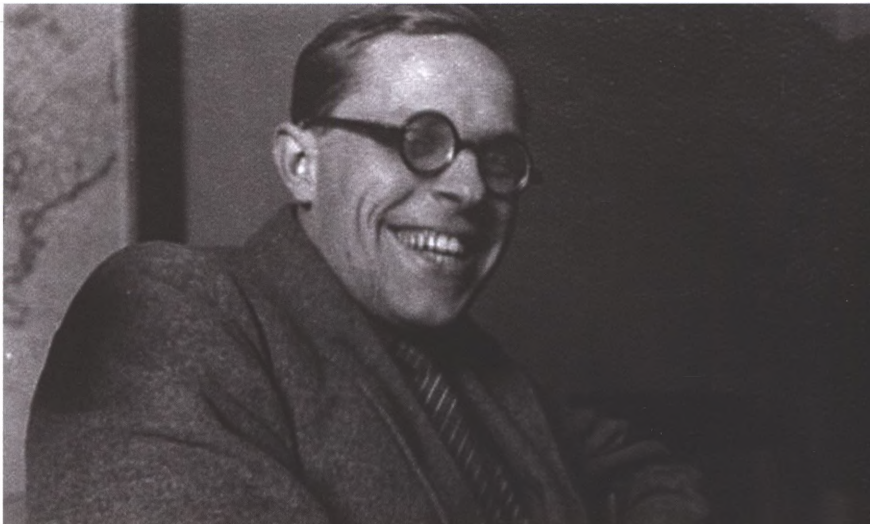
В 1970-е стали люди уезжать, и Эмка ездил на вокзал провожать отъезжающих. Иногда близких, иногда не очень, иногда совершенно незнакомых. Он просто сбрендил. Эта возможность легально уехать вскружила ему голову.

Эмино решение уехать — был поступок строптивца. Сдали нервы. Атмосфера семидесятых годов была такая страшная: три года праздновали 100-летие Ленина, сначала боролись с диссидентами, потом выталкивали их за рубеж. По какому-то дурацкому поводу Коржавина вызвали в прокуратуру, пригрозили и попросили, чтобы он вел себя потише. Дело касалось не его.

Эмка как свободный и гордый человек оскорбился и сгоряча потребовал, чтобы они перед ним извинились, или он уезжает.

Эма бегал к разным людям, приходил к Слуцкому и говорил: «Я не хочу уезжать! Что мне делать?!» Слуцкий даже пошел с ним к Ильину, секретарю по оргвопросам Союза писателей СССР, генералу КГБ. Слуцкий пришел с Эмой как человек заслуженный, боевой майор, прошедший войну, член партии, пришел хлопотать за Манделя, который уже всем объявил, что собрался уезжать. Пришел сказать Ильину, что он за Коржавина ручается, что Эма — человек советский — ну, в общем, всё, что полагается говорить в таких случаях.

228 Виктор Ильин, сотрудник НКВД, секретарь Союза писателей СССР. Москва. 1970-е



И вдруг, рассказывает Слуцкий, я вижу: я тут чужой человек. Я для Ильина — просто поэт Слуцкий, а с Манделем они как родные люди. Один: «Виктор Николаевич!» Другой: «Наум!» — «Ну Виктор Николаевич, ну вы же знаете!» — «Ну, Наум!..»... Но тут Эмка вдруг сказал: «Вы можете поручиться, Виктор Николаевич, что меня больше не будут никогда тягать? Союз писателей обязан меня защищать!»

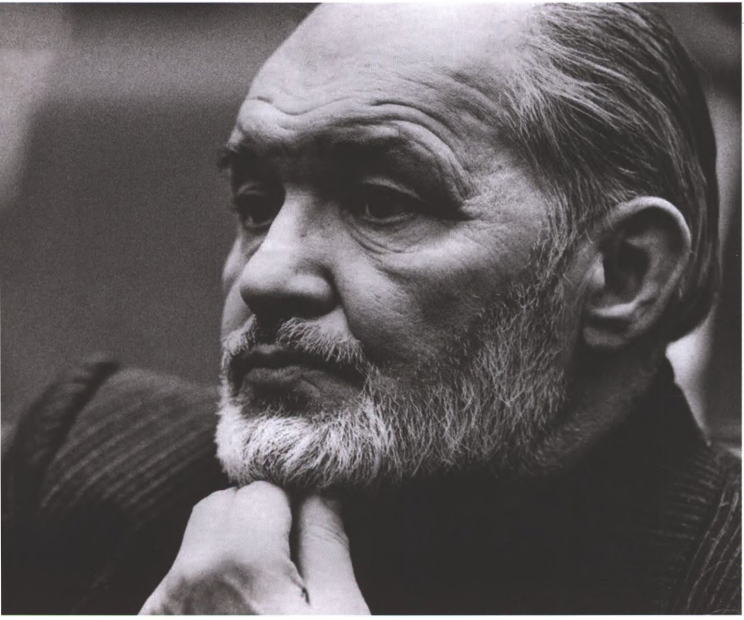
И тогда этот генерал КГБ, который сам в свое время уже отмотал срок, сказал: «Наум! Я самому себе не могу за это поручиться! Не могу же я отменить для вас законы этой страны. В стране нет ни одного человека, который мог бы поручиться, что его никто никогда никуда не вызовет! Всегда могут вызвать любого и спросить!»

БЕНЕДИКТ САРНОВ

229 Прощание с отцом и дочерью. Москва 1973

Коржавин, самый непрактичный человек из всех, кого я только знаю на свете, когда посылал мне свои матерные приветы, был конспиратором почище, чем Ленин, чтобы только меня не подвести. А Солженицын, очутившись на Западе, «заложил» меня, даже, наверное, не задумавшись. Вдруг рассказал в «Бодался теленок с дубом» о том, как я прятал его рукопись романа «В круге первом» в сейфе главного редактора «Правды» А. М. Румянцева. Кстати, это совпало с моментом, когда шла моя книга «Самообман Раскольникова». И что творилось в редакции после выхода его книги «Бодался теленок с дубом»... Потом меня пригласили и на Лубянку.

ЮРИЙ КАРЯКИН



230 Юрий Карякин
Москва 1989

Владимир Войнович. Москва. Середина 1970-х

Отъезд Коржавина в эмиграцию был для меня важен не только тем, что уезжал мой близкий друг, а еще и потому, что он способствовал передаче «Чонкина» за границу. Я приехал к нему домой, была предотъездная суета, собрались разные диссиденты, галдели на кухне, спорили о судьбах мира и страны. У меня не было никаких знакомств с иностранцами или дипломатами, а мне нужно было передать на Запад рукопись «Чонкина», и я спросил у Эмочки: «Ты можешь меня свести с каким-нибудь иностранцем, кто сможет мою рукопись взять и передать за границу?» Он говорит: «Хорошо. Приходи тогда-то». Я пришел к Коржавиным в один из предотъездных дней. Там был Марио Корти, работник итальянского посольства, который взял у меня рукопись и переправил ее за границу, и там она уже состоялась в виде книги.

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

232 Красная площадь. 1 мая. 1938

233 Поцелуй генсеков. 1980-е. Фотохроника ТАСС

Меня начала оскорблять советская жизнь чрезмерно, до болезни, до чирьёв. Стало невозможно, я радио не мог слушать. Но это я все-таки терпел. Потом меня еще вызвали в прокуратуру и провели со мной глупый допрос. Некоторые мои друзья считают, что допрос был провокационный, с целью заставить меня уехать.

Я понимал, что я лишаюсь дома, просто уже не мог переносить советскую власть. Я при моем характере уже не мог сохранять достоинство, живя в Советском Союзе. Один отвернулся и работает, и дай ему бог здоровья. А я так не мог.

По творческим соображениям можно было печататься за границей и жить в России. Это первое. Второе — когда живешь в России, стихи читают, и это самое главное, а зарабатывать на жизнь — я как то зарабатывал, и все было нормально.

В чем со мной был согласен и Галич, когда мы об этом говорили, я думаю, и Максимов согласен, и Войнович.

Любаня. Бостон. Начало 1980-х

* * *

Уже июнь. Темней вокруг кусты.
И воздух — сух. И стала осень ближе.
Прости меня, Господь... Но красоты
Твоей земли уже почти не вижу.

...Причастности ль, проклятья ль тут печать,
Не знаю... Но способность к вдохновенью
Как раз и есть уменье замечать
Исполненные сущности мгновенья.

1973

Это только видимость, что Коржавин уехал добровольно. Он сам говорил: «Мне стало не хватать воздуха». Выдавили всех, ни один не уехал добровольно. И Копелев, и Войнович, и Аксенов, и Гладилин. Вся литература мало-мальски даровитая оказалась сперва на обочине, а потом и за пределами страны.

Был обыск у Виктора Некрасова в Киеве. Мандель в это время как раз был в городе и как-то на людях спел свою знаменитую «Памяти Герцена». Стихотворение попало среди других материалов обыска к органам. Вика Некрасов тогда был вынужден уехать.

А Эму вызвали в прокуратуру, провели беседу. Эпоха была либеральная, но он же был псих, и к тому же у него уже был свой опыт, он уже попробовал тюремной баланды. Он психанул, крикнул им, что да, он читал публично эти стихи. Сказал еще, что есть другие запрещенные книги, и он их хранит, и не скажет где.

Приходит Эмка ко мне после этой своей истерики и спрашивает:

— Ну, как ты считаешь, могу я после этого оставаться жить в этой стране?

— Нет вопросов. Не только можешь, но и никаких причин для отъезда нету.

— То есть как — никаких? Меня же могут еще раз вызвать и спросить, что вы читаете?

— Безусловно, могут. Я тебе больше скажу: тебя могут вызвать и спросить, что вы пишете, а не только, что вы читаете.

— Что же мне делать?

— Да ничего. Плюнуть на это и жить, как ты живешь. Нечего тебе там делать, и нечего тебе туда уезжать!

Но Эмка словно немного помещался. Возможность легально уехать вскружила ему голову. И он в конце концов уехал.

БЕНЕДИКТ САРНОВ

235

235 С Виктором Некрасовым и Виктором Кондыревым. Париж. Середина 1980-х

236 Садово-Триумфальная площадь. Москва. 1938. Автор Великжанин

Москва 2001 Автор Ю Рост

* * *

Ах ты, жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! Как прыгали весело —
Карасями на сковороде.

Из огня — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

238

239

Мы с женой пришли попрощаться с Эмой. Квартира стояла пустая, практически без мебели, одни голые стены... В те времена по постановлению Совмина отъезжающим надо было платить за свой диплом и за отказ от гражданства, на двоих выходило около 10 тысяч рублей, поэтому, как правило, эмигранты продавали все, что возможно, чтобы оплатить эту гигантскую сумму.

Это был уже не первый день прощания, а второй или третий, было много посторонних нам людей, которых мы не знали. Потом пришел Галич, как всегда чуть-чуть подшофе, видимо поэтому он даже не сориентировался и сказал, обращаясь не к Коржавину, а ко мне: «Саша! Как я рад тебя видеть!» Я ответил: «Хорошо, что мы оба будем провожать Эму!»

Тут все стали просить Галича спеть, но не было гитары. Пошли по этажам всего дома, наконец нашли какую-то гитару, но у нее были порваны две струны — дети порвали. Галичу поставили в центре стул, дали гитару, а Эмик ходил взад-вперед по комнате, как зверь в клетке, потирая рука об рука и щелкая пальцами, как он всегда делал, когда волновался и размышлял...

И Галич сказал: «Сейчас я для тебя, Эма, спою! А потом и для тебя, Саша, тоже». И он спел песню про кремлевских курсантов, которую он написал специально мне для фильма «Комиссар», но я потом решил ее не вставлять, потому что это делало фильм тривиальным...

АЛЕКСАНДР АСКОЛЬДОВ

238 А. Аскольдов. Москва. Середина 1980-х

239 Литинститут. Детали. 2015. Автор Л. Перский

240 С Александром Галичем и Владимиром Максимовым. Париж. Середина 1970-х

Когда он уезжал, я помню чувство острой личной потери самого близкого. Я пришел на его проводы с Войновичем. Там еще был какой-то математик, подруга жены и Сахаров с Еленой Георгиевной.

Эма и здесь не смог себе изменить — он каждому дал отпечатанное заранее открытое письмо Хитту — был такой премьер-министр Великобритании. Что-то Эме не понравилось в его заигрывающем тоне с арабами. Увидев эти письма, я понял, что он и там будет проявлять себя. Что и подтвердилось.

Журналист «Голоса Америки», первый бравший у него интервью после отъезда из России, спросил:

— Наум Моисеевич, вы теперь в Америке?

— Я не в Америке, я в эмиграции.

Это была фраза Коржавина, он был весь такой. Он не туда уезжал, а отсюда.

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

Я уезжал от безысходности. В прекрасное далёко я не верил уже тогда. Булат Окуджава как-то сказал, что в последние годы застоя чувствовал, что задыхается, умирает. То же было со мной, только еще раньше...

241 Олег Чухонцев. Начало 1970-х

242 Литинститут. Детали. 2015

243 С Андреем Сахаровым. Москва. Начало 1970-х

242

244. Бостон. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Перский

* * *

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу.

Как светлый лик,
Влекут в свои врата
Чужой язык,
Чужая доброта.

Я к ним спешу.
Но, полон прошлым всем,
Не дохожу
И остаюсь ни с чем...

...Но нет во мне
Тоски — наследья книг —
По той стране,
Где я вставать привык.

Где слит был я
Со всем, где всё — нельзя.
Где жизнь моя —
Была да вышла вся.

Я знаю сам:
Здесь тоже небо есть.
Но умер там
И не воскресну здесь.

ИЮЛЬ—АВГУСТ—1974
БОСТОН БРУКЛАЙН

245

246

245 На траве у дома. Бостон. Середина 1970-х

Я приехал без языка. Плюс американцам не понравилась уверенность, с которой я разговаривал. Знали они меня плохо — у них тут своя какая-то школа известности: по скандалам. И хотя в России я был хорошо известен, а скандалов с моим участием было не меньше, чем у многих известных диссидентов, меня тут не знали. Обозвали «траблмейкером» (скандалистом то есть), сказали, что характер у меня дурной.

А характер, кстати, у меня очень уживчивый. Я никого не перевоспитываю. Но и не могу поступать в ученики к мудакам. Не могу стерпеть, когда человек говорит мне: «Я прочел вашу статью о Смелякове. Мне очень понравилось. Я в ней нашел много общего между его судьбою и судьбой некоторых американских писателей». Я говорю: «Да не может такого быть! Смеляков сидел трижды от родного правительства, которое он любил. Ситуация совсем иная!»

Оказалось, что возражать нельзя. Тут у них государственная свобода, а в общественном — хрен. Нельзя говорить вещи, которые не приняты в этом кругу. Этот круг плохой, я к нему плохо отношусь. Он очень закомплексован.

Я потом жил среди писателей — эти мне понравилось. Они соглашаются, не соглашаются... Но если мы спорим, никто не обижается, не думает, что я считаю его муд-ком.

Круг, в который я попал вначале, был другой. Там считается, что поскольку он якобы специалист в данной области, споря с ним, вы его профессионализм ставите под сомнение. Как же тут возможно общение?!

Идея у них была такая: мы говорим о литературе только в рабочее время. Вот так профессионал! Для них литература, история — вещи, о которых говорят только в рабочее время. Они просто-напросто не историки и не литераторы. Это все херня. Если ты занимаешься литературой, ты занимаешься ей постоянно, не воспринимая как работу. Это интересно, это призвание. Контакта у меня с ними и не получилось.

Надо было угадать все, что надо, многие наши приезжали и угадывали, многие оставались дома и там угадывали.

Русские эмигранты жили во Франции русской колонией. Как мог Георгий Иванов отказаться от России?

246 США. Середина 1970-х

247 Эдуард Лимонов
США. Начало 1980-х

248 ЦДЛ. Москва. 1989

Это случилось на одной литературной конференции. В ней участвовали среди прочих Лимонов и Коржавин. В конце состоялись прения. Каждому выступающему полагалось семь минут.

Наступила очередь Коржавина. Семь минут он ругал Лимонова за аморализм. Наконец, председатель сказал:

— Время истекло...

— Я еще не кончил.

— Но время истекло...

Вмешался Лимонов:

— Мне тоже полагается время?

— Семь минут.

Могу я предоставить их Науму Коржавину?

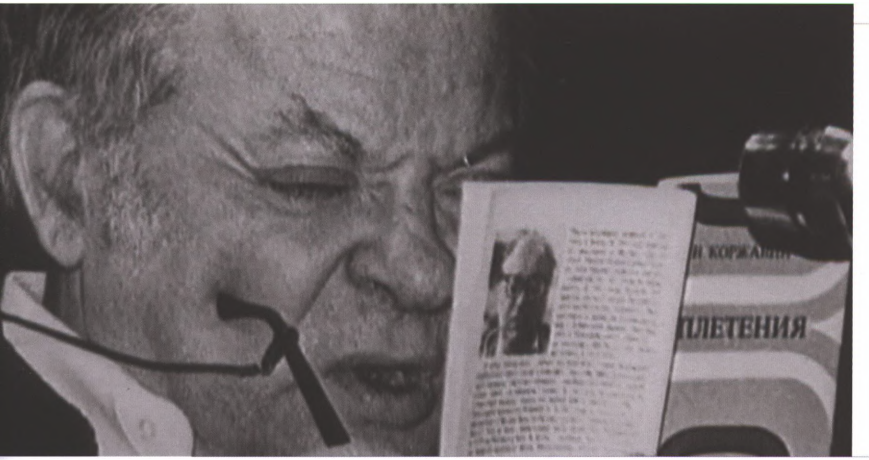
— Это ваше право.

И Коржавин еще семь минут проклинал Лимонова за аморализм.

Причем теперь уже за его счет

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

248



Табло аэропорта

Аэропорт «Логан»

Взойду я на борт самолета,
Вокруг засинеет вода.
И вдруг я почувствую: что-то
Не хочется мне никуда.

Здесь все, что мечталось, так просто,
Доступно... Лишь разницы нет:
Чикаго... Лос-Анджелес... Бостон...
Париж... Копенгаген... Тот свет...

Бостон 1975

Писателю и поэту за границей должно житься трудно и живется трудно, даже если он пишет так много и хорошо, как Бунин.

Дело в том, что я человек послепередовой, то есть я отверг передовое литературное мышление и нахожусь после него, поэтому считаюсь отсталым, что несколько мешает моему успеху в американских университетах, но я думаю, что американские университеты тоже дорастут и отстанут, и все будет в порядке.

250 На Кейп-Коде с кокосом. США. Середина 1970-х

* * *

Никакой истерики.
Все идет как надо.
Вот живу в Америке,
Навестил Канаду.

...Это лучше, нежели
Каждый шаг — как веха...
Но — как будто не жил я
На земле полвека...

1974

Только то чувство, то самовыражение, которое приобщено к какому-то смыслу, через который человек пробивается, сказать громко, к небу, к катарсису, имеет смысл. Без самовыражения искусства просто быть не может, а только самовыражение не имеет смысла, даже если там есть какие-то переживания, которые кто-то чувствует.

Бостон. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Перский

У него трагическое мировоззрение. Он всегда говорит: «Мир гибнет! Россия гибнет! Америка гибнет!» Он всегда говорит, что задыхается от одиночества, и при этом окружен толпой людей, которые его любят, обожают и готовы ему услужать самыми разными способами. Он начал писать трагические стихи, едва перелетев через океан.

Но на самом деле Коржавин — счастливый и гармоничный человек, он прожил немало лет, не обделен вниманием публики и большим успехом, который со временем, может, и потускнел слегка, но поэт Владимир Корнилов про него написал: «А ты ведь первою любовью Москвы послевоенной был».

Коржавин действительно пережил большую любовь большого количества людей. И женщины его любили.

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Накануне одной литературной конференции меня предупредили:

— Главное, не обижайте Коржавина.

— Почему я должен его обижать?

— Потому что Коржавин сам вас обидит. А вы, не дай бог, разгорячитесь и обидите его. Не делайте этого.

— Почему же Коржавин меня обидит?

— Потому что Коржавин всех обижает. Вы не исключение. Поэтому не реагируйте. Коржавин страшно ранимый.

— Я тоже ранимый.

— Коржавин — особенно. Не обижайте его...

Началась конференция. Выступление Коржавина продолжалось четыре минуты. Первой же фразой Коржавин обидел всех американских славистов. Он сказал:

— Я пишу не для славистов. Я пишу для нормальных людей...

Затем Коржавин обидел целый город Ленинград, сказав:

— Бродский — талантливый поэт, хоть и ленинградец...

Затем он произнес несколько колкостей в адрес Цветкова, Лимонова и Синявского. Ну и меня, конечно, задел. Не хочется вспоминать, как именно. В общем, получалось, что я рвач и деляга. Хорошо, Войнович заступился. Войнович сказал:

— Пусть Эмка извинится. Только пусть извинится как следует. А то я знаю Эму. Эма извиняется так: «Извините, конечно, но вы — дерьмо».

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ

252 С Булатом Окуджавой и Иннокентием Смоктуновским. США. Конец 1970-х

В 1981 году Лос-Анджелесский университет организовал конференцию, посвященную русской эмигрантской литературе и ее будущему. Обсуждение проблемы было довольно странное, потому что на этой конференции разных людей называли «эмигрантскими писателями», хотя некоторые из них, в том числе и я, в эмиграции еще не написали ни строчки.

Американские русисты Коржавина не очень признавали, и мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы его пригласили.

Он приехал, стал выступать и сразу же устроил скандал, потому что читатель он очень строгий, а литературу, которая не совпадает с его вкусами, совершенно на дух не переносит. Как известно, он не признает Бродского.

Там еще выступали Лимонов, Саша Соколов, Довлатов, которые тоже были, так сказать, не в Эмочкином вкусе...

Не помню точно, на кого вначале напустился Коржавин. Оскорбил всех славистов, так как считал, что славистика — это вообще чушь, что они ничего в литературе не понимают. Тут он был даже отчасти прав, просто другие вели себя более дипломатично, а он высказывался резко.

А поскольку я был ходатаем за него, мне стало неловко, и я сказал: «Эмочка! Ты должен извиниться!»

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Бостон. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин. Время дано». Режиссер Павел Мирзоев, продюсер Л. Перский

254 Караганда. 1951—1952

Инерция стиля

В жизни, в искусстве, в борьбе, где тебя победили,
Самое страшное — это инерция стиля.
Это — привычка, а кажется, что ощущенье.
Это стихи ты закончил, а нет облегченья.
Это — ты весь изменился, а мыслишь как раньше.
Это — ты к правде стремишься, а лжешь, как обманщик.

Это — душа твоя стонет, а ты — не внимаешь.
Это — ты верен себе и себе — изменяешь.
Это — не крылья уже, а одни только перья,
Это — уже ты не веришь — боишься неверья.

Стиль — это мужество. В правде себе признаваться!
Все потерять, но иллюзиям не предаваться —
Кем бы ни стать — ощущать себя только собою,
Даже пускай твоя жизнь оказалась пустою,
Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало...
Правда конца — это тоже возможность начала.
Кто осознал пораженье — того не разбили...

Самое страшное — это инерция стиля.

1984

Как-то мы пошли с Коржавиным гулять днем, когда он гостил у меня в Мюнхене. Он плохо видит и тогда ходил в очень толстых очках, а в одно стеклышко очков у него было вставлено еще что-то типа монокля дополнительно. Кроме того, Эма всегда носил с собой большой морской бинокль, в который он смотрел, например, телевизор.

Еще Коржавин любил фотографии, поэтому на другом от бинокля боку у него висел фотоаппарат, в Союзе — «Зоркий» или «ФЭД», а после отъезда — уже что-то японское. В перекручивающиеся ремни от фотоаппарата и бинокля наш поэт был спеленут, как новоиспеченный офицер в портупею.

Идем мы по городу, и вдруг Эмочка говорит: «А я никогда не видел стриптиза!» И я, между прочим, тоже никогда его не видел. «Ну, тут, наверное, есть где-нибудь, пойдем, посмотрим», — ответил я.

Мы довольно быстро нашли какое-то заведение. Заходим туда, сели в первый ряд, потому что Эма плохо видит.

Выходит такая совсем немолодая тетя и начинает под музыку раздеваться... И вдруг Коржавин берет свой огромный 16-кратный бинокль и наставляет практически в упор на нее! Она, раздеваясь, заметила в первом ряду странного немолодого персонажа с биноклем, и крайнее удивление появилось у нее на лице, даже некая скованность в движениях. После того как пожилая стриптизерша закончила свой номер, она стала очень медленно уходить за кулисы, постоянно оглядываясь на Эмочку с биноклем...

...Как-то уже в Америке Коржавин сидел в каком-то баре с Алешковским, там девушки раздевались под музыку, а Эма смотрел все время в другую сторону. Юзик ему говорит: «Да ты только оглянись назад — посмотри, какие там девушки милые!» — «Да я знаю — я их уже видел в Мюнхене! Все у меня уже позади, все плохо...»

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

256 Кадр из фильма «Кабаре». Режиссер Боб Фосс. 1972. Allied Artists

256 Коржавин с биноклем. ЮАР. 1980-е

В восьмидесятых Коржавин с женой Любаней провел по приглашению друзей не меньше двух недель в Южно-Африканской Республике. В Крюгеровском заповеднике Наум Моисеевич разъезжал на страусе, наблюдал за дикими львами и антилопами, он побывал в саванне и на мысе Доброй Надежды, получил массу потрясающих впечатлений, о чем писал замечательные письма друзьям в Москву.

Между тем в соседних с ЮАР Анголе и Мозамбике к тому времени четверть века как минимум были установлены социалистические режимы, и советские военные советники помогали удерживать власть и насаждать коммунистическую доктрину братским африканским племенам. Как следствие полной победы социализма на отдельных участках африканского континента в Анголе и Мозамбике наступил повсеместный голод, и местные защитники дела революции перешли на подножный корм: на советских бронетранспортерах браконьеры в военной форме с погонами вторгались на территорию ЮАР, из безотказных автоматов Калашникова расстреливали беззащитных слонов, привязывали тросами и веревками к бэтээрам и волоком транспортировали туши на родину, где с радостью пожирали. В результате этих налетов и наездов поголовье слонов в ЮАР катастрофически сокращалось.

Коржавин даже собрался написать научный трактат о пагубном влиянии социализма на поголовье слонов в Южной Африке, но что-то помешало. Иначе точно дали бы докторскую степень по биологии или по политологии, а может, и новую науку учредили — биополитологию...

ЛЕША ПЕРСКИЙ

257

258

257 В Крюгеровском заповеднике. ЮАР. 1980-е

258 США. 1995

Я пишу для нормального читателя, а не для американских русистов.

С Виктором Некрасовым и Владимиром Войновичем
Мюнхен. 1980

Как-то раз, когда Коржавин жил у меня в Мюнхене, его пригласили выступить на радио «Свобода». Эма говорит мне, что ему перед выступлением на радио надо выпить таблеток женьшеня, потому что они придают ему силу и энергию, чтобы выступать. И мы пошли в аптеку.

А я еще только-только приехал в Германию и по-немецки ничего не знал. Мы заходим в аптеку, я говорю что-то вроде «ксинг-ксенг» — то ли английское, то ли немецкое слово. Они не понимают. Тогда я, не зная, как выразиться правильно по-немецки «для энергии», говорю: «Дер махт брахт фюр потенс». А получилось у меня, что Коржавину что-то нужно для увеличения потенции... Немцы — они же люди без чувства юмора, таращат глаза, ничего не поняли.

Так что он выступил на «Свободе» без всякого женьшеня, и очень хорошо выступил.

ВЛАДИМИР ВОЙНОВИЧ

Некоторые всерьез уверены, что искусство — это инструмент, с помощью которого хотят напомнить государю императору о своем существовании на земле.

Он продолжал печататься в эмигрантской периодике: «Континент», «Грани», «Новое русское слово»; вел передачу на «Свободе», вышло несколько поэтических сборников, но и только... его читатели остались в России.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

260

261

260 В Москве штата Вермонт США. Начало 1980-х

261 Коржавин с женой, Перский с женой и сыном. Норвич, США. 1990

262 С Окуджавой и Искандером в Вермонте. США. Начало 1990-х

Году в 1977-м Наума Коржавина сделали почетным поэтом летней школы для американских студентов и аспирантов, изучающих русский язык, отечественную литературу и СССР.

Его жена Любаня преподавала в летней школе русский язык, а Коржавин набирал семинар по русской поэзии и рассказывал семинаристам о современной и не очень русской поэзии.

Окуджава и Искандер приезжали на лето в Норвич, общались со студентами и самое главное — с друзьями, вынужденными эмигрировать, как, например, Коржавин.

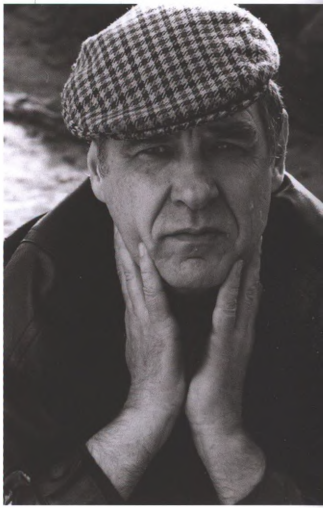
Глеб Глинка, у которого был дом в Кэботе (Cabot, Vermont), недалеко от Норвича, часто заезжал в выходные на машине в летнюю школу и дорогих русских друзей из СССР или уже из США приглашал и отвозил к себе в гости.

ВЕРОНИКА ТУРКИНА-ШТЕЙН

Когда мы только прилетели в Америку, у нас был телефон Коржавина в Бостоне, и мы сразу же позвонили ему. Но нам сказали, что он в отъезде, в Вашингтоне. Мы попросили: если вы будете с ним разговаривать, скажите, что Аскольдов живет в такой-то гостинице в Вашингтоне. Обязательно скажем, ответили нам.

Это было за год до приезда Коржавина на родину, в 1988 году. Был показ моего фильма «Комиссар» на знаменитом еврейском кинофестивале. И вот после фильма медленно реостатом в зале включили свет, и вдруг раздался трубный Эмин голос: «А где эта сука Аскольдов? Я не могу его разглядеть!» Кто-то стал Эму успокаивать. «Тихо! Тут посольство советское в зале...» «Да пошли они ... это посольство! — снова заорал он. — Где эта сука? Аскольдов, сука, ты где?» Он уже очень плохо видел в то время.

Нас с женой по какой-то ошибке, как тогда нам показалось, поселили в роскошнейший, чуть ли не 5-комнатный президентский люкс, и мы не знали, что нам в нем делать: то ли на лыжах кататься, то ли на велосипедах соревнования устраивать. Сейчас понятно, что это было самое



963 Аскольдов. Москва. Конец 1980-х

964 В Сан-Франциско. США. 1980-е

965–966 Автографы Коржавина Аскольдовым. Вашингтон, США. 1988

начало перестройки, на нее на Западе была мода, мы были очень популярны, да к тому же мой «Комиссар» 20 лет пролежал на полке.

После показа в отеле появились Эма и с ним Коля Шмелев, и мы очень много выпили — огромную бутыль очень плохого виски или коньяка, не помню, и много чего еще. Нам было очень весело, радостно, и мы как-то недоумевали — мы расставались с Эмкой, казалось, навсегда, и вдруг такая встреча!

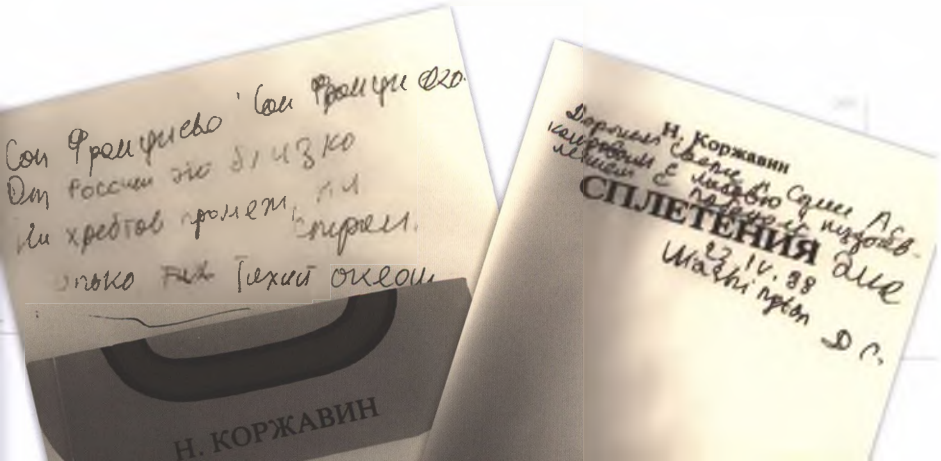
Мы должны были дальше лететь в Сан-Франциско на какой-то другой кинофестиваль, моя жена Света говорит: «Мы уже опаздываем, нам надо уезжать в аэропорт! Уже давно пришла сопровождающая девушка, которая нас должна была отвезти». Эма говорит: «Да нет, не надо, мы и сами успеем!»

Конечно же, мы опоздали на самолет, но нас посадили на следующий рейс. Тогда приезжие из СССР были в диковинку, а про меня и фильм много писали во всех газетах, поэтому все закончилось хорошо.

Он написал нам на листочке такое грустное четверостишье на память:

Сан-Франциско! Сан-Франциско!
От России это близко —
Ни хребтов промеж, ни стран,
Только Тихий океан.

АЛЕКСАНДР АСКОЛЬДОВ



267. Голуби на Красной площади. 1958. Автор Howard Sochurek

Прощание с Ядро

Я назад не хочу. Ни туда, где я нынче живу,
Ни в Париж, ни в Милан, ни в Женеву, ни даже в Москву.
Хоть и хватит блуждать, хоть пора — не о том ли и речь? —
Вновь друзей повидать и в суглинке навеки залечь.

Чтоб, горька, незабвенна, в любом состоянье жива,
Надо мной постепенно в себя приходила Москва.
То спокойно, то круто, то ложью восстав против лжи,
И чтоб все эти смуты, как струпья, спадали с души.

Что мне весь этот рынок и споры, что рынку под стать?
Выбираю суглинок — постель, чтоб свой век переспать.
Выбираю охотно — мне этот возврат по плечу.
А другой — значит, Потьма!.. А я и туда не хочу.

Все упёрлось в «сегодня», а даль — беспощадно пуста
И почти безысходна простая моя правота.
Впрочем, всё ни к чему: век уходит под нож к палачу.
Я и гибель приму... Лишь назад никуда не хочу.

Нет, не тянет в столицы чужие, не манит в моря.
Лишь московский мне снится суглинок. И, может быть, зря.

Наум Коржавин прилетел в Москву 16 января 1989 года. После 16 лет вынужденной эмиграции и разлуки с друзьями.

Он приехал по личному приглашению Булата Окуджавы. Его ждали, его встречали как героя, хотя на героя он совсем не походил, — по-прежнему немного смешной и уже очень плохо видящий человек, явно не очень здоровый, но такой обаятельный, такой родной многим из нас, такой настоящий. Ведь подъем был тогда у многих из нас огромный. Казалось, вот рухнула Берлинская стена, мир становится открытым для нас. Опубликовали «ГУЛАГ» Солженицына, выходят запрещенные годами книги, снимаются с полки запрещенные фильмы. «И свобода нас встретит радостно у входа...»

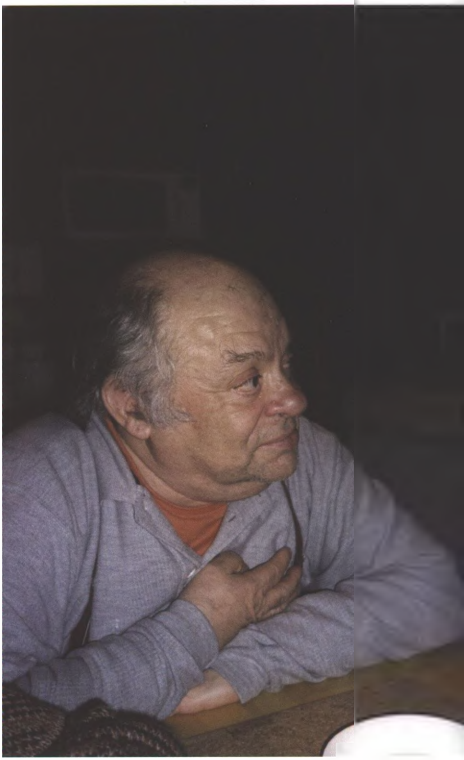
Наверное, многие из нашего круга помнят первое выступление Коржавина в Доме кино. Весь зал встал при его появлении на сцене в сопровождении Булата Окуджавы. Эмка, естественно, ничего не видит, ведь почти слепой. Булат ему на ухо: зал стоя тебя приветствует. Эмочка смутился. Начал читать стихи из того, что помнил. Запнулся. В книге ничего не видит (не те очки). Выходит из зала Игорь Кваша, читает по книге. За ним другие актеры. Это был Эмкин триумф, его праздник.

269 В.Шереметьев с Берестовым и Николаем Нагорным. Москва. 1989

В библиотечке «Огонька» спешно выпустили вторую после 1963 года тоненькую книжечку поэта на родине. Издательство «Художественная литература» решило выпустить большой сборник стихов Наума Коржавина. «Мелодия» тоже решила не отставать и выпустила пластинку стихов Коржавина.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Первый раз Коржавин приехал в Москву после эмиграции в 1989 году и жил дома у Сарновых на метро «Аэропорт». На следующий год Сарнов выбил для друга в Литфонде путевку в Дом творчества в Переделкине, потому что сосуществовать немолодым уже Сарновым с Эмой в одной квартире было довольно трудно: слишком много гостей и друзей каждый день приходило к возвращенцу, да и в быту он был не совсем аккуратен.



С 1991 года Наум Моисеевич, приезжая в Москву иногда два раза в год на несколько месяцев, жил у нас.

Мы в 1991—1992-м жили на Смоленской набережной в элитном сталинском доме в квартире родоначальника советской электроники вице-адмирала и академика Акселя Ивановича Берга. В этом доме жили прокурор, допрашивавший Сахарова, диктор № 1 советского ТВ Игорь Кириллов, солисты Большого театра Владимир Васильев и Екатерина Максимова, адмиралы и генералы — в общем, вполне номенклатурные персонажи. Квартиру у внучки академика и адмирала Берга выменяли наши друзья. Они уехали сначала на год на стипендию в Штаты, а потом и насовсем остались там. А нас попросили присмотреть за нею: своего жилья у нас не было тогда.

В подъезде можно было разбить палаточный городок, на лестничной клетке — легко кататься на велосипеде. Внизу сидели консьержки с телефоном и всех гостей Коржавина спрашивали, к кому и куда они идут. Друзья и знакомые Коржавина, жившие трудно и бедно, попадая в огромную 165-метровую квар-

тиру, похожую на станцию метро, сразу мрачнели лицом и, отозвав поэта на кухню, страстно шептали Науму Моисеевичу на ухо, что он ничего не понимает в жизни, отвык от совковых реалий, сослепу не видит очевидных вещей: такая шикарная квартира может быть только у людей, связанных с гэбухой или ЦК, что было почти одно и то же...

Там, в доме на Смоленской набережной, Коржавин и крестился.

Оттуда мы с ним часто захаживали в Смоленский гастроном, покупали множество сортов копченой и полукопченой колбасы, которую укладывали штабелями между рамами на кухне.

Туда приходили Григорий Чухрай, Олег Чухонцев, Юрий Карякин, Владимир Войнович, Валентин Берестов, Бенедикт Сарнов, Александр Чудаков, Станислав Рассадин, Елена Ржевская и многие-многие другие.

К Коржавину толпами ходили корреспонденты, он давал интервью, комментарии, выступал на телевидении и радио, писал статьи для «Литературки», собирал первый большой сборник стихов для издательства «Художественная литература», вышедший в мягкой обложке в 1992 году тиражом, кажется, три тысячи экземпляров. Его практически мгновенно раскупили, и «Худлит» по своей инициативе переиздал книгу уже в переплете, тиражом двадцать тысяч!

ЛЕША ПЕРСКИЙ

271 Москва 1990

* * *

Пусть рвутся связи, меркнет свет,
Но подрастают в семьях дети...
Есть в мире Бог иль Бога нет,
А им придется жить на свете.

Есть в мире Бог иль нет Его,
Но час пробьет. И станет нужно
С людьми почувствовать родство,
Заполнить дни враждой и дружбой.

Держись призванья своего!
Ты загнан сам, но ты в ответе:
Есть в мире Бог иль нет Его —
Но подрастают в семьях дети.

1959

— Коржавин! Зачем вы крестились! — на меня очень агрессивно набросилась незнакомая женщина в трамвае в Бостоне.

— Люди на костер шли, на крест — и не отказывались от своей веры, а вы!...— благим матом кричала она.

Зачем я крестился? — Ничего себе вопросик для быстрого ответа на ходу, между делом, в трамвае...

Когда в России существовали все эти вопросы, я всегда отвечал раньше, что я еврей.

Но ведь другого выхода тогда не было, потому что иначе получалось бы, что я отказываюсь от своих родителей, от всех предков, от их веры.

Но я же не отказываюсь от всего этого...

Меня называть выкрестом нельзя, потому что я не отказывался от своей веры.

Потому что я никогда не был верующим иудеем, а потом вдруг выкрестился.

273 Бостон. 2010. Кадр из фильма «Наум Коржавин». Время дано». Режиссер Павел Мирзаев, продюсер Л. Парский

274 Протоиерей Вячеслав Резников, крестивший Коржавина. Село Тайнинское. Подмосковье. 2000

Я крестился, а не выкрестился. Из безБожия...

Коржавин крестился в 1991 году у нас дома в Москве. Крестил его протоиерей Вячеслав Резников, к сожалению, ныне уже отошедший ко Господу.

Только-только развалился СССР, наступили новые времена. Крестины можно было организовать и в церкви, но наш батюшка служил в подмосковной Тарасовке, а тащить за город плохо видящего поэта, передвигающегося с палочкой, ехать на метро, на электричке, а потом еще идти пешком от станции до храма, да и обратная дорога до дому — было бы для Коржавина непростым испытанием.

К тому же домашнее крещение не противоречило церковному уставу.

Отец Вячеслав пришел в назначенное время, облачился в рясу, надел нарукавницы, разжег ладан в кадиле и начал крещение.

Миром Господу помолимся!

Батюшка отошел к импровизированной купели, покадил ее и все вокруг. Купелью служил пластмассовый тазик с водой, установленный на табурет, на его бортике горели три свечки.

О еже ныне приходящем на святое просвещение, о спасении его Господу помолимся!

Кроме крещаемого раба Божья Наума, отца Вячеслава и моей жены, которая была крестной матерью, большего никого не было.

Священник глаголал молитву:

Великий еси, Господи, и чудна дела Твоя, и ни едино же слово довольно будет к пению чудес Твоих!

Трижды осенив крестным знамением воду, погрузив свои персты в нее, протоиерей, подув на воду в купели, проговорил:

Да сокрушатся под знамением образа креста Твоего все сопротивные силы!

Батюшка двумя перстами елеем наложил крестное знамение на лоб, груди и плечи Наума Моисеевича, потом помазал елеем и лоб, и щеки, и уши, и грудь, и руки, и ноги крещаемого. Помазав все тело, наклонил голову Коржавина над тазом-купелью, трижды облил его оттуда водой и произнес:

Крещается раб Божий Наум, во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь!

Трижды пропев псалом

Блажени, ихже остави шися беззакония и ихже прикрышася греси,

отец Вячеслав надел на Коржавина крестик и помог надеть заранее приготовленную крестильную рубаху, приговаривая при этом:

275

276

275 С протоиереем Павлом Вишневским и Перским. Москва. Середина 2000-х

276 Борисоглебский монастырь. Торжок, Тверская область. 2017. Автор Л. Перский

277 Часовня Святого Кассиана. Село Учма, Ярославская область. 2011. Автор Е. Грищенко

Облачается раб Божий Наум в ризу правды, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!

Прочтя еще несколько молитв, священник стал совершать миропомазание, помазуя чело, очи, ноздри, уста, уши, руки и ноги крестившегося святым миром, глаголя при этом:

Печать дара Духа Святого, аминь!

Наум Моисеевич был слегка взволнован, сосредоточен, молчалив и самозабвенно налагал на себя крестные знамения, как малое дитя...

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Коржавин каждое воскресенье ездил на литургию в церковь с нами. Это был неблизкий и нелегкий путь, надо было очень рано вставать, потому что храм находился далеко, за городом, под Бостоном. И мы ехали в церковь больше часа.

Там первое, что Коржавин делал, он покупал огромный пук свечей. Так как он не очень хорошо видел, надо было подвести Эму к большому подсвечнику, и там он долго-долго стоял и ставил свечи, при этом что-то громко шептал. Каждый раз он бормотал имена своих оставшихся в живых друзей. Потом Коржавин переходил сам или мы переводили его к поминальному канону, и он ставил свечи, вспоминая всех своих ушедших товарищей, и молился за них.

Каждое воскресенье он молился о вас и о нас...

ВЕРОНИКА ТУРКИНА-ШТЕЙН

278–279. Москва. Конец 1990-х

Как-то однажды при друзьях Коржавин стал размышлять, как предстанет перед Всевышним. Друзья сказали: «Да ладно, Эмка, тебе-то чего бояться, ты вон сколько стихов хороших написал!» А он покачал головой: «Не-е-а, там гражданские заслуги не учитываются».

После того как Коржавин крестился, он стал очень глубоко и искренне молиться. Молился, как дети читают стихи — с выражением. А Любаня ему говорила: «Попроси у Бога это и это...» Она очень верила в «блатную сущность» Коржавина.

Особенно усердно молился по утрам. Как-то только начал молитву — подходит к нему Любаня с целой горстью таблеток...

Она рьяно следила за его здоровьем: лекарства, витамины, добавки в каких-то неимоверных количествах... И в Москве, и в Бостоне я не раз видела эту тянущуюся к коржавинскому горлу Любанину руку, полная ладонь того и этого, от того и от этого. Со страшной силой, приговаривая: «Эма! Это все должно быть в тебе!» — Любаня засовывала таблетки ему в рот.

Так вот на сей раз он начал молиться, а она с таблетками... «Любанечка! Подожди минуточку», — по-хорошему попросил Коржавин. «Нет, Эмочка, прими сейчас...» — не поняла опасность момента Любаня. «Отче наш...» — пытается начать снова Коржавин. «Эма!» — стоит над душой Любаня. «Секундочку...» — «Эма!!!» И тут Коржавин разворачивается и кричит на всю московскую квартиру, где они гостили: «Любаня! Пошла на ..й!» И — в ту же секунду продолжил молитву с того момента, где его перебила Любаня.

ЗОЯ ЕРОШОК

* * *

Давно б я убрался с земли,
Да Бога боюсь и петли.

Как жил я — судить не берусь,
Но вспомнить все это — боюсь.
Да все ли Господь мне простил,
Что я себе сам отпустил?

Нет, лучше пока подожду,
Не буду спешить за черту.
Ко всем, не нарушившим черт,
Господь, говорят, милосерд...

1980

Получается, что Ленин, несмотря на свое «вечное» присутствие в мавзолее, умер — со всей своей проповедью и практикой «утопии со взломом» (а если и воскресает, то только временно и попутно), а Сталин — жив. Сегодня он выступает как рыцарь национального начала и борец против интернациональной ленинской гидры, разрушавшей Россию. То, что этот «национальный рыцарь» раскулачиванием и коллективизацией разгромил русское крестьянство, или остается в тени, или списывается на его шестерок. А никого другого, кроме шестерок, Сталин долго рядом с собой не терпел, теперь уже знают не все — схема действует.

Интеллигенция не любит думать. Неохота думать — и все тут... У нашей интеллигенции были шансы серьезно влиять на власть, но она их профукала.

Интеллигенция не занималась своей судьбой, считает: важно только то, что я и ты думаем. А все остальные пусть идут на фиг! Интеллигенция не думает, как ей надо жить.

А мысль рождается не сама по себе, а от мысли. И свобода тоже.

280 Памятник Ленину и Сталину. Гагры. 1946. Автор Данилов

Первое время после возвращения на родину к Коржавину каждый день приходили толпы — друзей у него было пол-Москвы. Старые товарищи, однокашники по Литинституту, знакомые и незнакомые писатели, поэты и критики, репортеры, фотографы и новые поклонники. От разговоров на родном языке он получал явный кайф: в эмиграции ему этого сильно не хватало — там не с кем было общаться.

Его посетители еще сидели, пили чай, а Коржавин уже нажимал кнопки телефона, приглашая новых гостей или напрашиваясь в гости. Каждый раз он привозил в Москву набранную на компьютере новую «Телефонную книгу всех стран и континентов, в той мере, как они связаны с Коржавиным».

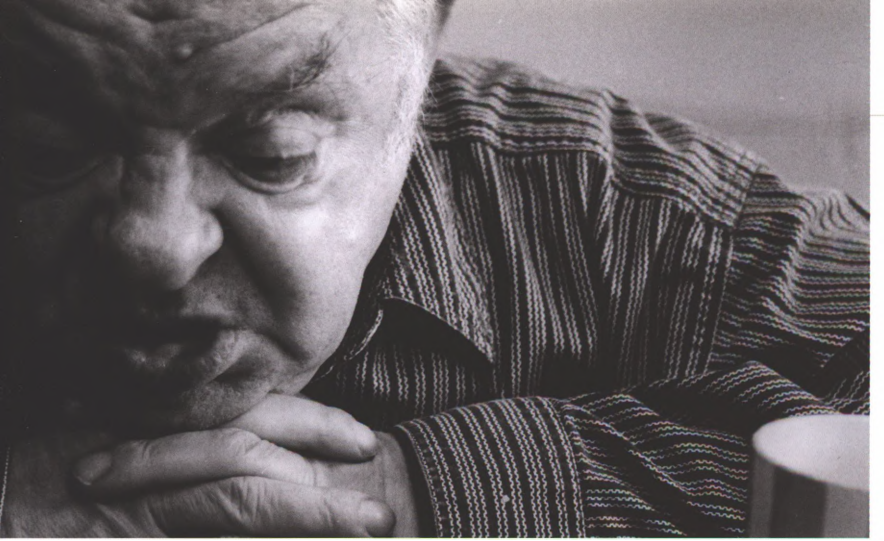
С собой у него был старый Macintosh, весом килограммов шесть, на нем поэт работал, писал «В соблазнах кровавой эпохи».

Когда он жил у нас первый раз, в 1991 году, я сжег коржавинский компьютер. Дело было так: я врубил комп в сеть на 220 В, пропустив мимо ушей неоднократные напоминания Наума Моисеевича и Любани о том, что в Штатах напряжение 110 Вт, а потому необходим трансформатор.

Раздался громкий взрыв, и комната наполнилась дымом. Коржавин сдержался, даже не заматерился. Удалось найти какой-то кооператив, и через пару недель компьютер починили. История дала повод Эмочке гордиться русскими умельцами, сумевшими подковать его блоху: Macintosh'ей тогда в Москве почти не было.

Видел Коржавин очень плохо, всюду ходил со складной белой палкой для слепых. Всюду его приходилось сопровождать, поддерживая под руку. Когда мы гуляли по улицам, люди узнавали его, запросто подходили, здоровались, общались — это было очень приятно. Часто мы заходили в книжные магазины, Наум Моисеевич всегда покупал множество книг. Любил он и походы в продуктовые — Торгсин (Смоленский), Елисеевский или 40-й гастроном, где, к ужасу Любани, покупал массу крайне вредных продуктов: сало, копченые колбасы, ветчину, шпик, буженину, свиную тушенку. Он не только с огромным удовольствием съедал эти деликатесы, но и, отправляясь в гости к московским друзьям, брал в подарок палку колбасы или пару банок тушенки.

Каждый его поэтический вечер проходил с аншлагом: публика соскучилась по любимому поэту, а он — по толпам влюбленных в его поэзию слушателей. Дом кино, МГУ на Ленгорах, Дом литераторов, дом-музей Герцена, школа с литературным уклоном — везде яблоку негде было упасть, люди сидели на лестницах, стояли в проходах.



Литинститут пригласил Коржавина вести семинар, и он усердно, подробно и внимательно работал с юными дарованиями. Студенты стали приходить к нам домой, он часами выслушивал стихи начинающих поэтесс и поэтов, разбирал тексты, давал советы. К сожалению, семинар он вел только один год, или даже семестр, — поменялась власть в альма-матер, и в услугах Коржавина перестали нуждаться.

*

Сняв телефонную трубку, он смешно говорил: «Слухам!» Отправляясь ко сну, объявлял: «Ну, я на станцию Боковую». Когда хотел есть, спрашивал. «Какой у нас сегодня Супченко?»

*

Часто по слепоте после телефонного разговора Коржавин клал трубку то в салат, то в суп. Дети и гости всегда смеялись, а он нисколько не смущался.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

281 Москва. Начало 2000-х. Автор М. Перская

У Берестова дома на улице Волгина не переводился чай с бубликами, несли закуску, варенье, винцо. Ночь за полночь сидели молодые поэты. Хаживали туда Андрей Чернов, Гриша Кружков, Олег Хлебников, Миша Яснов. Приходил почитаемый им Жора Елин, пела Вероника Долина. Всех не счесть.

Он устраивал великие смотры талантов у себя дома, когда прилетал Наум Коржавин...

АНАТОЛИЙ ГОЛОВКОВ

Эма любил Вальку Берестова, радовался его новым коротким стихам, восторженно слушал, как Валентин Дмитрич блестяще изображал голосом Маршака, Расула Гамзатова, Михалкова или самого Манделя. Хохотал заливисто, до упаду...

ЛЕША ПЕРСКИЙ

282 Игорь Иртеньев. Москва. 2015. Автор В. Леднева

283 Евгений Бунимович. Москва. 2015. Автор В. Леднева

284

Меня всегда поражала в нем при его очень добродушной, милой, иногда даже комичной внешности его совершенно неистовая пассионарность. Коржавин всегда страстно и страшно волнуясь обсуждал все политические вопросы, например, он был очень озабочен судьбой Черноморского флота... Если бы он знал, что она решится столь изящным образом!

Его жизнь, конечно же, была здесь, а там было такое существование, как я понимаю это.

В одном из интервью Наума Моисеевича, которое брали лет 15—20 назад, его спросили: кто ему нравится из молодых поэтов? И он ответил: ну, Иртеньев, Бунимович... У меня под стеклом на письменном столе лежит фото, сделанное в один из первых его приездов сюда, наверное, году в 90-м, на квартире у Перского, где мы сняты втроем — Коржавин, Бунимович и я. И мне сейчас на пару лет больше, чем Коржавину тогда, и, представляя кого-то из собратьев по цеху из следующего поколения, мы тоже говорим — молодой поэт...

ИГОРЬ ИРТЕНЬЕВ

284 С Бунимовичем и Иртеньевым. Москва. Начало 1990-х

283. Москва. Середина 2000-х. Автор М. Перская

* * *

Идут, мычат коровы томно,
А сбоку, высунув язык
И словно силясь что-то вспомнить,
Стоит кастрированный бык.

Так я, забыв про жажду славы,
Что раньше жгла огнем мой дух,
Смотрю на камни, лес и травы,
На зеленя — на всё вокруг.

1949

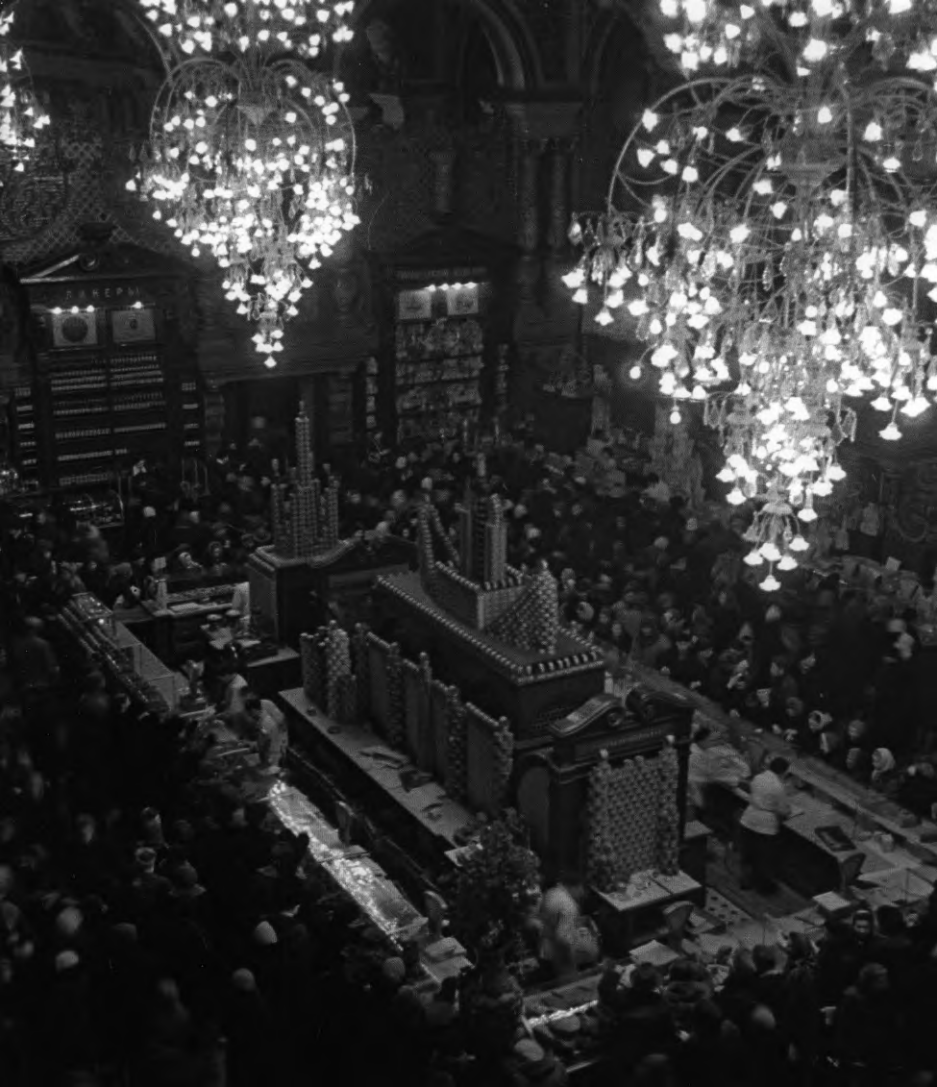
С трудных времен эвакуации, голодных послевоенных лет, когда банка баклажанной икры, купленная не по карточкам в 1947 году, долго снилась ему после ареста, с сибирской ссылки и жизни в Караганде тушенка для Наума Моисеевича была всегда самым вожделенным гастрономическим лакомством. Приезжая в Москву в девяностые, он всегда покупал тушенку сам или просил отвезти его туда, где можно купить ее, самую что ни на есть элементарную свиную, зачастую китайскую, и с восторгом поедал ее из банки, вспоминая свои мытарства и голодуху молодости..

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Из очей печальны слезы льются —
Погубили здесь мою мечту:
В Бостоне на Малой Арнаутской
Делают тушенку, да не ту!

286 Москва. Середина 2000-х. Автор М. Перская

287 Магазин № 1 (Елисеевский) на улице Горького. Москва 1946. Автор Гаранин



В 1973-м Заходера пригласили на прощальную встречу с Наумом Коржавиным, который уезжал в эмиграцию. Собирались у Бориса Балтера.

Мы едем прощаться с Кожавиным. А я — сначала и знакомиться, хотя у меня было такое ощущение, что мы уже были знакомы, — так много слышала о нем от Бориса, от Вали Берестова, которые называли его не иначе, как Эмка. Знала строчки его стихов: «А кони все скачут и скачут, / А избы горят и горят...» Или: «Высшая верность поэта — верность себе самому!» Знала, что все в него влюбляются. И женщины, и мужчины.

Как-то так получилось, что мы с Эмой оказались вдвоем на кухне и, сидя за маленьким столом, беседовали. Я, конечно, не став исключением, сразу влюбилась в этого «смешного дядю». Ничего смешного в нем, конечно, не было, просто его детская улыбка в сочетании с ярким умом и дарованием производила чарующее впечатление. Русский интеллигент, вынужденный (как мы тогда думали, навсегда) покинуть родину. Вот таким я его и запомнила.

ГАЛИНА ЗАХОДЕР

288 Галина и Борис Заходер. Москва. 1980-е

Когда Наум Коржавин навестил нас в Комаровке весной 2000 года, я не могла на него наглядеться, несмотря на годы, которые никого из нас не украсили.

Коржавин и Заходер беседовали на разные умные темы, читали друг другу стихи, а я сидела и не сводила с Эмочки глаз. Хотелось кормить его, ухаживать за ним, подкладывать особенно вкусный кусочек. Поэты обменялись своими сборниками. Борис подарил свои «Заходерзости», Наум Коржавин — «Время дано» с посвящением, написанным словно бы детским почерком: «Дорогому Боре Заходеру с любовью и восхищением. И Галочке — с подобными же чувствами. Н. Коржавин. 20 апреля 2000 г. Москва (и Комаровка)».

Вечером, вспоминая визит, я задала мужу вопрос: «Боря, скажи мне, в чем тайна обаяния Эмочки? Ну, допустим, тогда, четверть с лишним века назад, мы были молоды, он мог мне понравиться как мужчина, но теперь, постаревший, почти слепой, с палочкой, почему он мне всё так же нравится?»

Заходер на секунду задумался и ответил: «Ты любишь детей, ты вечная мальчишница, — так вот, Эмочка — ребенок. Даже и не ребенок — он эмбрион».

ГАЛИНА ЗАХОДЕР

289 С Борисом Заходером. Середина 1990-х

290. Москва. Начало 1990-х

Ресторан «Прага». Москва. 1970-е

75-летие Коржавина в 2000-м году мы отмечали в Доме кино.

Гостей было много, человек сто. Первым выступал Бенедикт Михайлович Сарнов, один из ближайших друзей Эмочки. Речь его была прекрасной, и я очень жалею, что не записал ее, но слишком много было тогда организационных хлопот... Сказал же он примерно следующее:

«Мне повезло — за свою жизнь я общался со множеством замечательных людей, писателей и мыслителей. Среди них были Корней Иванович Чуковский, один из патриархов нашей литературы, критик, поэт и писатель; Илья Григорьевич Эренбург; яркий публицист, поэт и писатель, знавший изнутри Гражданскую войну в Испании, подолгу живший во Франции; Самуил Яковлевич Маршак, глубокий, неординарный человек, поэт и переводчик. Но самое сильное, глубокое влияние на меня оказал мой друг и однокашник Эмка Мандель, ныне именинник Наум Моисеевич Коржавин. Оказал независимостью взглядов, силой и глубиной мысли, железной логикой, искренней прямотой и неумением сгибаться под гнетом любых обстоятельств».

За одним из столов человек пять с огромным аппетитом и скоростью уплетали закуски, салаты, горячее и сладкое, отрываясь от еды только для того, чтобы пальцем показать друг другу гостей, которых удалось узнать. Это были профессиональные прихлебатели, насыщавшиеся духовно и физически, мигрируя с юбилея на поминки, по всем застольям Дома кино, — яркие представители бурного, голодного и лихого конца XX века.

Вторая серия юбилея поэта проходила в редакции «Новой газеты». Здесь Станислав Борисович Рассадин, еще один близкий друг Коржавина, слово в слово повторил речь Сарнова в Доме кино, заявив, что ему довелось встречаться с огромным количеством выдающихся литераторов и мыслителей, но наибольшее влияние на него оказал Наум Моисеевич.

Коржавин купался в лучах любви, дружбы и обожания — в эмиграции ему этого совсем не доставалось.

ЛЕША ПЕРСКИЙ

Если движение происходит в направлении пропасти, то лучше быть в отстающих.

202. С Михаилом Горбачевым. Москва. 2000. Автор Л. Перский

Было это, наверное, году в 2000-м. Встреча происходила на Ленинградке, в Горбачев-фонде. Коржавин и Горбачев час или полтора говорили о развале Союза, о том, как Ельцин пришел к власти, и о том, как Михаила Сергеевича беспардонно выгоняли из Кремлевского кабинета, в пять минут выкинули с казенной президентской дачи и городской квартиры, даже не дав собрать вещи... Наум Моисеевич сочувствовал Горбачеву и переживал за него, за развал державы и с болью в сердце обсуждал с последним генсеком и первым президентом СССР судьбы страны и мира и все события, которые происходили в то время...

*

Горбачев смешно рассказывал Коржавину анекдоты о себе в третьем лице. Например, такой:

Приходит Горбачев к Ельцину. Весь такой задумчивый и мрачный.

Ельцин:

— Ты чего такой?

— Да что-то нашу политику не понимаю...

— Ну так садись, я тебе все сейчас объясню!

— Объяснить я и сам могу, я понять не могу...

ЛЕША ПЕРСКИЙ

22 июля 1941 года в Центральном доме литераторов у парикмахера Маргулиса собрались писатели. Были Федин, Леонов, еще кто-то, и шел разговор о том, что главное в этой войне. Говорили о людских ресурсах, запасах, экономическом потенциале, территории. А парикмахер Маргулис сказал: «Вы знаете, что главное в этой войне? Главное в этой войне — выжить, вот что главное!»

Сегодня перед Россией стоит та же самая задача — выжить без потрясений. Перефразируя Столыпина — или выход без потрясения, или потрясения без выхода...

Я шел на «Поэта» в радостном волнении, хотя знал, что лауреата — Наума Коржавина — на сцене не будет. Перечисляя своих любимых поэтов, я, кажется, ни разу не называл его, хотя мало чьи стихотворения я вспоминаю так часто.

По свидетельству тех, кто знал Наума Коржавина в его юности и позже, внешность его производила впечатление чуть ли не комическое; каким-то нелепым, беззащитным он выглядел. И голос всегда имел не зычный, не громовой. Но более громкого поэта, по-настоящему громкого, оглушающего, в нашей поэзии трудно найти. Его традиционно построенные, аккуратные на первый взгляд строки кричат. Не жалобно, не испуганно и даже не сердито или гневно, а как-то иначе... Окраска этого крика для меня уже многие годы загадка.

Впервые о Коржавине я услышал в середине 1980-х. По радио. Он открылся мне написанным им в юности стихотворением «Зависть»... Первая и последняя строфы буквально врезались в мозг, и с тех пор я ношу в себе.

Нет, я не люблю это стихотворение, не наслаждаюсь им, хотя часто, очень часто повторяю. Повторяю то грустно и устало, то иронично, а то и злобно. И чувствую, как наполняюсь силой... Видимо, для этого оно и создано — раздражать, взбадривать, спорить с ним.

Часто приходится слышать коржавинское: «Какая сука разбудила Ленина? / Кому мешало, что ребенок спит?» Но соль стихотворения содержится в последних двух строфах.

Как встряхивает этот, формально, призыв ко сну. Как бухает глагольная рифма в финале... И как глубока эта характеристика: «И никуда не деться нам от жажды сна и жажды всех судить...» Безжалостная характеристика поколения пресловутого застоя (стихотворение написано в 1970 году). Поколение дремало и судило. Потом его разбудил Горбачев...

На церемонии награждения зал не был переполнен. К сожалению, было мало молодежи. Я бы, будь моя воля, именно на Коржавина приводил за руку молодых стихотворцев. Чтобы они узнали, что можно быть громким поэтом, оставаясь внешне тихим и неуклюжим.

Я видел Наума Коржавина однажды. Было это в Москве на вечере журнала «Континент» лет десять назад. Коржавин, маленький, но широкий, в очках с толстенными линзами, сидел на стуле в стороне от фуршетного стола. Я подошел и сказал, что его «Можем строчки нанизывать...» сопутствуют мне

всю жизнь. Он качнул головой и еле слышно, с трудом шевеля губами, произнес в ответ: «Вам еще труднее, чем нам». — «Почему?» — удивился я. Коржавин объяснил: «У вас очень мало читателей».

Тогда я, помнится, покивал, жалея себя и свое поколение. Да, дескать, читателей мало. Позже стал понимать, что читатели могут появиться, если писать громко, чтоб услышали далеко. Так же громко, как тихий с виду Коржавин.

РОМАН СЕНЧИН

293 Роман Сенчин.
Автор А. Веселов

Когда я приехал в Москву в 18 лет, стихи Коржавина, написанные в совершенно юном возрасте, поразили меня до глубины души, они казались мне невероятными и волшебными. Прошло столько лет, но его стихи не потеряли для меня новизны и волшебства. Я считаю, что нам давно пора отметить нашей премией Наума Моисеевича Коржавина — он это заслужил всей своей поэзией, своей жизнью и биографией!

Впрочем, для такого человека премии не имеют значения. Он штучная фигура. Один среди многих.

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

294 Евгений Евтушенко на вручении премии «Поэт» 2013. Москва. Автор А. Степаненко

295 Юлий Ким вручает премию «Поэт»-2016 представителю Коржавина. Москва. 2016. Автор В. Леднева

295 Юлий Ким. Премия «Поэт»-2016. Москва. Автор А. Степаненко

В 2016-м судьбу номинантов решало жюри под председательством Юлия Кима (лауреат премии «Поэт»-2015). «Решение не было трудным — литературный статус Наума Коржавина бесспорен... Это один из самых честных и самых добродушных людей на свете, один из тех немногих, кто своими стихами воспитывал наше поколение».

ЛЕША ПЕРСКИЙ

296

297 Москва. Середина 1990-х

* * *

Ни трудом и ни доблестью
Не дорос я до всех.
Я работал в той области,
Где успех — не успех.

Где тоскуют неделями,
Коль теряется нить,
Где труды от безделия
Нелегко отличить...

Но куда же я сунулся?
Оглядеться пора!
Я в годах, а как в юности —
Ни кола, ни двора,

Ни защиты от подлости, —
Лишь одно, как на грех:
Стаж работы в той области,
Где успех — не успех...

1960

С точки зрения «Екклезиаста» времена, может быть, и не совсем новые. У меня такого охвата нет — я не Бог. Но мне кажется, что наступили очень тревожные времена для всей нашей цивилизации. Люди забывают, кто они и зачем. Юриспруденция обходится без справедливости, литература не вспоминает о душе.

Пафос освобождения часто оторван от самой свободы. Освобождать, освобождать, еще больше освобождать! В конце концов освобождают от самой свободы. Женщину — от женственности, а мужчину — от мужественности...

298 Москва. Начало 1990-х

* * *

Горожане в древнем городе Содом
Были заняты развратом и трудом.
Рос разврат и утончался... И всегда
С ним росла производительность труда.
И следил все время строго их Сенат,
Чтоб трудом был обеспечен их разврат.

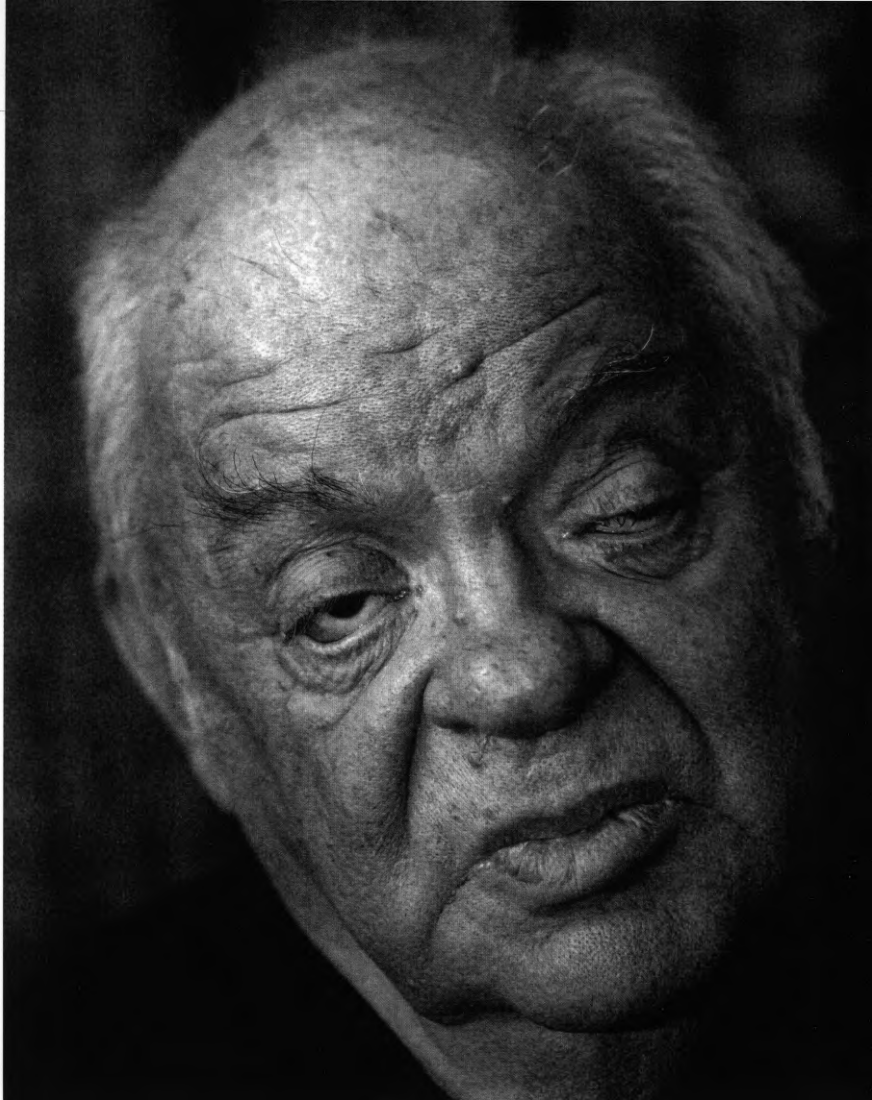
Телевидение в городе Содом
Просвещение вносило в каждый дом.
Дух прогресса всех учило постигать,
Наслаждаться, но расплаты избегать.
Пусть кто хочет превращает в матерей
Их одиннадцатилетних дочерей.

Что пугаться? — Были б в деле хороши!
В том и жизнь. И нет ни Бога, ни души.
Наслаждайся!.. А к вакханкам охладел,
Есть в запасе свежесть юношеских тел.
Что там грех — забвенье смысла и лица
Перед скукой неизбежного конца?

Все ли думали так в городе Содом?
Может быть. Да кто расскажет нам о том?
Остальные ведь молчали — вот напасть! —
В ретрограды было стыдно им попасть.
И от тех, кто прямо чтил не Дух, а плоть,
Их потом не отделял уже Господь.

Чем все кончилось, известно без меня.
Что вникать в природу Божьего огня.
Все сгорели в древнем городе Содом,
А при жизни размышляли не о том,
Не о том, за что сожгут, на что пенять,
Лишь — куда себя девать и чем занять.

1993



Я хочу, чтобы люди поняли: Коржавин — это очень серьезное, серьезнейшее явление духовно-художественной жизни России от сороковых годов до сегодняшнего дня, да-да, до сегодняшнего дня. Явление, без которого наша история будет неточно, неправильно понята.

Тот, кто сегодня или когда-нибудь позже захочет разобраться, понять, прочувствовать, промыслить, что такое в духовном отношении были все эти годы, — без имени Коржавина просто не имеют права обойтись.

Он — просто честное, совестливое, мудрое отражение, выражение и удивительное понимание этой трагической эпохи. И не задним числом, а изнутри.

Это чудо жизни в мертвецкой, российской и мировой, в морге российском и мировом. Это, может быть, одна из самых мудрых поэзий той трагедии, это настоящая гордость нашего духовного сопротивления в царившей тогда бессовестности. Вот человек из тех, кто сумел сохранить и преумножить свое человеческое и духовно-поэтическое достоинство в самых немыслимых условиях.

Кажется, я нашел сейчас точное, конечно, пушкинское слово, относящееся к нему: «Нежного слабей жестокий».

ЮРИЙ КАРЯКИН

299. Москва. 2001. Автор Ю. Рост

Форма стихов — материя интимная. Попытка на ней настаивать и делать из нее нечто принципиальное — неправильна. Нельзя форму отрывать от самого стиха. Стихи даются уже в форме, и нужно эту форму уловить и передать. В этом суть стихов.

300 ЦДЛ Москва 1989

* * *

Бьет о берег Понт,
понт и мы творим...
Я иду на фронт —
воевать за Крым.

1989

* * *

Гнет некультурности неистов,
Всегда он рад врагов крушить...
Жалейте, люди, террористов:
Цыпленок тоже хочет жить.

1989

* * *

Старый хрен Наум Коржавин
Был один во всей державе,
Ну а больше и не надо —
На хрена такие гады?

2010

* * *

Науму Коржавину

У поэта соперников нету —
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас — о себе.

Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас — за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.

То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, — нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

302

301 Москва. 2001. Автор Ю. Рост

302 С Окуджавой. Бостон, США. Конец 1980-х

Труды и дни

1925, 14 октября. — Родился в Киеве.

1930-е годы. — Учился в 95-й киевской школе, начал писать стихи, занимался в литературном кружке в школе и во дворце пионеров.

1940. — Исключен из 9 класса школы из-за конфликта с учителем. Перешел в 33-ю школу.

1941, июль-август. — Эвакуирован с родителями на Урал.

1942. — Прошел за год 9-й и 10-й класс и окончил среднюю школу в городе Сим Челябинской области.

1942, октябрь — 1943, сентябрь. — Работал фрезеровщиком на заводе № 132 и литсотрудником заводской газеты «За победу».

1943, октябрь — декабрь — Служил в 384-м Запасном стрелковом полку в городе Камышлове Свердловской области.

1943, декабрь — 1944, январь. — Уволен по болезни (порок сердца и слабое зрение) из армии, направлен на работу чернорабочим на шахту в Егоршинском районе Свердловской области.

1944, март. — Переехал в Москву. Мытищинским военкоматом мобилизован на работу на авиазавод № 88 в Подлипках. Работал контролером ОТК, маляром в деревообделочном цехе.

1944, сентябрь. — Не смог поступить в Литературный институт им. А.М. Горького. Начал учиться в Лесотехническом институте.

1945, январь. — Перешел на работу литработником в редакцию газеты «Вперед» авиамоторного завода № 45.

1945. — Поступил в Литературный институт.

1947, 20 декабря. — Арестован. Обыск в комнате общежития. Помещен во внутреннюю тюрьму Лубянки.

1948, январь-февраль. — Предъявлено обвинение по ст. 58-10 (антисоветская агитация). Двухмесячная экспертиза в Центральном НИИ Судебной психиатрии им. Сербского. Душевнобольным не признан.

1948, март-август. — Находился в заключении во внутренней тюрьме Лубянки, камера № 60. Статья обвинения 58-10 заменена на 7-35 (социально опасный элемент) «за чтение стихов идеологически невыдержанного содержания».

1948, 14 августа. — Постановлением Особого совещания при МГБ СССР осужден «к высылке с запрещением проживать в режимных местностях 3 (три) года».

1948—1950. — Жил в ссылке в деревне Чумаково Михайловского района Новосибирской области.

1951. — Освобожден. Уехал в Тюмень, получил паспорт.

1951—1954. — Из-за приговора, запрещающего жить в «режимных городах», поселился в Караганде. Обучался в Горном техникуме, получил диплом штейгера (горного мастера).

1954. — Амнистирован. Возвратился в Москву. Зарабатывал на жизнь переводами.

1955. — Женился на Валентине Григорьевне Голяк.

1955 год, 29 марта. — Родилась дочь Елена.

1956. — Реабилитирован. Возобновил обучение в Литературном институте.

1959. — Окончил институт. Опубликовал несколько отдельных стихотворений.

1961. — В литературном альманахе «Тарусские страницы» опубликованы 16 стихотворений.

1963. — Вышел первый и единственный в СССР сборник «Годы» (стихи 1941—1961 гг.).

1960-е годы. — Читатели узнавали стихи Коржавина в основном через самиздат.

1965. — Развелся. Женился на Любови Семеновне Верной.

1967. — Пьеса «Однажды в двадцатом» поставлена в московском драматическом театре им. Станиславского.

1973, октябрь. — Выезд из СССР в Вену, проживание в Риме.

1974. — Приехал в Бостон. Выступал в американских университетах, на радиостанции «Свобода». Был членом редакции журнала «Континент».

1976. — В ФРГ издан сборник стихов «Времена».

1981. — В ФРГ издан сборник стихов «Сплетения».

1989, январь. — Приехал в Москву впервые после 16-летней эмиграции.

1989—2006. — Ежегодно приезжал в Москву, жил в ней по 2—4 месяца, встречался с читателями и студентами, выступал, публиковался в периодике, участвовал в радио- и телепередачах.

1991. — Крестился.

В Москве издана брошюра «Письмо в Москву».

1992. — В Москве издана книга «Время дано» (стихи и поэмы).

С 2007. — Состояние здоровья не позволяет больше ездить в Москву.

2014, 18 января. — Смерть второй жены, Любови Семеновны Верной.

2014. — Переехал в Чапел-Хилл (Северная Каролина, США) к дочери Елене Рубинштейн.

2015, декабрь. — Награжден премией Московского Союза писателей «Венец».

2016, май. — Награжден Российской национальной премией «Поэт».

Библиография и не только

«Тарусские страницы». Литературно-художественный сборник. 16 стихотворений Коржавина. 1961. Калужское книжное издательство. Тираж 75 000.

«Годы». Первая и единственная книга в СССР. Издательство «Советский писатель». Тираж 10 000. Цена 13 копеек.

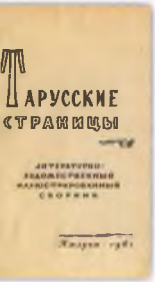
«Времена». 1976. Издательство «Посев». Франкфурт-на-Майне. Без объявления тиража.

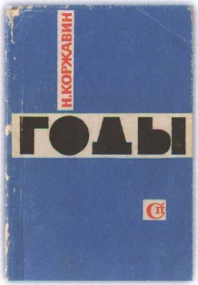
«Сплетения». 1981. 2-е изд. — 1988. Издательство «Посев». Франкфурт-на-Майне. Без объявления тиража.

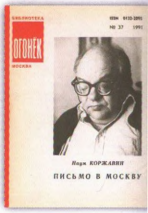
«В наши трудные времена». Стихотворения. Читает автор. Записи 1989—1990 годов. Фирма «Мелодия». Апрелевский завод грампластинок. Тираж 10 000.

«Письмо в Москву». Август 1991. Библиотека «Огонька». Тираж 84 000.

«Время дано». Март 1992. Издательство «Художественная литература». Мягкая обложка. Тираж 3000. Когда первый тираж был мгновенно раскуплен, по своей инициативе «Худлит» напечатал еще 20 000 в твердом переплете!







«К себе». Сентябрь 2000. Издательство «ЭКСМО-пресс». Тираж 5100. Самая неудачная книга. Без спросу опубликована вступительная статья Б. Сарнова, множество опечаток, ошибок и неточностей.

«В защиту банальных истин». Сборник статей. Март 2003. Издательство «Московская школа политических исследований». Тираж 1500.

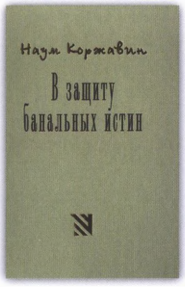
«Стихи и поэмы». Октябрь 2003. Издательство «Материк». Тираж 2000.

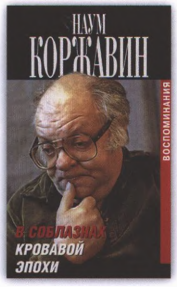
«В соблазнах кровавой эпохи». Воспоминания. Ноябрь 2005. Издательство «Захаров». Тираж 1500. Были несколько допечаток тиража.

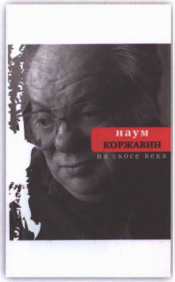
«На скосе века». Февраль 2008. Издательство «Время». Тираж 2000.

«Эмка Мандель с Колборн-роуд, 18». Документальный фильм. Ноябрь 2010. Режиссер Павел Мирзоев. Продюсер Л. Перский.

«Наум Коржавин. Время дано». Документальный фильм. Сентябрь 2015. Режиссер Павел Мирзоев. Продюсер Л. Перский.







Мемуаристы и свидетели

Ольга Адамова-Слиозберг (1902—1991) — узница ГУЛАГа, сидела на Соловках, Колыме и Магадане. Автор воспоминаний «Путь», которые вышли в 1993-м с предисловием Коржавина.

Александр Аскольдов (1932) — кинорежиссер, друг Коржавина с конца 1950-х.

Валентин Берестов (1928—1998) — поэт и писатель, друг Коржавина с 1944.

Владимир Войнович (1932) — писатель, друг Коржавина с 1960-х.

Анатолий Головков (1945) — журналист и писатель.

Сергей Довлатов (1941—1990) писатель и журналист.

Евгений Евтушенко (1932—2017) — поэт.

Зоя Ерошок (1953) — «золотое перо» «Новой газеты», дружит с Коржавиным с начала 1990-х.

Владимир Жестков (1943) — читатель и почитатель Коржавина.

Галина Заходер (1929) — фотохудожник и литератор, жена поэта и переводчика Бориса Заходера (1918—2000).

Игорь Иртеньев (1947) — поэт, знаком с Коржавиным с начала 1990-х.

Юрий Карякин (1930—2011) — философ, литературовед, общественный деятель, друг Коржавина с середины 1960-х.

Ирина Карякина-Зорина (1938) — жена Ю. Ф. Карякина.

Лазарь Лазарев (1924—2010) — литературный критик, писатель, главный редактор «Вопросов литературы», устроил в «Литгазету» Коржавина, друг Коржавина с конца 1950-х.

Леонид Рабичев (1923) — поэт и писатель, участник войны, художник.

Станислав Рассадин (1935—2012) — критик, писатель, друг Коржавина с конца 1950-х.

Бенедикт Сарнов (1927—2014) — писатель, критик, однокашник Коржавина по Литинституту.

Роман Сенчин (1971) — прозаик.

Владимир Тендряков (1923—1984) — писатель, однокашник Коржавина по Литинституту.

Вероника Туркина-Штейн (1926) — литературный редактор, преподаватель в «русской школе» в Норвиче. Знакома с Коржавиным с 1960-х.

Олег Чухонцев (1938) — поэт, друг Коржавина с конца 1950-х.

Ирина Чухрай (1921) — жена кинорежиссера Григория Чухрая (1921—2001). Друг Коржавина с 1945.

Стихотворения Наума Коржавина*

9 Зависть
18 «Мир еврейских местечек...
Ничего не осталось от них...»
23 Дети в Освенциме
27 *Жуча*
33 *«Боль начинает наплывать...»*
35 22 июня 1971 года
41 «Предельно краток язык земной...»
46 *Восемнадцать лет*
59 «Меня, как видно, Бог не звал...»
73 16 октября
85 Стихи о детстве и романтике
95 *«О нет! Меня таким не знала ты...»*
98 «Паровозов голоса...»
103 В Сибири
104 *«Кем только я не был! И все между прочим...»*
106 Невеста декабриста
110 Московская поэма
115 Вступление в поэму
123 На смерть Сталина
127 Иван Калита
131 «В наши трудные времена...»
139 «Не надо, мой милый, не сетуй...»
145 Трубачи
149 Вариации из Некрасова
163 Церковь Покрова на Нерли
165 *«Нас отпускали с разных предприятий...»*
167 Рассудочность
177 *«Здоровый поймет ли больного судьбу?..»*
195 Подонки
201 Из поэмы «Танька»
207 «Ты сама проявила похвальное рвенье...»
227 Гагринские элегии
231 Памяти Герцена. Баллада об историческом недосыпе
241 «Уже июнь. Темней вокруг кусты...»
245 «Ах ты, жизнь моя — морок и месиво...»
251 «То свет, то тень...»
257 Аэропорт «Логан»
258 *«Никакой истерики...»*
263 Инерция стиля
275 Прощание с Яддо
281 «Пусть рвутся связи, меркнет свет...»
288 «Давно б я убрался с земли...»
295 «Идут, мычат коровы томно...»
309 «Ни трудом и ни доблестью...»
311 «Горожане в древнем городе Содом...»
315 *«Бьет о берег Понт...»*
315 *«Гнет некультурности неистов...»*
315 *«Старый хрен Наум Коржавин...»*

* Стихотворения, отмеченные красным номером страницы, выбраны Олегом Чухонцевым специально для этой книги. Курсивом выделены стихи, служащие иллюстрациями к событиям в жизни героя

Леша Перский

Родился в Ташкенте в 1956-м.
Закончив в 1973-м школу, переехал в Москву.
Работал могильщиком, репетитором, дворником, экскурсоводом.
Закончил в 1979-м МГПИ им. Ленина, факультет русского языка и литературы.
Трудился учителем, литературным секретарем Вениамина Каверина (1983—1986).
Писал для ТВ, радио, театра и кино.
Работал сценаристом, режиссером, шеф-редактором на новом РТР в 1991—1992.
Занимался извозом.
С 1994 в Интерфаксе. Прошел путь от корреспондента до гендиректора одной из дочерних компаний.
Продюсер двух документальных фильмов о Коржавине.
Женат, четверо детей.

Правообладатели

1. Архив Перского
2. © Юрий Рост
3—5. Архив Венской епархии
6. Российский государственный архив кино-фотодокументов (РГАКФД)
7. © bessmertnybarak.ru
8. РГАКФД
9—11. The Life images collection/ Gettyimages.ru
12. Архив Коржавина
13. РГАКФД
14. © Л. Перский
15. The Life images collection/ Gettyimages.ru
16. Киностудия им Горького
17—20. Архив Венской епархии
21. РГАКФД
22. © Л. Перский
23. РГАКФД
24. © Л. Перский
25. Архив Коржавина
26. Государственный литературный музей (ГЛМ)
27. © starkiev.com
28. Архив Коржавина
29—30. РГАКФД
31. ГЛМ
32. Nationaal Archief van Nederland
33. The Life images collection/ Gettyimages.ru
34. Nationaal Archief van Nederland
35—36. РГАКФД
37. The Life images collection/ Gettyimages.ru
38. Мосфильм
39. ГЛМ
40—41. РГАКФД
42. Архив Коржавина
43—45. РГАКФД
46. Архив Перского
47. The Life images collection/ Gettyimages.ru
48—50. Архив Коржавина
51. Архив Перского
52. Ленфильм
53. РГАКФД
54. Архив Перского
55. Архив Сарновых
56. Архив Перского
57—59. РГАКФД
60. The Life images collection/ Gettyimages.ru
61. ГЛМ
62, 63. РГАКФД
64, 65. Архив Перского
67—69. © Н. А. Устинова (Pastvu.com)
70, 71. РГАКФД
72. ГЛМ
73. Архив Перского
74. The Life images collection/ Gettyimages.ru
75. РГАКФД
76. Архив семьи Чухрай
77. РГАКФД
78. The Life images collection/ Gettyimages.ru
79. РГАКФД
80. The Life images collection/ Gettyimages.ru
81. РГАКФД
82. The Life images collection/ Gettyimages.ru
83. РГАКФД
84, 85. Архив Перского
86—88. РГАКФД
89. Архив Коржавина
90, 91. The Life images collection/ Gettyimages.ru
92. Архив Коржавина
93—95. The Life images collection/ Gettyimages.ru
96. © bigpicture.ru
97. Ленфильм
98, 99. The Life images collection/ Gettyimages.ru
100, 101. РГАКФД
102, 103. Архив Коржавина
104. The Life images collection/ Gettyimages.ru
105. Архив Коржавина
106. РГАКФД
107. Архив Перского
108. Архив Коржавина
109. Архив Перского
110. РГАКФД
111. Архив Коржавина
112. The Life images collection/ Gettyimages.ru
113. Архив Коржавина
114. Мосфильм
115. РГАКФД
116. Мосфильм
117. Накануне.ру
118. Архив Перского
119. Архив семьи Чухрай
120, 121. Архив Коржавина
122. Мосфильм
123—126. Архив Коржавина
127. Архив Сарновых
128. Архив Перского
129. Архив Коржавина
130. The Life images collection/ Gettyimages.ru
131. Архив Чухонцева
132. Архив семьи Шкловских
133. The Life images collection/ Gettyimages.ru
134. Архив Перского
135. РГАКФД
136. Мосфильм
137. Архив семьи Чухрай
138, 139. Мосфильм

140. Архив Перского
141. РГАКФД
142—144. The Life images collection/ Gettyimages.ru
145, 146. ГЛМ
147, 148. Архив Чухонцева
149—151. Архив Перского
152. Архив семьи Шкловских
153. Мосфильм
154. ГЛМ
155. The Life images collection/ Gettyimages.ru
156. Архив Коржавина
157. ГЛМ
158. РГАКФД
159. Архив Чухонцева
160—162. ГЛМ
163. Архив Перского
164. Архив Коржавина
165. Архив Перского
166—168. Архив музея К. Кулиева в Чегеме
169, 170. РГАКФД
171. Википедия
172. РГАКФД
173. Архив Перского
174. Архив Коржавина
175. Архив Перского
176. ГЛМ
177. The Life images collection/ Gettyimages.ru
178. РГАКФД
179, 180. Архив Коржавина
181. Архив Перского
182. РГАКФД
183—185. Архив Перского
186—191. The Life images collection/ Gettyimages.ru
192. РГАКФД
193. Архив Перского
194, 195. The Life images collection/ Gettyimages.ru
196. Архив Перского
197. The Life images collection/ Gettyimages.ru
198, 199. Архив Сарновых
200. Мосфильм
201. Архив Перского
202. The Life images collection/ Gettyimages.ru
203. ГЛМ
204. РГАКФД
205—207. Архив театра им. Станиславского
208. © Михаил Баранов
209. The Life images collection/ Gettyimages.ru
210. Архив Аскольдова
211, 212. Архив Перского
213—216. Архив Коржавина
217. Архив Перского
218. РГАКФД
219, 220. Мосфильм
221, 222. Архив Перского
223, 224. РГАКФД
225. Архив Перского
226. The Life images collection/ Gettyimages.ru
227. © Марианна Волкова
228. РГАЛИ
229. Архив Коржавина
230. Архив Карякина
231. Архив Чухонцева
232, 233. РГАКФД
234. Архив Перского
235. Архив Коржавина
236. РГАКФД
237. © Юрий Рост
238. Архив Аскольдовых
239. Архив Перского
240. Архив Коржавина
241. Архив Чухонцева
242. Архив Перского
243. Архив Коржавина
244. © Л. Перский
245. Архив Перского
246. Архив Чухонцева
247. © foto-history.livejournal.com
248. Архив Перского
249. © depositphotos.com, автор macrovector
250. Архив Перского
251. © Л. Перский
252. Архив Коржавина
253. © Л. Перский
254. Архив Перского
255. Allied Artists
256—259. Архив Перского
260. Архив Коржавина
261. Архив Перского
262. Архив Коржавина
263. Архив Аскольдова
264. Архив Чухонцева
265, 266. Архив Аскольдова
267. The Life images collection/ Gettyimages.ru
268—272. Архив Перского
273. © Л. Перский
274—279. Архив Перского
280. РГАКФД
281—283. Архив Перского
284. Архив Иртеньева
285, 286. Архив Перского
287. РГАКФД
288, 289. Архив Заходера
290. Архив Перского
291. РГАКФД
292. Архив Перского
293. Архив Романа Сенчина
294. Архив премии «Поэт»
295. Архив Перского
296. Архив премии «Поэт»
297, 298. Архив Перского
299. © Юрий Рост
300. Архив Перского
301. © Юрий Рост
302. Архив Коржавина

Особая благодарность правообладателям фотографий, авторство которых установить не удалось. Ежели таковые найдутся, с огромным удовольствием при переиздании книги восстановим ныне недоступные имена авторов фотокарточек.

Литературно-художественное издание

Наум Коржавин

Все мы несчастные сукины дети

Байки и истории про Эмку Манделя, собранные Лёшей Перским

Идея и текст — **Лёша Перский**
Литературный редактор **Елена Грищенко**
Корректор **Майана Аркадова**
Дизайн и верстка — **Стас Валишин**

Со всеми пожеланиями, вопросами и уточнениями к издателю
можно обращаться по адресу **izdatel.persky@gmail.com**

Подписано в печать 19.04.17. Формат 60x90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Объем 41 п. л. Тираж 2000 экз. Заказ № 114328.

Отпечатано в типографии
«PNB Print», Латвия
www.pnbprint.eu

Здравомыслящий безумец

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

У него хороший вкус, он любит хороших поэтов

ИОСИФ БРОДСКИЙ

Чудо жизни в морге российском и мировом

ИРИНА КАРАСИН

Чистое воплощение поэта божьей милостью

БЕНЕДИКТ САРНОВ

У Коржавина все проникнуто сердечной простотой

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

ISBN 978-5-9500126-0-0

По происхождению я еврей, по самоощущению — русский патриот. По взглядам — либерал и государственник. Я ведь ничего не предлагаю, кроме как слышать и понимать друг друга.

НАУМ КОРЖАВИН